

Алина Сурменева

ПОВЕСТЬ БЕЗВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Сурменева

Повесть безвременных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54815597

SelfPub; 2020

Аннотация

Хроники жизни студентов из Российской глубинки. Будущее маленького города не очень-то и светлое, потому ребятам приходится самим придумывать, как выкрутиться без денег, выжить без хлеба и заодно развлечься. Содержит нецензурную брань.

Содержание

«9 февраля 2017 года. Нет, это не дата нового апокалипсиса. Всего лишь моё восемнадцатилетие. Когда я была маленькой, представляла себе, как по зеркальной сиреневой глади неба к моему дому сплывается огромная стая цветных дирижаблей и как много маленьких белых цветов распустится под окнами сквозь толщу февральского снега. Я никогда не надеялась вырасти привлекательной. Хотелось, чтобы красота была вокруг меня.

А сейчас – свершилось. Мне восемнадцать, и я сижу в той же обстановке, что и год назад, разве что обои как-то ободрала в истерике. Везде, кроме комнаты родителей. Там по-прежнему лежат их вещи и документы, и я не смею прикоснуться к ним.

Дежавю. Хотя нет. Ещё месяц назад мне было страшно здесь, а теперь я смотрю сквозь большой оконный проём без штор на верхушки деревьев и думаю о том, что с этого ракурса город, где я живу, не так уж и плох, но пора отсюда выбираться. И так много времени потеряла. Если останусь, ещё больше упусти.

Восемнадцать.

Пора принимать взрослые решения.

Только бы дождаться экзаменов, показаться в школе пару раз, сдать всё и уехать. Уехать. Уехать. Уехать подальше.

И теперь почти каждую ночь мне снится отработанная в прошлых попытках бежать из города схема: все необходимые вещи собираются за 15 минут, закрывается дверь, курс на... Пошутила бы про безработную девочку и трассу, но я всего лишь пошла бы ловить попутку до первого попавшегося большого города.

Боялась потому, что раньше не принимала таких серьёзных решений.

Радовалась по той же причине.

Почти пять месяцев гадала, что это будет за город, так как пообещала не мешать судьбе, чтобы та имела возможность забросить меня подальше.

Но жизнь умеет удивить, даже если у Тебя очень смелые планы.

На развязке под Новосибирском я запуталась с картой и вышла не на ту сторону дороги, потому и уехала куда-то на запад, миновав единственный мегаполис в округе. Сейчас

я вспоминаю и смеюсь: не понимаю, как так можно было легко относиться к своему будущему.

— Тебе куда? — спросила женщина с высветленными волосами по плечи и добрым лицом, выглянувшая из открывшейся двери большегруза. Я раньше думала, что дальнбойщиками только мужчины работают, и мне стало интересно.

— Да куда довезёте.

— Могу до Омска.

Тут я и сообразила, что стояла не там, где нужно. Но очень уж хотелось разговора с такой необычной персоной: в восемнадцать лет мне очень импонировали идеи феминизма. Вот я и оправдала своё решение тем, что чем дальше я уеду из родных краёв, тем будет лучше.

– Да, давайте, – ответила я и забралась в машину.

Разговор по дороге получился неплохой. Всегда приятно общаться с волевыми людьми, которые в один прекрасный день взяли жизнь в свои руки и пошли бороздить всё, что другие называют проблемами. Я почти всё время слушала и думала: круто, я ведь сейчас на первой ступени к такому

же...

Дальнобойщица Лена Ермакова — замечательная, всем рекомендую. Прощаясь, мы смеялись над тем, почему водителям в «Убере»¹ можно поставить пять звёзд, а дальнобойам — нет. А вот в Омске мне оставаться не захотелось. Грустный город. Как и почти все населенные пункты в Сибири.

Юное глупое сердце заболело о том, что, быть может, мне суждено было доехать до Москвы в поисках пристанища, и я уже без особой надежды села в следующую машину и почти сразу уснула.

Водитель разбудил меня через семь часов, на самом рассвете в черте незнакомого города, который у меня сразу где-то откликнулся, и я поняла, что всё это время держала путь именно сюда.

Тем самым городом оказалась Тюмень».

Сентябрь

¹ Uber — международная публичная компания из Сан-Франциско, создавшая одноимённое мобильное приложение для поиска, вызова и оплаты такси.

И опять проснулся. Чёрт. Всегда так: насмотришься диких кошмаров, пробуждаешься и даже если хочешь, не можешь заснуть. Тело порой страшится больше разума. «Ненавижу, ненавижу» – повторял про себя Влас. Да, имя у него не из нашей эпохи, и очень забавно совпало, что он большую часть своей жизни до переезда в Россию жил в Киеве. На самом деле, это долгая интересная история, сейчас расскажу.

Это у него не проходит с семи лет, вроде бы пора уже смириться, но почему-то Влас всё равно одинаково сильно злится каждый раз, когда кошмары снова появляются. Проблемы со сном – отстой. Жопа ещё более глубокая, чем можно представить себе. Взгляд, брошенный на часы, не улучшил его настрой. Будильник был заведён на восемь, а сейчас – полседьмого. Не зная, чем ещё себя занять, Влас вышел на пробежку. Утренняя прохлада первого дня сентября. Нужна куртка. Ему пророчили первые университетские годы особенными, но пока что ничего такого не чувствовалось, даже предвкушения. Он бежал, пытаясь выстроить свой маршрут по наименее знакомым улицам, дворам и кварталам, но город был слишком мал для этой затеи. За четыре месяца пребывания здесь он стал тошнотворно знаком с каждым переулком, каждым уголком. Как вообще это работает?

За полтора квартала до общежития технического университета Власа догнал Валера Красников – неплохой знакомый

с подкурсов, с которым они иногда пересекались на матчах по футболу и тусовках. Он бегаёт каждое утро, не по настроению, не то что Влас.

– Здорова, Влас. Ну что, куда взяли?

– На пед, куда ж ещё?

– А что за направление?

– Будешь смеяться. Физическая культура.

– Да ладно. Всяк менее напряжно, чем у меня.

– А у тебя что?

– Физмат.

– Неплохо.

– Кстати, Лёня Дружаев, если помнишь такого, мы у него в прошлом месяце киноночь устраивали, тоже на физрука учится, только на втором курсе. Круто, будет тебе материалы подгонять, сможешь на лекции не ходить.

– А чё, так можно разве?

– Говорят да. Хотя лучше у него самого уточни. Ладно, братишка, мне туда, – Красников указал на переулок, ведущий к школьному стадиону.

– Ладно, удачи.

Валера свернул, а Влас побежал дальше один. Он любил проводить время в компании самого себя. В большинстве случаев для него это было лучше, чем общение, особенно если сравнивать с общением с девками. Чужды были ему все эти сайты знакомств, поиски подружек. Человек – целое. Не нужны ему никакие половинки. «Не люблю. Не люблю и не понимаю», – вот что думал Влас на этот счёт. Зачем пытаться найти в других качества, которых нам недостаёт, если можно просто напрячь волю и жопу и выработать их самому?

Вернулся домой, смастерил себе омлет из трёх яиц с помидорами, сварил гречку, пнул соседа по комнате, чтобы он проснулся наконец после десятого будильника. Наверное, пендаль Власа действительно волшебный, ибо Валю ничто другое не могло разбудить. Из-за стены слышались голоса обитателя следующей комнаты – Стаса и ещё одного соседа – Егора. Кореша, часто тусуются вместе. В целом они неплохие ребята, но Власа Егор иногда бесил настойчивыми попытками занять денег у всех и вся, но это был единственный

предмет конфликтов с ним, и то несерьёзных.

Забавно: комнаты находятся рядом, и Влас через стенку слышал всё, что у них происходит, а в обратную сторону это не работает.

Общага просыпается. На сорок минут раньше первой пары, на полтора часа позже Власа. Он маялся, не зная, чем себя занять в оставшееся время перед началом занятий. Закинув руки за голову, Влас смотрел в потолок, потом – в небо того же сероватого цвета, кусочек которого был виден за окном, потом – снова в потолок. Ожиданий от первого дня в университете не было никаких. Ещё он не знал, как проходят занятия, и на всякий случай решил не опаздывать. Главный корпус университета глядел в его окно. Ни надежд, ни страхов – он вышел.

На входе возле турникетов охранник начал быковать за неработающий электронный пропуск, мол, иди возвращайся домой за студенческим билетом, чтобы подтвердить личность, да только Влас его послал, выдернул свою руку из клешни, которой охранник его схватил, и пошёл дальше по территории университета, сдержав мимолётное, но жутко острое желание врезать ему. «Дебил, – подумал Влас. – полтора месяца без пропуска мимо него ходил, а тут второго сентября его вдруг осенило».

Ещё вчера должны были состояться какие-то сборы, на неофициальной части которых у нас было бы время познакомиться со своим курсом, но их отменили из-за проливного дождя с мелким градом. Даже если бы сие мероприятие состоялось, Влас вряд ли бы пошёл.

Посмотрел расписание. Поднялся на четвёртый этаж, нашёл нужную кафедру. Первым человеком, которого Влас увидел там, был Дима Христофоров – парень, заговоривший с ним ещё в очередь в приёмную комиссию, с которым он виделся мельком ещё пару раз, и ныне – староста группы. По первому впечатлению неплохой тип. По второму – лентяй девяностого уровня, так что старостой его назначили зря. Пока не пнёшь – не пошевелится, да и если пошевелится – глаза закатит. А ещё он дикий Казанова. Да, девчонки по нему просто слюной обливаются. Высокий, светловолосый, с чувством юмора, слегка слащав и в здоровой мере безразличен ко всему, что может быть серьёзным, но в то же время невооруженным глазом заметно: он любит девичье внимание. Человек-ветер, с которым предельно легко общаться.

– О, привет Влас. Меня старостой назначили, слышал?

– Знаю, знаю. Здорово.

– Прошёл на бюджет, как хотел?

– Ага, – он задумался, рассматривая других первокурсников за плечом Христофорова.

Началась лекция. Влас сел на последний ряд и больше наблюдал за студентами, чем слушал. Седой дед в пиджаке рассказывал основы психологии, что ещё меньше располагало его слушать, но создавало неплохой фон для разглядывания незнакомых людей.

Влас знал, что этот внезапно возникший интерес – лишь временное явление. На следующий же день наступит привычное безразличие к окружающим, и тут уж ничего не поделаешь. К такой форме стремилось существование Власа. Таким он был.

Ребята, переговаривавшиеся рядом, обронили пару слов о том, что на лекции сидят студенты ещё двух направлений: лингвисты и обществоведы. Влас присмотрелся. И правда, набор на физическую культуру был намного меньше. От скуки начал предполагать, кто из них будет учиться с ним. Не то чтобы Власа волновало, просто дед в пиджаке затянул какое-то слишком муторное объяснение.

Тощий мальчуня в футболке с руками как у барышни – с

первого взгляда нет. Девчонка в длинной серой юбке и широкой кофте с первого ряда? Нет. Ещё одна рядом с ней, кудрявая, с большим вырезом на спине – тоже вряд ли. Вон тот малый в очках с портфельчиком на столе – точно нет. Как блин выглядят физруки в этом вузе?!

Уже со второго учебного дня начали всплывать организационные моменты, о которых никто никого не предупреждал, но за их невыполнение деканат нещадно грозил отчислением первокурсников. Так, сидя в огромной очереди то на флюорографию, то на получение читательского билета, Влас невольно заобщался со старостой своей группы. Вообще-то, Дима был не очень близок ему по духу, но это был единственный человек в группе, которого Влас знал раньше, и где-то в толпе около студенческого бюро, ожидая выдачи новеньких зачётных книжек, эти два непохожих первокурсника дошли от формального «привет, как дела?» до почти дружеского «не хочешь с нами в бирпонг² на выходных?»

Дима был местным. Только пташке исполнилось восемнадцать, как обеспеченные родители выпустили дитё на волю, а точнее – в съёмную однушку на окраине города рядом с об-

² Бирпонг (от англ. beer – «пиво») – алкогольная игра, в которой игроки бросают мяч для настольного тенниса (пинг-понга) через стол, стремясь попасть им в кружку или стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола.

ветшалым заводом, о котором никто не знает даже, работает он или нет. Квартира была минималистичная, но достаточно уютная. Большой тёмно-синий диван, пепельница на столе вместо более привычной банки для окурков, нет учебников на столе и фотографий на стенах, есть маленькая лоджия с окнами в пол.

С тех пор Влас часто бывал у Димы дома. Не то чтобы компания была по вкусу (по сути ему было всё равно, с кем пить), да и состав тусовки был непостоянным. Люди менялись чаще, чем Влас успевал с ними заобщаться (вернее даже не пытался). Девушек он априори не запоминал, а из ребят в памяти отложились только те, кто сам заговорил с ним. Первым был Красников Валера – простой открытый парень из области, будто сошедший со строчек песен Макса Коржа. Влас помнил его ещё с подкурсов, вторым – второкурсник в модных очках с толстой блестящей оправой, который представился как Лепс. Он спросил что-то о преподавателях, отпустил пару наставлений (обычно Власа такое раздражало, но Лепс не показался ему ни умником, ни высокомерным, да и слушать его выжимку университетского опыта было даже местами интересно). Несмотря на то, что несменяемым местом всех их встреч была однушка Димы, Лепс всегда вёл себя так, будто на нём держится вся тусовка. И, удивительно, но роль хозяина всея мира ему шла.

Иногда на регулярных тусовках у Христофорова появлялись и совсем неожиданные люди – например, сосед Власа Егор и даже другой сосед – Валя, которого Влас откровенно считал тормозом, пока они вместе не выпили и не разговорились, но неизменно каждый раз собирались четыре человека, которым, видно, суждено было стать друзьями:

Дима Христофоров

Лепс

Валера Красников

и сам Влас.

—

Первый коллоквиум. Первое небольшое испытание в студенческой жизни Власа, которое он, кстати, выполнил весьма неплохо. У остальных одногруппников тоже не возникло особых проблем. Последним из кабинета вышел самый крупный, но далеко не самый глупый из них – Юрченко Вова.

– Сдал?

– Да. Чёрт, думал, она специально самые дурацкие вопросы из списка задавала.

– Бесячая баба, – поддержал Дима. – Почему все женщины в этом универе так косят под феминисток?

– Не знаю, Хрис. – ответил ещё один парень, имя которого Влас постоянно забывал. – Пошли лучше отметим эту победу.

Не прошло и часа после окончания занятий, а Христофоров уже хлестал водку из горла дома у одногруппника Макса. Сначала коллоквиум по основам физиологии казался притянутым за уши поводом покутить, но чем больше доставали вина из домашних запасов, тем сильнее ребята верили в то, что сдать его было подвигом. Дух первой коллективной победы заставил восьмерых студентов почувствовать себя пирующими викингками. Даже нелёгкий на подъём Влас развесялился, пусть и музыка, которую ребята ставили, совершенно не нравилась ему.

Спустя полторы банки тёмного пива Влас вспомнил, что с учётом разницы во времени, в Киеве уже полночь и решил написать поздравление с днём рождения школьному другу Артуру, вместе с которым они перед выпускным сняли с петель дверь в кабинете завуча. Где-то с двадцать минут он пытался выдавить из себя благодарности и пожелания к совершеннолетию, но получалось что-то больше похожее на хре-

новое признание в любви, так что он оставил свои страдания до завтра и решил сегодня больше не пить.

– Итак, га-аспада! – заплетающимся языком проговорил стокилограммовый шкаф Лёня. – Пора бы и честь знать, да по домам расходиться.

– Разъезжаться, ты хотел сказать? – усмехнулся Христов.

– А кто на машине?

– Да Вася вот.

– Не-е-е, его мы таким за руль не посадим.

– Так, кто у нас тут самый трезвый?

Влас впоследствии часто вспоминал тот вечер и ругал себя за то, что решил сесть за руль, но тогда пиво снизило его способности к адекватному оцениванию ситуации, добавило слабоумной самоуверенности, и уже через пятнадцать минут восемь пьяных студентов кучей ввалились в синюю девятку, припаркованную у подъезда.

Всё в этом мире стремится к завершению. Ноги – к дороге, бутылка – к опустошению. Да, одной допитой за соседской бутылки невкусного пива хватило молодой, неприученной печени для того, чтобы девочка опьянела. Взглянула в зеркало – нет, ничуть не похорошела. Расстроилась. Надела свитер поверх теплой рубашки, потому что на новую осеннюю куртку нужно ещё заработать, а старая такая страшно застиранная, что носить стыдно.

Сентябрьская истома выгнала девочку на улицу подышать прохладным воздухом, побродить по пустынным дорожкам. Уже больше полуночи? Давно. Скоро рассветёт. Ни души на улицах. Только шорох и гул оставшегося позади центра. На границе заброшенной промзоны и дремлющего спального района девчонка устала. На самом деле устала она ещё давно, ещё когда закончились слёзы о смерти родителей. Теперь она знала, как ужиться с этим, но до сих пор понятия не имела, как можно спокойно пройти мимо такого красивого ночного неба. «Ого, какие звёзды». Пьяной девочке кажется, что они размером с кулак. Вытянула руку, проверила. Нет, всё же чуть меньше. Поплакала от того, какие они прекрасные (ну можно же, пока никто не видит?), присела. Успокоилась.

Ого, а земля, ещё прогретая, не успела остыть после душевного сибирского лета. Девочка откинулась назад, опершись на локти, глядя вверх, чтобы слёзы не выкатывались из глаз, но притом боясь вновь расплакаться от такой красоты.

Тишина и фонарики звёзд. Вот бы одна упала, она загадала, чтобы все в мире были счастливы. Одиноки и грустяще-счастливы, как она сама сейчас. Вот бы ещё фонари не мешали, млечный путь бы увидела, наверное, а то светят всё сильнее.

Блять, это не фонари!!

Девочка пулей рванула с дороги на обочину. Ноги сверхбыстрым бегом еле унесли её от беды. Сине́й полуразваленной девятки. На зрении ещё несколько секунд отпечатались два прямоугольных следа от фар. Сквозь них девчонка, растянувшись на обочине, не в силах пока встать после того, как споткнулась, краем глаз пыталась оценить целостность свежённых коленей и ладошек. Ещё секунда – мгновение осознания того, что ничего не повреждено и тут услышала слова:

– Ёб твою мать, что ты творишь?

Из машины высыпало пятеро. Девчонка не запомнила всех. Был светло-русый, с причёской аля «не хожу к парикмахеру три года», один в косухе и очках в толстой чёрной оправе. Ещё один короткостриженный с щетиной, остальные в памяти не отпечатались.

– Ну чё, Лепс, жива?

Парень в очках посветил на лицо Вари фонариком от телефона. Ярко. Она моргнула и зажмурилась.

– Жива, жива.

Один из парней, склонившихся над девчонкой, раздражённо плюнул в сторону и пошёл к машине. С отросшими волосами махнул рукой и последовал за ним, короткостриженный с щетиной начал кричать. Возможно, он ругался и до этого момента, девчонка была немного в шоке от ситуации и не запомнила.

– Тебе жить надоело или что?

Варя не нашлась, что ответить. Да, ей действительно надоело жить в восемнадцать лет. Она хотела попросить прощения за сложившуюся ситуацию, но тут короткостриженный начал откровенно грубить, и желание извиняться мгновенно

отпало:

– Ладно ты самоубилась бы, одной умственной отсталой стало бы в мире меньше, а срок сидеть мне потом пришлось бы. Ты в курсе, что...

– Я не пыталась покончить с собой.

Парень повернулся к машине и крикнул:

– Ребят, ура, она не немая. А нахер на дороге тогда валяться?

– А тебе нахер с выключенным дальним светом ездить? – огрызнулась девчонка.

– Ёб твою мать, ты ещё и умничать пытаешься? Так крепко об обочину стукнулась?

– А может ты просто не знаешь, что такое дальний свет? – всё не унималась Варя. – У тебя вообще права есть?

– Руки от земли отряхни, а потом уже размахивать ими будешь. А лучше сразу иди проверься у психиатра.

И тут девчонку окончательно сорвало:

– Сам иди к психиатру, мразина! Ты только что чуть меня не сбил, меня трясёт до сих пор, а он советы тут раздаёт, блять.

Короткостриженный сжал кулаки. Из-под куртки стало видно, как поднялась его грудная клетка от шумного вдоха.

– Следи за языком. Тебе повезло, что я девушек не бью.

– Кретин, если б ты сам за словами следил, мы бы давно уже всё решили и разошлись.

– Дура, – отрезал парень и направился к машине. – Мне с тобой больше не о чем разговаривать.

– Когда-нибудь тебе втащат за то, как ты с людьми разговариваешь, – выкрикнула девчонка вслед и зашагала в противоположную сторону.

«Придурок. Просто дикий хам», – плевалась остатками возмущения Варя, отряхивая с грязного свитера кусочки сухой земли по дороге домой.

«Тупая девка. Прилегла она ночью на дорогу блин. Это ж что вместо мозгов должно быть...»

После этого случая у Власа включилось какое-то лютое отрицание алкоголя. Хоть он и был почти совсем трезв, не хотел ни коим образом приближать себя к такому состоянию, как у неё.

Отрешённости его хватило ровно до того момента, когда ребята, решившиеся остаться у Макса, вернулись и начали смотреть кино с длинным названием про три рекламных щита³. Классный фильм. Власу понравился. «Жаль, в жизни таких волевых баб чаще перевоспитывают ещё в школе, перемальывают зачатки характера. А ведь хорошо было бы общаться с девчонками, в которых прежде всего сквозит человек, а потом уже вся эта жеманная девичья природа». Правда, Влас не был уверен в том, что такое сочетание качеств существует за пределами его фантазии.

Кстати, Влас вспомнил, что видел сегодняшнюю дуру, чуть не попавшую под колёса, раньше. В день, когда он хо-

³ Имеется ввиду «Три билборда на границе Эббинга, Миссури» (англ. Three Billboards Outside Ebbing, Missouri) – британско-американский фильм режиссёра Мартина Макдонаха, вышедший на экраны в 2017 году, выигравший 4 премии «Золотой глобус» и 2 премии «Оскар».

дил в центр поддержки мигрантов за справкой для общаги. Та девка тащила ко входу огромный пакет, чуть ли не больше её самой.

– Тебе помочь? – предложил Влас.

– Не, спасибо, он не тяжелый.

– А что это?

– Вещи нуждающимся.

На этом их краткий диалог закончился.

Ещё ребята, обсуждая случившееся в тот вечер, почему-то звали эту девку Чернухой. «Ладно, дура дурой, значит и думать о ней не нужно», – рассудил Влас и снова сосредоточил внимание на фильме.

Его сосед Егор, открывая вино, случайно проткнул штопором надувной матрас, который притащил Ваня Новиков. Влас понятия не имел, как дурак-сосед так умудрился, сам он в тот момент курил на балконе, но вся суть события была в том, что даже при большом желании уместиться всем на одном раскладном диване, троим пришлось бы спать на полу. И Влас оказался в их числе. Впервые он ночевал, доволь-

ствуясь подушкой, пледом и ковриком из «Икеи». Спасибо, Егор, ничего не скажешь.

На самом же деле всё было не так плохо, как можно подумывать, особенно если спать на спине. В восемнадцать лет нет времени искать комфорт.

В пятницу после пар было посвящение в студенты. В этом году с ним немного затянули, но даже если бы мероприятие прошло как всегда в начале сентября, Власу всё равно не очень хотелось бы на него идти. Он бы и не пошёл, если б ему не стало жаль тщетных попыток его нового товарища-старосты собрать всех в кучу. У Димы это получалось из рук вон плохо, лидерскими качествами он не обладал, и вообще казалось, что замдекана назначила Христофорова старостой только для того, чтобы он скорее интегрировался в коллективе непохожих на него ребят-спортсменов. Ну а может он просто запудрил ей мозги. Девушки были падки на его обаяние.

Власу было не очень понятно, почему Хрис выбрал именно эту специальность. Она ведь была ему ни к лицу, ни к душе. И по дороге в рошу, в которой должно было пройти посвящение, он спросил Диму об этом.

– Корочка нужна, – ответил тот. – Так-то я всё ещё не

очень хорошо представляю себе, чем хочу заниматься всю дальнейшую жизнь.

Они прошли мимо кучки студентов, пытавшихся всей группой уместиться на одном квадратном метре. Внешне это напоминало какой-то продвинутый тренинг по тактильной йоге.

– Кажется, мы уже недалеко, – сказал Дима, махнул рукой и повёл восьмерых пришедших из нашей группы ребят за собой. Дойдя до главного входа в лесопарк, они получили от старшекурсников маршрутный лист квеста с напутствиями, полными глупого энтузиазма и направились на первую станцию.

– Здесь написано, что мы теперь команда, и нам нужно название.

– Ну давайте думать, – сказал какой-то высокий парень с раскачанными плечами.

И был бы этот квест ничем не примечателен, если бы на одну из станций они не попали вместе с группой с факультета филологии и журналистики. Едва лишь узрев эту кучку длинноногих девок, одnogруппники Власа активизировались: послышались присвистывания и фразы вроде «ничего

такой бампер у той». Сам же Влас воспротивился: «Дурачье, такое внимание каким-то девкам».

Ведущий в зеленой волонтерской толстовке громким голосом поприветствовал всех, раздал присутствующим карандаши и листы бумаги и начал объяснять правила:

– Моя игра называется «минутка знакомств». Нарисуйте на листе часы и разделите циферблат на четыре части. Вот так. Да. На каждую четверть будет приходиться по пятнадцать секунд, за которые вы находите в толпе человека и узнаете три факта о нём. Можно записывать их на делениях циферблата, а можно просто запоминать, но в конце вы всё равно расскажете, с кем познакомились. Всем понятно? – И после одобрительных кивков сделал отмашку: – Поехали!

И все вокруг забегали, засуетились. Влас остался растерянно стоять среди толпы, но к нему тут же подлетела одна девочка, затем вторая, третья... «Я не пользуюсь тоналкой», «Я слушаю Егора Крида», «Я обожаю азиатские телешоу»... Всё, что они говорили, казалось Власу в высшей степени бестолковым. В разговоре с третьей девкой он смог подобрать факты, характеризующие его плюс-минус точно:

«Я родился в Одессе, но жил почти всю жизнь в Киеве».

«Я люблю драться».

«Жесть как хочу жареной рыбы сейчас».

Девчонка с ровно состриженными по плечи русыми волосами от последней фразы рассмеялась, рассказала о себе очередную бесполезную херню, которую понадобилось записать, иначе точно забылось бы. На циферблате Власа оставалась одна пустая четверть, и он уже решил, что не будет бедой, если она останется незаполненной, но тут прямо перед его лицом откуда ни возьмись возникла еще одна вроде симпатичная девчонка, и он по инерции поздоровался и приготовился записывать факты. Они уже заговорили друг с другом, когда Влас понял, что это – та самая тупая девка, которая на прошлых выходных бросилась под машину, когда он был за рулём. Видно было, что она тоже не сразу его узнала. А когда узнала – смутилась встрече, но продолжила говорить:

– Меня зовут Варя. Я люблю готовить и есть рыбу, а мои соседки по комнате просто вешаются от запаха жареной форели.

«Ещё чего, повторять она надумала», – с раздражением подумал Влас и подытожил:

– Даже если опустить то, что второй факты ты просто подслушала и спиздила, всё равно ты играешь не по правилам. Третий факт ведь не про тебя.

Варя вспыхнула от возмущения:

– Откуда же я его по-твоему, взяла?

Влас промолчал. Она, наверняка, играла, а он не хотел подыгрывать. Варин вопросительный взгляд не исчез. Влас уже успел подумать, что сейчас она оскорбится и уйдёт, но, видимо, Варя решила уступить:

– Ладно, будет тебе честный третий факт. Ммм... – она на секунду задумалась. – Не знаю, у меня жизнь скучная. Даже сны интереснее.

Власу же никогда ничего хорошего не снилось, потому он просто не поверил:

– И что может настолько занятного сниться?

– Да разное. Позавчера были Боги в коммунальной квартире. Иной раз вообще снится нечто в духе фильмов Линча.

Только Влас поверил, заинтересовался, только захотел

ещё спросить, как ведущий громко оповестил всех студентов о том, что время закончилось. Он расставил всех в один большой круг человек из сорока и теперь каждый участник рассказывал по три факта о своих новых знакомых. Но Влас не слушал. Теперь к нему почему-то пришла уверенность в том, что Варя не подслушала про рыбу. Думая обо всех этих совпадениях и о том, как она ещё чуть не попала под колёса, он решил, что всё это – только случайности, и что она вроде не дуручка, потому как не болтливая. И когда не орёт, у неё даже приятный голос.

Одногруппники Власа, выкупанные в женском внимании как коты в валерианке, довольные под предводительством уже начавшего приживаться в коллективе старосты пошли дальше, на следующие станции квеста.

«Надо бы найти эту девку и ещё пообщаться», – думал он.

Влас проснулся. Его насторожило не столько то, что ему приснились близкие отношения с Чернухой, сколько то, что его голову вообще какого-то чёрта занимает эта девчонка.

– Влас, всё окей? – спросил Валя с соседней кровати.

– Тупые девки, – промычал тот и, перевернулся на другой бок, натянув одеяло.

В субботу Влас пришёл с пятой пары и упал в кровать. Прежде у него были проблемы со сном, но потом появились дневные-ночные тусовки, появились долги по учёбе, и совокупность этой университетской мешанины приучила Власа хвататься за каждую свободную минуту, чтобы пообниматься с матрасом. Ну или покушать. Казалось, желание съесть всю столовку вместе с поварами не проходило с начала дня и до конца занятий. А после его сменяло необязательное, но такое тягучие хотение выпить пива.

Прошло всего две недели учёбы, а казалось, будто минул год.

Двухэтажный дом – лабиринт для пьяного, но Власа после четвёртой стопки Ягермейстера это не остановило. Покачиваясь, он героически преодолел самое сложное на этом пути – лестницу, держа в руках бутылку вина и далее не придумал ничего лучше, чем проверить, чем занимаются люди на втором этаже. Да, это была та самая стадия пьянки, когда пробивает на разговоры по душам, но чёрт. В первой комнате он чуть не оторвал от важного дела Христофорова с какой-то

рыженькой девочкой, вторая была пуста, третья – закрыта. Что за напасть? В четвёртой на кровати валялась девка, которую я помнил ещё с подкурсов, но имя её забыл. Влас думал, она ждёт кого-то, и её томный нимфоманистый взгляд подтвердил догадки, но присоединиться к ней у Власа не было никакого желания, потому он поспешно закрыл дверь.

Следующей оказалась ванная. Хорошо, самое время освежиться. Размашистым движением Влас плеснул воды на лицо, потёр волосы и шею, немного попил из крана.

– Вот это выдра к нам пожаловала, – послышалось за его спиной.

Влас обернулся. Прямо в ванной сидела та самая девчонка, которая чуть не попала под машину и встретила его на посвящении в студенты – Варя. Из-под серого свитера торчали чёрные треугольники воротника рубашки. Носок на ней не было – босые ноги.

– Что ты тут делаешь?

Она подняла банку пива и кивнула.

– Пью за здоровье жертв ДТП.

Влас усмехнулся и предложил ей свою бутылку.

– Будешь?

– Спасибо, не люблю вино.

– А похожа на винишко-тян⁴.

– Не выделывайся. Залезай.

И она поджала ноги, освободив Власу место.

– Ты что, совсем вино не пьёшь? – поинтересовался он, забираясь в ванную. Лишь бы о чём, дабы занять мозг, чтобы расшевелился.

– Да просто не нравится.

Голова всё тяжелела и тяжелела. Влас склонил её к стене.

– А что именно не нравится?

⁴ Винишко тян (от японского суффикса –тян – «девушка»). В 2015-2020 годах на просторах интернета так называли девушек, которые пытаются казаться глубокомысленными и начитанными, восхваляют вино как культ, пытаются выделиться, но на самом же деле выглядят шаблонно (похожие стрижки-каре и одежда) и читают книги одних и тех же авторов (Ницше, Кафка, Бродский).

– Что за подкаты на уровне школьника? – саркастично прищурилась Варя.

На секунду Влас подумал о том, что неплохо было бы забить на все психозы, которые он видел в её исполнении две недели назад, включить воду, залить одежду и начать целовать девчонку, переведя попросту вино, расплескав его по всей ванной. Красивым был бы конец ночи, но что-то его останавливало. То ли не хотелось идти у этой девки на поводу, то ли на миг она показалась Власу смышлёной.

– Да хорошо острить, я тебя, может, как человека узнать пытаюсь.

– Ага, в позапрошлую субботу ты из меня тоже человечность выбить хотел? – съязвила та. Видно было, что она уже выпила.

Обычно за такие слова Влас предпочитал бить ногами, но эта девка так забавно их произнесла, без капли зла, так иронично, что он захохотал. Она сначала издала короткий смешок, но после – не сдержалась и подхватила мою волну.

Едва отдышавшись, она снова рассмеялась, услышав, что я родился в Крыжополе.

– Блин, ты серьёзно? Как же тебя в Тюмень занесло?

– Хотел подальше от дома уехать. В Сибири природа нравилась. Вроде как Тюмень один из более комфортных городов для жизни здесь, да и здесь подкурсы бесплатные были. В Екатеринбург или Новосибирск всё равно бы по конкурсу не прошёл.

– А как же семья?

– Семья в Киеве сейчас. Мы туда переехали после рождения младшей сестры. А ты здесь с родителями?

– Нет, – Варя опустила глаза. – Я тоже иногородняя.

– А откуда?

– С Алтая. Барнаул, если знаешь, где это.

– Да вроде представляю себе. А как сюда попала?

– Автостопом, – ответила Варя.

– Ого, а Ты смелая... – да-а, другие представления у Власа были об этой барышне. – Долго добиралась?

– Почти двое суток.

– Нехило, – на автопилоте хлебнул из бутылки. – А до этого часто автостопом ездила?

– Да не особо. – Она высунулась из ванной и поставила пустую бутылку пива на пол. – И не на такие расстояния. В Новосибирск максимум.

– А хотела бы? – Влас сделал ещё один глоток.

– Конечно. Кайф на Дальний Восток сгонять, – и мягким движением рук она вынула из рук Власа вино, чем вызвала у него улыбку.

– Ты же говорила, что не пьёшь вино.

– Я много чего не пью, пока трезвая, – усмехнулась Варя с долей самоиронии в голосе и подняла бутылку повыше.

– Ну что, за путешествия к морю? – предложил Влас.

– Я его никогда не видела, но пусть будет так.

Влас отпил глоток и вернул вино обратно к Варе.

– Кого не видела? Море?

– Да, так сложилось. Семья не особо богатая была.

– Была? – переспросила Влас.

Варя, прилично отхлебнув вина, поморщилась.

– Хотя после знакомства с автостопом я и поняла, что не нужно много денег для того, чтобы путешествовать.

– Да я верю, – Власу почему-то захотелось улыбнуться. С ничего, просто так.

Вино заканчивалось, начинались философствования:

– Все мои взаимоотношения с людьми – это относительно равный баланс между доверием и уважением, – рассказывала Варя. – От второго понятия большинство отдаляется, поэтому общение не идёт дальше определённого предела. Поэтому у меня немного друзей...

Они просто сидели в ванной, передавали друг другу бутылку, которая вот-вот опустеет, и разговаривали. Обоим было интересно, и Влас мысленно поблагодарил хозяев дома за то, что построили на этаже два санузла, и никто их дво-

их не отвлекал от беседы. Влас с Варей не флиртовал, она с ним – тем более. Смех ситуация была бы, если б начали, но почему-то спустя время (никто не помнит, сколько прошло, часа два или три) они начали целоваться. Губы сохраняли вкус вина и ржаного хлеба. «Последнее от пива», – думал Влас. Варя стащила с себя свитер и убрала куда-то за пределы ванны, и Влас уже думал остановить её, мол, стой, не хочу тебя трахать сегодня. И в другой день и вообще ты испортила неплохой разговор блин. Но Чернуха ему такого шанса не предоставила: дальше рубашки одежду она с себя не снимала.

– Жесть, как жарит тут, – она указала на батарею за ванной. – Мне б домой такое отопление.

Влас мысленно обрадовался тому, что Варя его догадки подтвердила, включил спокойные биты с телефона, и они продолжили болтать. Иногда ему казалось, что Чернуха откуда-то умеет читать мысли. Это и пугало немного, и оттого же Варя исправила свою репутацию психозной девки на статус славной, понимающей девушки.

Эх-х, какая же это всё-таки приятная иллюзия счастья. Не хотелось трезветь. Не хотелось вылезать из ванной. Поэтому они так и уснули: поджав ноги, ближе друг к другу ступнями, а лицами – врозь. Обычно пьяным где угодно хорошо спится,

но в ту ночь Влас пробуждался несколько раз за ночь: первый – оттого, что нечаянно включил воду, неловко повернувшись во сне. Не вылезая из ванной, он снял промокшую футболку и стащил с крючка три больших полотенца: одним обмотался сам, другим укрыл девчонку, третьим обернул ноги ей и себе, чтоб не замёрзли. Второй раз Влас проснулся оттого, что Чернуха снесла что-то с полки, надевая длинный свитер поверх белья и развешивая мокрые вещи сушиться. Фигуру её более чем наполовину закрывала шторка, да и сквозь сон не было желания разглядывать. Сквозь маленькое окошко бился первый отсвет утра.

На третий раз он еле открыл глаза и то только для того, чтобы доползти до более-менее свободной кровати. Вари уже не было. В соседней комнате спал Лепс в окружении двух девок. На ковре спала ещё одна. Влас подвинул троих и лёг. Одна начала приставать, водя рукой по прессу Власа, но он повернулся на другой бок, спиной к ней со словами: «Спи уже давай».

Закрывая глаза, Влас поймал боковым зрением пролёгшую через всю комнату розовую полосу рассвета, прокраившуюся в комнату через щель между гардинами. Утро воскресенья не торопило его.

После этого разговора в ванной Влас начал воспринимать

Чернуху немного иначе. Всё же не такая она глупая девка. И прозвище ей совершенно не идёт, кто его вообще придумал? И за что? За глаза? Она, в отличии от других, не пытается казаться сложной. Простая, честная, прозрачная, как кубик льда в графине воды, из которого Влас сейчас будет запивать таблеточку от похмелья. Да, не выпей он столько, вряд ли бы задумался о том, какой Варя совершенный филантроп и всё такое. Такая вот она, Варя. Контрастирует с его привычным пониманием (а точнее непониманием) девчонок. Одновременно и интересно, и мозг в отказ уходит.

Вечером пришла зарплата из интернет-магазина автозапчастей, в котором Влас подрабатывал менеджером. Почему в воскресенье? Никто знал, но это было очень кстати – Влас пошёл в бар и заказал любимый виски, пока есть возможность. Деньги имеют свойства быстро заканчиваться даже если стараешься не тратить. На быт, на еду, на транспорт... После одного стакана захотелось ещё, но Влас взял себя в руки и, расплатившись, позвонил ребятам, чтобы они нашли ему вписку. Теперь пора пить за чужой счёт. Иначе до конца месяца не хватит. Безо всяких ожиданий и надежд на что-то интересное он забил в гугл картах⁵ незнакомый адрес. Сорок минут пешком. Нормально. Всё равно делать нечего. Влас пошёл. Город медленно ложился спать. Ночной жизни здесь

⁵ Google maps – это набор приложений, построенных на основе бесплатного картографического сервиса и технологии, предоставляемых компанией Google.

почти никакой, поэтому приходится придумывать развлечение самому. Хорошо хоть сентябрь, ещё тепло. Можно прогуляться. Подумать о чём-то своём. Например, о том, почему Влас угораздило родиться в семье, в которой тебя считают ненормальным за попытку пожить в других условиях. О том, как бесит эта морока с документами. О том, в конце концов, продержится ли он здесь хотя бы год. Да, Тюмень – не город мечты, но это был первый серьёзный выбор Власа, не хочется теперь сетовать на него.

Дверь открыл Лёня – далёкий знакомый со стороны Лепса. В квартире Влас нашёл и его самого. Едва увидев нового человека на тусовке, Лепс сделал излишне самонадеянную попытку переорать игравший в колонках трек:

– Воу, Влас, дружок!

– На лобке пушок, – негромко ухмыльнулся Влас, подойдя к нему. – Пошли выпьем.

Они достали из холодильника по пиву.

– Ну что, когда русский паспорт получишь?

– Нескоро. Всё сложнее, чем кажется.

Облокотившись на кухонный гарнитур, они сделали по глотку пива и на секунду умолкли. Можно было подумать, что Лепс не любил тишину, потому что только лишь она воцарялась, он начинал говорить абы что.

– Сегодня с таким диким сушняком проснулся. Вроде не старик же. Всего год прошёл, а уже организм тяжелее переносит попойки, чем на первом курсе.

Держа бутылку за горлышко, Влас поднёс её полупустую под свет лампы и начал рассматривать блики содержимого. И как пиво так быстро кончается?

– Неудивительно, ты ж пьёшь как скотина.

– А ты сам нет что ли? – усмехнулся Лепс.

– Ну я вроде не каждый день.

Лепс повторил моё действие с пивом. Тень зеленоватого стекла играла на холодильнике не больше трёх секунд. Далее она, как капля на окне в дождливый день, слилась с тенью Лепса и подарила ему ещё несколько глотков, после которых парня пробило на философствования:

– Знаешь, а саморазрушение захватывает.

Влас был согласен, но от таких мыслей ему становилось не по себе.

– А вот это уже, Лёх, нездоровый азарт, – ответил он и выбросил пустую бутылку.

– Хочешь сказать, что я неправ? – встрепенулся Лепс. – А кто прав? Те, кто на каждом углу кричат, что знают меру, а потом кодируются? Нет, Влас, ты либо не пьёшь вообще, либо проваливаешься в эту яму с головой.

Томная скука овевяла Власа от выслушивания этих заговоров, а на языке вертелся более важный вопрос:

– Что ты знаешь о Чернухе?

– Ты меня вообще слушаешь? О какой блин вообще Чернухе?

– Тёмненькая такая девочка, бледная. С лингвистического.

– А-а, я понял. Вообще поговаривают, что она лесба, но это неправда. Я с её бывшим как-то раз случайно затусил. Он, правда, тоже о ней не очень лестно отозвался.

Но Влас не спешил принимать всё за чистую монету.

– Нашёл кому верить.

– А она тебе что, приглянулась? – ехидно спросил Лепс.

Влас промолчал, не зная, как ответить. И не да, и не нет. В действительности ни один вариант не подходил.

Многие люди удивлялись, узнав, что Влас приехал учиться в Тюмень из такой дали. Сам же Влас удивлялся подобному решению только один раз. В четвёртой группе учился парнишка по имени Али. Физически он был арабом наполовину, но в душе – на все сто процентов. Мать Али большую часть жизни провела в Тюмени, если не считать четырнадцати лет в Кувейте, где жизнь свела её с небогатым местным, от которого она позже увезла Али в Россию.

Власу казалось, что Али учился не очень хорошо, пока во втором семестре им не поставили пару по физике в одно время. Сначала даже преподаватель подшучивал над тем, что в его понимании арабы ещё много лет назад предпочли физике Коран, но ещё менее справедливым такой юмор показался

Власу, когда он как-то раз случайно сел вместе с Али за одну парту. Оказалось, что этот парнишка быстрее всех справлялся даже со сложными задачами, но не показывал решения преподавателю. После пары Влас спросил его, почему Али скрывает свои способности, на что тот ответил совершенно неожиданными словами:

– Главно я знает, что есть умный.

Да, у него было не очень хорошо с русским, но с физикой он просто творил чудеса. Придумывал альтернативные решения задач, рисовал сумасшедшие графики с функциями, о которых Влас раньше не слышал. Конечно, ему было жаль, что талант Али остаётся незамеченным многими, а преподаватель продолжает над ним подшучивать, но Влас верил: парнишка найдёт способ рассказать миру о том, что может.

—

Влас замечал, что творится неладное, но понятие не имел, что можно с этим сделать. Когда они с Варей мельком виделись в коридорах университета, она всегда говорила «привет» и отстраняла взгляд. Первый раз, когда она так сделала, он не успел ответить, прежде чем толпа унесла девушку в сторону. Вообще Власу хотелось поговорить с ней, но он понятия не имел, о чём. Обычно всё получалось само собой, а тут – нет видимых точек соприкосновения. Но Влас хотел

найти хотя бы одну.

Где-то через четыре после того, как они целовались на тусовке, Влас собрал яйца в кулак и окликнул её, спускаясь по лестнице в вестибюль. Заслышав его, Варя повернулась на голос. На длинной льняной юбке тёмно-синего цвета пролегла косая складка, крохотный полукруг уха выглянул между двумя крупными волнами волос, флегматичный взгляд на секунду остановился на лице Власа, и тут – резкое движение кого-то в толпе – Варины глаза округлились, и Влас понял, что она падает. Их разделяло всего три или четыре ступеньки – Влас не помнил, но главное – он успел пробиться против бурлящего потока людей и поймать Варю.

Нечаянный физический контакт на трезвую голову смутил обоих, но не настолько, чтобы не получилось скрыть этого. Варя поблагодарила и сказала, что спешит.

– Четвёртая пара? – осведомился Влас, желавший хоть как-то компенсировать несостоявшуюся попытку пообщаться.

– Нет, работа. Но опаздывать я всё равно не могу.

И, оставив напоследок скромную полуулыбку, она скрылась в толпе, а Влас ещё секунду помедлил, наслаждаясь тем,

как иронично чертовка-жизнь сплела такой красивый момент: он хотел найти точку соприкосновения, а получил – целую Варю, свалившуюся к нему на руки.

И всю следующую пару он думал о том, что плечи у Вари на ощупь намного более хрупкие, чем на глаз.

После сумбурной и не очень продуктивной пары по химии Влас съел тарелку борща в столовке на первом этаже и вышел за забор покурить. Общая система, по которой работало всё в этом университете, казалась ему не до конца понятной, и сам себе Влас сейчас казался мелкой рыбёшкой, которую течение унесло в незнакомую местность.

– У тебя не будет сигареты? – слышался за спиной высокий девичий голос.

Влас обернулся и увидел кудрявую подружку Вари, с которой она сидела на лекциях. Он, чуть заторможенный и удивлённый такому стечению обстоятельств, протянул ей пачку. Девушка представилась именем Мари. «Машей не называй», – улыбаясь, добавила она.

– Я Влас.

Честно говоря, ему не очень хотелось знакомиться и вообще с кем-либо разговаривать сейчас, но это был достаточно реальный способ узнать чуть больше о Варя, и Влас немедля им воспользовался:

– Слушай, а что это за девочка, с которой ты обычно на лекциях у Дубова сидишь? Тёмненькая такая, в юбках длинных ещё ходит.

Мари заулыбалась ещё шире и хитрее.

– Варя?

– Да, она. Вы в одной группе учитесь?

Брови девушки поползли вверх в удивлении.

– Вот это... Нет, мы в разных, но живём вместе.

Влас не понял, чему так удивилась Мари, потому решил действовать по старой грубой, но проверенной схеме: плюнул на чувство такта и спросил напрямик:

– Значит у тебя есть её номер мобильного.

Тут Мари зазвенела смехом во весь голос, стуча ладонями по коленям и тряся белёсыми кудрями.

– Как бы мне сейчас не хотелось устроить подруге личную жизнь, но увы – у неё теперь нет телефона.

– Теперь – значит был?

Ну да.

– И куда она его дела?

– Да по-пьяни на крышу овощного ларька закинула.

– Воу! – Влас удивлённо усмехнулся.

– Но ты не подумай, она не мажорка. То был старенький кирпичик «Сони» с двумя нерабочими кнопками, у которого в тот день сломалась ещё одна, вот Варя и разозлилась, – прояснила ситуацию Мари.

– Ладно, может тогда в соцсетях сможешь найти её?

– Есть у меня в друзьях аккаунт с именем «Таёжный лес». Можешь добавить, но она и там редко появляется, – Мари всплеснула руками.

– Окей, как мне тогда с ней на связь выйти?

Девушка сделала лукавое лицо:

– Помоги мне донести учебники из библиотеки, тогда и поговорим об этом.

Меньше всего Влас любил, когда ему садятся на шею, но очень уж ему хотелось пообщаться с Варей не мельком в университетских коридорах и не когда она спешит. Так что он ограничился осуждающим взглядом и фразой:

– До дома нести?

– Да, это тут, недалеко...

«Ну хоть буду знать, где она живёт», – подумал Влас.

—

Всю дорогу Мари болтала, спрашивала что-то у Власа, а его односложных ответов хватало для того, чтобы она начинала снова восклицать и тараторить что-то неинформативное.

Двадцать пять минут пешком – и они у двери.

– Вот и всё, спасибо тебе большое.

– Слушай, а Вари нет дома случайно?

Мари открыла дверь ключом и крикнула внутрь:

– Ри-ит!

– А? – послышался ещё один девичий голос в ответ.

– Ты одна?

– Да.

– А Варя где?

– В библиотеку вышла.

Влас почти разозлился.

– То есть мне сейчас обратно в вуз переться?

– Нет, она в Пушкинскую ходит. Здесь, в пяти от нас.

И Влас немедля отправился туда.

Ожидая, пока старушка на входе выпишет его паспортные данные и выдаст читательский билет, Влас осматривался. Снаружи библиотека больше напоминала деревянную избушку из детских сказок, а внутри был маленький, ничем не примечательный читальный зал с книгами-ровесницами бабушки Власа. Библиотекарша неспешно заполняла какую-то пожелтевшую доисторическую карточку, Влас заскучал и достал телефон.

«Таёжный лес, – думал он. – И фотографий нет. Отчего и имя, и лицо скрывать? А вроде очень даже нестрашная...» И не слишком красивая, но почему-то Власа к ней тянуло. Он поблагодарил старуху, наконец выдавшую ему читательский, и прошёл в главный зал библиотеки.

Стен тут не было видно из-за бесконечных полок с книгами, из-за чего потолок казался низким и тяжёлым. Варя сидела у окна, рядом с огромным фикусом в горшке. Кроме неё в зале был только один человек – женщина, тоже, видимо, работавшая здесь, перебирала книги на стеллажах.

Варя заметила краем глаза новую фигуру слева, посмот-

рела на него, улыбнулась и продолжила читать.

В радиусе пяти метров от них не было людей, но, соблюдая обычаи библиотеки, Влас задал вопрос самым тихим шёпотом, на какой был способен:

– Почему тебя нет в соцсетях?

– Что-что? – переспросила Варя чуть громче, и Влас повторил те же слова своим обычным негромким тоном:

– А-а, ты про это. Да просто надоело. Захотелось найти время на что-то новое.

Влас посмотрел на край страницы. Ни названия, ни автора в колонтитуле не было.

– Что читаешь?

Варя закрыла книгу и показала Власу обложку.

– Халлдора Лакснесса.

– Не слышал о нём раньше. Интересно?

– Очень. Правда, он теперь не очень популярен, хоть и ко-

гда-то давно ему дали Нобелевскую премию за вклад в развитие исландской литературы.

– Здоровски. А отчего ты не... скачаешь её, чтобы читать дома?

Варя наконец оторвала глаза от книги и вздохнула:

– Очень жаль, но мало кому в нашей стране интересна скандинавская проза. Этой книги нет на русском в электронном виде. Нигде. Есть только совсем древний тираж, из которого один экземпляр каким-то чудом оказался в Тюмени.

– А какого года книга?

– Пятидесятого.

– Не такая уж и старая.

– Алексис Киви, которого я дочитала позавчера, был тридцать девятого.

Влас проводил взглядом выходящую из зала работницу библиотеки и тихо спросил:

– Спорим, я за пять минут найду книгу старше?

Варя удивлённо посмотрела на него. Влас уже представил себе, как она посылает его вместе со всеми инициативами, но девушка ответила ему совершенно неожиданным образом:

– Если на желание, то пять – это как-то слишком просто. Давай за три?

Влас загорелся и со всем азартом принял вызов. Он протянул Варе телефон с готовым к отсчёту таймером, и едва подушечка её пальца коснулась экранной кнопки, как он чуть ли не с низкого старта рванул к ближайшей полке. Он вытаскивал самые дряхлые книги, стараясь побыстрее посмотреть год издания и не повредить еле державшиеся на ветхих нитках переплёты.

– Осталось полминуты.

Чёрт. Всё безрезультатно. Кривые стопки проверенных книг высились на столах, а Влас по-прежнему бегал между шкапами. Может стоило найти более лёгкий способ позвать её погулять?

И вот сигнал таймера. Ничего, сейчас он придумает, как отшутиться и всё равно пригласит её куда-нибудь. Влас решительно подошёл к столу, за которым сидела Варя, и только

открыл рот, как она вымолвила:

– Давай уберём книги и пройдемся по лесопарку, пока ещё не стемнело?

Влас впервые в жизни был рад, что его так беспардонно перебили.

– Конечно, пошли.

—

Четвёртый час. День шёл на убыль, потому Влас и Варя спешили насладиться воздухом, пока солнце, и до того прятавшееся за серой завесой, не скрылось совсем. Но для Вари лес в любую погоду был хорош, потому что она привыкла к нему с детства, а для Власа – потому что он раньше не так часто видел все эти микроскопические цветы, мхи на огромных камнях и корнях деревьев, ягодный подлесок, сгущение всех оттенков зелёного, коричневого, горчичного, бордового... Так они провели там около часа почти молча, пока вечер не начал сгущать темноту над чёрными еловыми кронами. Даже те немногочисленные слова, которые Влас услышал от Вари в тот вечер, она будто бы роняла ненароком. Каждое не произносила, а именно случайно выпускала из уст. Словно молчать для неё было более привычным делом. И вообще в

этом тёмно-зелёном свитере Варя казалась Власу похожей, как бы пафосно это не звучало, на северное лето. Холодное, но оттаявшее, не привыкшее быть таким.

Если быть честным, Влас и сам не знал, о чём говорить, да и не нужно было. У них с Варей завязался какой-то странный диалог взглядами, каждый из которых имел значение, не облакаемые в речь. От холода покалывало пальцы, но Власу было стыдно за свою зимнюю куртку, и он продолжал ходить в толстовке поверх свитера.

Уходить не хотелось, но уже темнело. Выйдя к остановке, они ждали автобуса. Им подходил шестьдесят седьмой. Почти всю дорогу они тоже наслаждались тишиной и тем, что первый подъехавший автобус оказался пустым.

И вот Варя встала с места: её остановка была следующей. Влас тоже встал, хоть и выходить ему и нужно было гораздо позже.

– Как мне теперь связаться с тобой? – спросил Влас, когда водитель начал притормаживать.

– Да на лекции увидимся, наверное, – она впервые за долгое время улыбнулась и, повернувшись к открывшейся автоматической двери и, как-то кротно взглянув через плечо,

покинула автобус.

В тот вечер он задумался и проехал свою остановку.

Влас пялился в потолок и не находил себе места в комнате. Почему не темнеет, почему сон не идёт, даже когда хочется? Он чувствовал себя дитём малым, забывшим, как переключать грустные песни Земфиры на что-то другое. Вырубишь – и всё равно в голове вертится. Что ж, включаем снова.

Нет, такие состояния совсем несвойственны Власу. Так не должно быть. Уж лучше бы она была лесбиянкой, как вешали слухи. Хотя, наверное, и это бы не помешало Власу потерять голову. Ситуация кажется смертельной для всех внутренностей. Надо придумать, как жить дальше в городе, оторванном от остального Земного шара. Если бы Бог существовал, он вряд ли когда-нибудь вообще вспомнил бы о том, что есть такой населённый пункт. Холодные многоэтажные постройки второй половины прошлого века да оазис центральной улицы, вчлняющий в прямоугольные узоры города что-то помягче: три-четыре десятка дореволюционных домов, симпатичных, но грустных от своей немногочисленности. Но среди этих зданий, среди всего жилого фонда Тюмени не бы-

ло такого, куда Власу хотелось сейчас сильнее, чем к дому Вари.

Вернулся его бесячий сосед Егор, попросил занять полторы тысячи до понедельника, и Власа это окончательно вынудило надеть два свитера один поверх другого, так как нормальной осенней куртки не было, и двинуть в сторону квартала, где жила Варя.

Их разделяло восемь минут ходьбы пешком, три перекрёстка, шестнадцать жилых домов и одно здание музыкального училища. Влас помнил ещё с тех пор, как помогал нести учебники Мари, что живёт она на втором этаже и сейчас, копаясь в недрах памяти и ища там путь до лестничной клетки, пытался понять, куда выходит их балкон, если он вообще есть в этой квартире.

Влас сверлил глазами каждое окно, выходящее на видимую сторону дома, дабы встрепенулось в голове хоть маленькое воспоминание. Взгляд цеплялся за детали, мелькавшие за призмой дешевого стеклопакета: женщина на стремянке моет плитку на стенах; кот на подоконнике склонил голову набок и пристально смотрит на меня; кто-то зацепил край тяжёлой зелёной шторы и она легонько закачалась. А потом замерла. Затих дом. Остановилось время. Выдох задержался где-то внутри. На втором этаже пристройки худая паучья

рука поливала цветы из старого полурасколотого чайника. Рука, которой теперь хотелось касаться, разрывая к чертям все препятствия.

Влас, с разбегу зацепив рукой край пристройки, вскарабкался её на крышу прямо под нужное окно. Оттуда дотянуться до подоконника труда не составляло. Он выпрямился и увидел Варю. Та стояла спиной к нему, набирала ещё воды из-под крана. Власу от усталости было тяжело держаться, он из последних сил напряг руки и решил подождать, когда она снова подойдёт к окну, но Варя направилась в другую комнату, и Влас забарабанил по стеклу, лишь бы она не ушла.

Острые паучьи плечи, укрытые выцветшей тканью длинной, будто чужой футболки, дрогнули. Варя рывком развернулась а звук, расплескав половину чайника. «Ох, чёрт, надеюсь, она не обожглась», – успел подумать Влас, и тут же сообразил, что вода не горячая, раз она поливала ею цветы. «Соберись, балда», – приказал себе он.

Пока Чернуха приближалась к окну, Влас смотрел на её несовершенно красивое лицо, которое теперь казалось ещё тоньше. Она явно хотела что-то сказать (наверняка даже выругаться), но вместо этого оперлась руками на подоконник, длинно моргнула (Влас готов был поклясться, что из всех знакомых ему людей только она умела так делать), смерила

непрощенного гостя взглядом с немым подтекстом «ну что же ты творишь, Влас?» и открыла окно.

Не успел Влас перелезть через подоконник, чудом не повалив горшок с геранью, как она уже побежала чайник ставить. Как будто это обычное дело – какой-то студент залез в окно.

Обстоятельства их предыдущих коротких встреч не позволили Власу разглядеть многого: с собранными волосами у Вари были видны четыре родинки сзади на шее. «Если их соединить, получится трапеция...» – подумал Влас.

– Ну и что ты заставило Тебя в столь поздний час заглянуть ко мне без предупреждения? – саркастично спросила Варя, склонив голову в полуобороте, наливая при этом чай в большую зеленую кружку.

Влас промолчал. Он не знал. Правда, с какой стати ему на исходе вечера захотелось тут залезть в окно к какой-то девке?

– Извини, отвлек Тебя от чего-то важного?

– Нет, всего лишь приводила в порядок кухню в перерыве между античной литературой и политисторией, – улыбну-

лась она.

– Точно не мешаю?

– Точно. Тебе сахар класть?

Влас ей почему-то поверил, хотя на его опыте девчонки обычно отвечали так из вежливости. Наверное, именно такой ответ ему хотелось услышать и именно в такую правду верить.

– Да, три ложки.

Она посмотрела на меня круглыми глазами.

– Не переживай, от диабета не помру, – усмехнулся Влас.

Они взяли в руки четыре кружки и коробку молочного печенья и выдвинулись из кухни.

– Кому столько чая-то?

– Соседям. А ты думал, я одна живу?

Проходя по коридору, он взглянул на коврик у двери, беспорядочно заставленный тапочками, ботинками и сапожка-

ми. Девки, что тут добавить.

– Втроём живёте?

– Вчетвером. Лиза на работе ещё.

С одной соседкой Вари – Мари – Влас уже был знаком. Вторая – Рита – в тот момент сидела за учебниками. Услышав мужской голос, она обернулась и подняла подведенные брови поверх очков в тонкой оправе из красного пластика. На лице было написано, что она из медицинского. Лиза же, по словам Мари, была почти местной – из пригорода, но в чём-то не поладила с родителями и решила съехать в их маленькое девчачье царство. С этими словами Мари рассмеялась громко, звонко и очень высоко. Она была взбуряжена появлением Власа, суетилась, показывала комнаты, фотографии на широком подоконнике, который заменял им письменный стол. Немногословная Варя на её фоне казалась оплотом спокойствия. Либо к ним молодые люди вообще нечасто приходят, либо резонанс вызвало то, что Власа сюда привела именно Варя. Интересно было, какой вариант верен.

– Что-то я не слышала, как ты зашёл, – между делом удивилась Мари.

– Да я через окно.

Варя вóвремя отвоевала Власа у соседки, чтоб избежать дальнейших объяснений, и повела его в другой конец коридора. Там стоял шкаф с подушками и кресло. Она поставила оставшиеся две кружки на ручку кресла, а сама уселась вглубь открытой части шкафа на стопку пледов и одеял. Уперлась согнутыми босыми ногами в кусок фанеры, положила подушку на колени и скрестила руки на ней.

– Если бы Ты написал книгу, то о чём бы она была?

Вопрос Власа внезапно смутил. Будто бы вынес наружу что-то сакральное, что-то не для чужих глаз. Влас не помнил, чтобы раньше чувствовал себя так.

—Я бы не написал книгу.

Молчание.

– Ты всегда такие вопросы задаёшь?

Варя наблюдала за долькой лимона, описывавшей круги в кружке чая.

– А что странного? В мелочах познаётся настоящий человек. Без масок.

– Думаешь, я маски примеряю тут?

– Не совсем. Но ты не открываешься просто так, верно?

—Ещё бы я тут начал рассказывать о сокровенном. Будто это кому-то надо.

Она промолчала. Влас понял, что отвечает чуть грубее, чем хотел. В чём дело? Он злится на то, что ему понравилась девушка?

– Ты так уверен?

– Точнее самоуверенный, ты хотела сказать. Неужели ты только заметила?

– Да нет, я ведь совсем о другом. По моим наблюдениям...

– А, так ты ещё и наблюдаешь за мной? – Влас чувствовал – у него почти получилось её раздраконить. Зачем? Проверить, вывести на эмоции. Должен же быть у неё хоть какой-то изъян, который позволил бы ему разочароваться. Вот сейчас она психанёт, выгонит его за дверь и можно будет спокойно жить дальше без всех этих эмоциональных привязанностей.

Но она отвела свои хвойные глаза, и кротно, хоть и с постоянной своей полуироничной интонацией сказала:

– А по-моему, это Ты за мной наблюдаешь больше, раз нашёл, где я живу.

Повисло длительное молчание. Даже не так, повесилось.

«Море или горы?» Блин. Что за вопросы у неё в голове? Что за абстракция? Влас уходил в отказ, когда слышал такое, но да ладно, решил вышибать клин клином, всё равно же поговорить пришёл.

– Марвел или Ди-Си⁶?

– Что? – на автомате переспросила она, но сообразила ещё до того, как Влас успел повторить. Просияла:

– Чертовски хороший вопрос, я очень хочу его поддержать, но-о мне ни то, ни другое не очень близко. А вот комедии советские я люблю!

Кажется, это было то, что Влас интуитивно пытался про-

⁶ Marvel и DC — две конкурирующие американские компании, выпускающие комиксы о супергероях, на основе которых было снято великое множество кассовых фильмов.

щупать последние минут двадцать. Вот он, ключ к разговору с Варей – спрашивать.

– Красный или синий?

– Синий.

– Скейт или ролики?

– Велосипед, конечно!

– Компот из нашей столовки или холодный чай за 37 из «Пятёрочки»?

Они оба захохотали на весь коридор. Начало было проложено. Мозг Власа жадно цеплялся за любую деталь, которая позволила бы продолжить разговор.

– А работаешь ты кем?

– Репетитором в онлайн-центре подготовки к ЕГЭ⁷.

– Солидно. А родители тебе совсем не помогают?

⁷ Единый государственный экзамен – в России служит одновременно выпускным экзаменом из школы и вступительным экзаменом в вузы.

– Как и тебе.

– Да, но мои просто не поняли решения переехать в Россию, а твои-то за что?

– Не за что́. Они погибли больше года назад.

– Ох, чёрт, – осёкся Влас. Сказал бы ему кто-нибудь раньше...

– Прости, я не знал.

– Ничего, забудь. Это уже не свежая рана.

– Выходит, ты перед поступлением жила в приюте или с другими родственниками?

– Нет.

– А как тогда?

– Сама.

– Как сама?

– Так уж вышло.

– И куда служба опеки смотрела...

– Вообще-то смотрели они в оба. Пришлось постараться, чтобы меня в приют не упекли.

У Власа всё ещё не складывалась полноценная картинка. Слишком невероятным всё это казалось:

– Да как так-то?

– А тебе всё скажи да расскажи, – лукаво прищурилась Варя.

– Сказала «а» – говори и «б».

– А что если нет?

– Повешусь на люстре от негодования, – усмехнулся Влас.

Варя одарила его улыбкой, от которой по коже Власа пробежали мелкие мурашки. Пришлось закинуть ногу на ногу. «На кой чёрт я надел эти дурацкие треники?» – подумал он.

– Дату рождения в документах подфотошопила. Да и выглядело всё достаточно правдоподобно: я как раз заканчива-

ла школу. Большинство детей отдают учиться в семь лет, а я пошла в шесть. Но тётка из опеки об этом не знала. Сначала они мне не очень-то верили, потому как в электронной базе стояла моя настоящая дата рождения. Очень повезло, что это проверка документов затянулась, и об этом деле все благополучно забыли.

– Ёб твою... Умно, умно, – только и нашёл, что ответить Влас. Все его полунадуманные представления о Варе менялись теперь с какой-то космической скоростью. Наверное, впервые в жизни Влас видел человека более рискованного, чем он сам.

А Варя продолжала:

—...я знала, где мать хранила деньги на чёрный день. Их хватило с февраля по май. Дальше я начала носить вещи и мебель на барахолку и продавать там, чтобы прокормиться.

– И ты параллельно ходила в школу?

– Иногда. Редко.

– Но неужели у тебя нет даже дальних родственников?

– Влас, мои родители начали встречаться в детдоме, когда

им было по пятнадцать.

Влас умолк. Конечно, разные вещи случаются в России, но раньше он и представить себе не мог, что человек может так просто взять и выпасть из жизни – оказаться забытым и потерянным своим же государством. Не так уж Варя и старалась, чтобы её перестали трогать, и Власу от этого было даже немного страшно. К тому же он и предположить не мог, то Варя сирота.

– К ЕГЭ я готовилась кое-как, но сдала неплохо и поехала поступать туда, куда прошла.

– И как ты сейчас репетитором работаешь?

– Нам дают рекомендации. Думаю, к экзамену по русскому языку даже ты смог бы школьников подготовить. По-моему, это несложно.

– А по-моему, – ответил Влас, – у тебя просто неплохие способности. Я вот не представляю пока что, как буду с детьми взаимодействовать.

– Спасибо, – видимо, Варе польстил комплимент, потому как она покраснела и, желая избежать неловкой паузы, поспешно спросила: – А ты где подрабатываешь?

— Да так. Что попадётся, за то и берусь. Летом устроился грузчиком, сейчас не очень удобно с учебой совмещать, поэтому, думаю, скоро уйду оттуда. Думаю, буду переходить на фриланс и какие-нибудь несложные проектные работы.

— Слушай, а почему ты спросила: горы или море?

— Интересно потому что. Я никогда море не видела.

— Да, помню, ты рассказывала.

— А ты местный?

— Нет. Хохол, как у вас это называют, — ухмыльнулся Влас.

— Вот это даль. Мне казалось, все беженцы едут куда-нибудь на юг.

— Да какие беженцы, я под Киевом жил.

— Тогда я ещё меньше понимаю, что ты здесь делаешь.

— Ну вот родители тоже не поняли моего выбора. Попытаюсь объяснить, только не смейся.

Варя смотрела на него пытливно:

– Не обещаю.

– Мне просто захотелось уехать в глубину большой страны. Подальше от столиц, от всех разборок и мерений письмами. Туда, где простые люди. Я просто в один день купил билеты на самый дальний поезд, какой нашёл в расписании. Остановливался дважды: в Ростове-на-Дону и в Самаре. Приехав в Тюмень, прям почувствовал, что оказался достаточно далеко от цивилизации, чтобы жить и кайфовать.

По взгляду Вари стало понятно: Влас только что вырос в её глазах.

– Вот это да... И ты ещё говоришь, что я рискованная?

Влас всё думал, даст ли она ему леща, если они поцелуются, как тогда, на движе в ванной.

– Еда или сон важнее?

– Еда, конечно. Отосплюсь на пенсии.

– Так значит ты не из тех барышень, которые при любой фигуре хотят похудеть?

– Нет, конечно. А похожа?

– Не знаю. Не видел твоё тело.

Влас запнулся на последних словах. Уже произнеся их он понял, как пошло это прозвучало. Поздно. Сейчас Варя его выгонит взаишей... Но нет. Сидит смотрит недоумённо. А потом как начнёт смеяться.

– Даже не подглядывал, когда я переодевалась из промокшей одежды?

– Как понимаешь, да.

Она продолжала хохотать. Неестественно долго и громко. Ситуация, видно, её сконфузила. В воздухе всё ещё назойливо кружилась неловкая фраза Власа. Как проворная муха, которую всё не получалось прихлопнуть. Варя всё не умолкала. Влас не выдержал и зажал ей рот рукой с упрёком: «Дура, твои соседи уже отдыхают, что ты делаешь..» и тут произошло непредвиденное: Варя перехватила его руку, выкрутила кисть так, чтобы ладони оказались друг напротив друга и сплела их пальцы. Мастерски, будто делала это уже тысячу раз. Влас почувствовал себя в ловушке. На секунду лишь душа запротестовала против этих девичьих сетей, но тут он

зацепился вниманием за необычное ощущение, которого не было раньше, когда у него дело подходило к близости с девушками. Он не мог описать его, но похоже было больше всего на доверие. На какие-то зачатки убеждения в том, что Варя херни не сделает.

Как из этой нелепой, абсурдной, но милой игры получился поцелуй и кто его инициировал? Не представлялось возможным выяснить. Казалось, Варя тоже ждала такого случая.

Моменты волновали всё больше и больше. Один за другим. Влас и сам себе признавался, что он – не мастер описания эротических сцен, хоть и обычно его половые контакты с девушками обобщались двумя-тремя словами вроде «скучно», «неплохо», «бревно» или «профи-шлюха». Здесь же он так и не подобрал нужных определений даже мысленно. Да и такое не надо было приближать к словам.

Влас совсем не ожидал того, что Варя окажется такой мягкой. В одежде она выглядела худой, даже тощей. Теперь же, во тьме и бликах всего, что освещало улицу и давало отблеск в комнату через окно без занавесок, он увидел, что у Вари достаточно большие бёдра и круглые плечи. Его мысли о том, как же хитро устроена женская одежда, утонули в манящем «всё равно». Наверное, это странно, но все несовершенства, какие он узнавал в этой девчонке теперь и потом,

лишь больше приближали Власа к ней. И шёлковый голос, и необычная комплекция тела, и манера общения такая, будто она вообще не видела, что Влас – парень, но точно замечала в нём личностную составляющую – всё в Варе было сочтено как красивый сухоцвет и нераздельно.

После близости она погрузилась в ночь. И взяла с собой меня.

В ту ночь Влас проснулся только один раз – ногу судорогой свело. Едва он попытался ею пошевелить, как почувствовал длинные паучьи пальцы проникшие под ткань носка, мягкими кончиками подушечки стоп. Влас снова провалился в сон. Неподдельно счастливый глубокий сон. Вот если Валере Красникову начинала по-настоящему нравиться девчонка, он приходил в общагу и начинал петь всем о том, что это начало чего-то великого. Было ли у Власа сейчас то же? Вряд ли. Он не знал, чего ждать. А вдруг ей завтра в голову взбрёт отпинать его ногами и выгнать?

Но сейчас Влас решил не думать об этом.

Ему было хорошо.

Прошёл день. Второй. Третий. Всё это время Влас с Варей если и пересекались, то только мельком успевали лишь поздороваться. Даже после таких ярких событий Влас был не уверен, что она восприняла его серьёзно. Он всё чаще сомневался, и уже оставил почти все надежды на то, что они будут ещё общаться, когда Варя подседа к Власу на лекции. Только он открыл рот, чтобы сказать «привет», как в аудиторию вошёл профессор Василий Елисеевич Бойков – гроза первокурсников, как его называли. Первые минут десять они молча писали каждый в своей тетради, потом, наверное, устали, ибо краем глаза Влас заметил, как Варя подперла голову рукой и перестала записывать. Обратила скучающий взгляд на доску за спиной лектора. Влас тоже прекратил писать и, сложив руки одна на другую, почти лёг на парту. Глаза Вари прищурились как в улыбке, словно говоря: «Эх ты, тоже сдался», но вслух она озвучила то, что я вряд ли предположил бы даже на пьяную голову или во сне:

– Поцелуешь меня?

«Ядрён батон, что у неё в голове творится?» – недоумевал Влас. Он бы скорее решил, что эта девка просто озабоченная, но её следующие слова взвели Власа, как пятиклассника

слово «слабó»:

– Ты же не боишься его? – и кивнула в сторону лектора.

Влас взглянул на Бойкова, который в это время малевал какую-то схему на доске. Они сидели в самой середине аудитории, на самом видном месте. Он уже готов был поцеловать Варю, но тут внезапно возникла мысль о том, что они с ней находятся в неравных условиях. Влас тоже хотел диктовать правила.

– Только если стоя перед всей аудиторией, – сказал он.

Повысил риск, чтобы пощекотать Варины нервы. Та посмотрела на Власа недоверчиво.

– Не дрейфь, он пока на доске пишет, не видит.

Она всё ещё молчала и смотрела на Власа. И тут он пустил в ход её запрещённое оружие:

– Или боишься профессора?

Азартом заискрился воздух ста пятидесяти квадратных метров лекционной. Варя резко оттолкнулась руками от стола и рывком встала с места. Влас в одно мгновение вытянул-

ся в полный рост и грубо прижал её голову к своим губам, держа рукой за Варин затылок. По партам прошёл тихий гул. В кровь захлестнул адреналин. Аж до пульсации в ушах. Он только успел подумать о том, какой у неё маленький девичий череп, прежде чем через щель в полузакрытом глазу боковым зрением Влас заметил, что преподаватель оторвал мел от доски. Двигался он неторопливо, потому как Влас успел упасть на парту и утянуть за собой Варю. Тихий смешок раздался с задних рядов.

– Я что-то смешное говорю? – громко спросил Василий Елисеевич и, не услышав ответа, вернулся к своему предмету.

Ещё пару секунд Влас и Варя отходили от произошедшего под перешёптывания взбудораженных студентов, но стоило профессору вновь обратиться к объяснению схемы, Варя взглянула на Власа, тот – на неё. Миг – и они снова стоят, целуются.

Шёпот толпы стал громче, слышались одиночные возгласы. Лектор, резко обернувшись, рыская злым и рассеянным взглядом по аудитории, не нашёл причины беспокойства студентов, и, выругавшись в адрес всех первокурсников, продолжил объяснять тему. Влас и Варя чуть не лопнули, пытаясь не засмеяться.

—

С тех пор они почти всё время проводили вместе. Занимались друг другу очередь в столовой в перерывах между парами, гуляли после занятий. Со временем Влас даже начал звать её к Хрису и познакомил с компанией.

Варя им понравилась. Она общалась, слушала, пила – всеми силами старалась включить экстраверта. Власу это нравилось. Иногда приводила с собой за компанию девчонок, причём часто довольно адекватных, но больше всего Чернуха покорила ребят своими спонтанными вопросами, из которых почти всегда рождались бурные споры.

– Если бы про вашу жизнь сняли фильм, то как бы он назывался?

Хрис кивнул Лепсу:

– Вот у тебя точно был бы «Тысяча поводов выпить».

Лёха шутливо пригрозил кинуть в ответ в Диму зажигалкой:

– А твой – «Дон Жуан с физкультфака» или «Ищу Вене-

ру».

Все засмеялись, Христофоров тоже, но заметно покраснев. Валера, видимо, заметил это и попытался разрядить обстановку:

– Да ладно вам Хрису смущать. Он же предохраняется.

– Так, Крас, а ты откуда знаешь? – спросил Влас.

Вся комната вспыхнула диким хохотом. Атмосфера осеннего вечера была более чем приятная, хоть и с такими сальными шутками. Хрис достал откуда-то специи для глинтвейна, и теперь пряный напиток на дешевом вине кипятился и булькал в кастрюле под бестолковые милые разговоры на кухне, в которых тогда, казалось, было столько смысла.

– А Валеру точно продюссировал бы Макс Корж⁸, – улыбнулась Варя.

– Да ну, – рассмеялся Красников. – А если про Власа?

На секунду все замолчали в попытке найти, за какую же Власову черту зацепиться. Лепс сообразил и озвучил быстрее всех, не дав паузе затянуться:

⁸ Белорусский певец и автор песен.

– «Щас втащу!»

– «Хлебало закрыл!» – сипя, вытянул шею Хрис, подражая севшему голосу Власа.

– «Щас втащу 2» – подхватил Крас.

– «Переехать женщину и влюбиться» – отозвалась Варя так тихо, что слышал только Влас и Валера, сидевший ближе всех.

Влас показал ей язык в той же манере, в какой это делала она, и сказал:

– Вот что должно произойти для того, чтобы ты перестала стебать меня по поводу нашей первой встречи?

– Наша последняя встреча, ВАХАХАХАХА!! – Варя уже напилась глинтвейна и по полной дурачилась. – Влас, ты только учти, что если надумаешь попрощаться со мной раньше, чем я выйду на пенсию, я возьму твою фамилию и буду ходить тебя бесить!

Винные запасы и специи быстро закончились. Когда ты юн, ценно общение. Еда, алкоголь и всё остальное отходит

на второй план. Ты воплощение крайности в этом убеждении. И во всём остальном тоже. Ты – чист и пуст, как стакан, который на 90% наполняется общением и только на 10 – алкоголем.

Когда Влас только начал брать Варю с собой на тусовки у Хриса на правах девчонки, которая точно ничего не испортит, ребята легче поверили в то, что Влас обзавёлся другом-девкой, чем в то, что у него могут завязаться какие-то отношения. И уже позже, когда все поняли серьёзность дела, Хрис завёл тупую привычку при любом упоминании Вари в разговоре иронизировать, мол, на его памяти ещё не было такого, чтобы Влас позволял себя очаровывать.

– Дурень, – ответил тот, – ты меня всего-то два месяца знаешь.

Но, честно повествуя, для Власа это мало походило на реальность. Легче было представить, что всё это – красивое лирическое отступление, и скоро всё вернётся на круги своя.

Помимо всех симпатичных Власу черт была у Вари ещё одна интересная особенность: она быстро пьянела. Такой высокой крепкой девке было достаточно стакана пива, чтобы улицы Тюмени начинали кружиться над ней. В сентябре ещё было тепло, и вечерами было приятно пройтись по сырым от дождей дорожкам, залитым тёплым осенним светом фонарей, почувствовать, как остывает пропаренная летними месяцами земля, а ближе к закату – непременно пойти на крышу панельной десятиэтажки, которую показал Власу Валера Красников.

Кстати, где-то в середине октября компания всё-таки намозолила глаза жильцам, и те повесили замок на чердачную дверь. Крас притащил здоровенные кусачки и попытался восстановить доступ к любимому месту встреч закатов, но ничего не вышло. В другой раз он просто пришёл с отмычкой и за пять минут снял замок.

Но однажды Влас захотел впечатлить Варю и нашёл новую крышу – только для них двоих. Одалживать инструменты не понадобилось: чердачная дверь симпатичного дореволюционного четырёхэтажного домика была закрыта на обычный засов.

– Неплохой тут вид, – с деловым видом одобрила Варя, едва выглянув из-за последней ступеньки.

Выбравшись из неровного квадрата чердачного окошка, Влас подал руку спутнице.

– Аккуратно, тут немного скользкое покрытие.

Варя вылезла, выпрямилась во все свои «почти метр восемьдесят», как она иногда это называла, разгладила складки на юбке и куртке и огляделась.

– Хорошо здесь. Ты молодец, что нашёл крышу, пока тепло.

В действительности было уже не очень тепло, но хотя бы обошлось без ветра. Влас смотрел на Варин счастливо-задумчивый взгляд.

– Как чувствуешь себя? – спросил он.

– Честно? – она повернулась и обратила взгляд прямо в центр его зрачков. На секунду Власу показалось, что глаза её сменили цвет: стали ярче. – Мне непривычна такая прямота. Но хочется. Хочется описать это сейчас, чтобы запомнить, чтобы смаковать потом эти секунды.

Она снова повернула голову в сторону города, будто за-

стеснявшись говорить ему в лицо, и продолжила:

– Невероятное тепло. Ощущение эмоциональной близости на очень высоком уровне. Это кажется чудом, забытым со времён смерти родителей. Или нет, даже ещё раньше... Ты мне так не понравился в самом начале и тем поразительнее теперь находить всё новые и новые точки соприкосновения. Чёрт. Так сложно объяснить всё. Крайне непривычна для меня такая ситуация. Извини.

– Я тоже не имею привычки говорить о чувствах.

И, погодя, Влас добавил:

– Разве не лучше просто в них погружаться и никак это не называть?

Они осторожно пробрались к краю крыши и сели. Да, четыре этажа не сильно возвысили их над городом, зато оттуда были видны крыши ближайших домов с нитями проводов и антеннами, которые торчали из-за ржавых листов стали и крон пожелтевших деревьев как шпажки в праздничном торте, только чуть мрачнее.

– Немного на Питер похоже.

– Я видела его только на картинках в гугле, – печально приулыбнулась Варя.

– Значит всё ещё впереди, – приободрил её Влас. – Тебе всего лишь восемнадцать.

– Как и тебе, собственно, – усмехнулась Варя. – Кстати, к нам скоро одна питерская группа приезжает. Не хочешь пойти? Они классные, но не шибко известные, потому вход по фигне стоит.

– А что за группа?

– «Почти счастье» называется.

– Звучит неплохо. Послушаю на досуге, но в целом я за любой движ, так-то считай, идём.

Влас предвкушал. Как всё, что они с Варей впоследствии задумывали сделать. В провинциальном городе используешь любую возможность подкинуть в жизнь приключений, потому на той же неделе Варя и Мари побежали целоваться под табличкой «деканат педагогического факультета». Влас взял на себя роль оператора. Ещё с ними был Валера.

– Ай-яй-яй, – кричал он, давясь от хохота, немногочис-

ленным людям, сидящим в коридоре. – И эти дамы будут учить Ваших детей. Запомните их!

С диким смехом, держась за животы и скользя по перилам лестницы, они убежали оттуда, пока работники деканата не вышли из кабинетов на шум.

Октябрь

Шёл разговор о «Формуле-1», когда Варя и Влас, уже опьяневшие от второй «Балтики 9», окончательно перестали замечать остальных людей в компании и после нескольких минут взаимного разглядывания туманными глазами, не обмолвившись не словом, одновременно встали и ушли в другую комнату, закрыв за собой дверь на защёлку.

Оставшиеся в комнате люди мгновенно умолкли и заулыбались:

– Вот это мо-ощь, – понизив голос, прокомментировал Христофоров. – Я думал, они друг друга загипнотизируют.

– А ведь они реально как два сапога, – заметил Валера.

– Ой, ну вот, пошли сопли, – перебил их Лепс. – Нормальный же вечер был.

– Лучше б порадовался, ворчелло, – вставил одно-

группник Валеры Денис.

– Ладно, хорошие они с Варей, хорошие. Правда, лучше б они просто целовались, чем весь вечер друг друга глазами раздевать. Менее интимно бы выглядело.

Конец последнего слова заглушил грохот чего-то тяжелого и ругательства, слышащиеся из соседней комнаты.

Валера и Дима подскочили с места. Думали, что-то случилось, но уже через секунду по обрывкам экспрессивных фраз стало понятно, что Влас и Варя просто ссорятся. Сначала все вздохнули с облегчением, но ссора начала приобретать угрожающие масштабы: голоса стали громче и Хрис решил вмешаться, потому как вспомнил о маминой вазе, стоявшей на комод.

Но разнимать их не понадобилось: едва лишь Дима дотянулся до двери, как щёлкнул замок, она настеж распахнулась, и из комнаты вылетела Варя с немедленным намерением уйти и крайней степенью возмущения на лице, а Влас, до невозможности раздражённый, пошёл в кухню и начал пить коньяк залпом. На вопрос о том, что произошло, он пообещал разбить бутылку об голову тому, кто ещё раз спросит об этом.

Варя пришла домой и молча, прямо в пальто легла на кровать. Уставилась в потолок. Там много трещин и подтеков, долго можно считать.

– Ты чего так рано сегодня? – Не отрываясь от учебников спросила Рита.

Варя не ответила. Она чувствовала, что количество влаги на роговицах уже на пределе, стоит лишь немного пошевелиться – и скатится слеза.

"Впитайся обратно, – умоляла про себя Варя. – Я знаю, ты можешь".

– Варь? – переспросила Рита и снова не услышав ответа, обернулась.

Слезка всё же скатилась.

"Ох, чёрт," – пронеслось в голове Вари.

Рита встала из-за письменного стола и подошла к кровати. Провела рукой туда-обратно перед глазами. Ноль реакции.

– Варь, ты же ничего не употребляла?

Лицо, склоненное над ней, плавало в пелене вновь набирающейся слезы.

– Не думай так, Рит, я против наркотиков.

– Ты расскажешь мне, что случилось?

Тишина в ответ. Рита ещё немного постояла над соседкой, раздумывая, чем ей помочь, и в итоге сняла с длинных ног, не помещавшихся на кровати, ботинки и попыталась освободить ее от пальто. Варя зарылась вглубь одеял и подушек, продолжая беззвучно плакать.

Так комната жила в молчании до того, как домой вернулась Мари. Она, конечно, уже всё знала, хоть её сегодня и не было у Христа в гостях. Варя не слышала, как она зашла – только звук чашки, поставленной на тумбу над кроватью и терпкий запах имбирного чая.

Среди ночи Варя проснулась оттого, что кто-то гладил ее по плечу. Выглянув из-под покрывала, она увидела соседку Лизу, видимо, только что вернувшуюся с работы. Красиво подведённые уставшие глаза выражали сожаление.

– Прости, – прошептала она. – Не хотела тебя разбудить.

В следующий раз Варя проснулась в воскресенье в половине пятого вечера. Ей казалось, что она сходит с ума. Как мог быть одним и тем же человеком Влас, с которым они гуляли по лесу в сентябре и тот хладнокровный циник, который даже не дрогнул, увидев, в каком глубоком отчаянии находится Варя, и только продолжил ранить её каждым последующим словом.

Нет. Не думать. Не вспоминать ни в коем случае дальше.

Она повернула голову, взглянула на чай на тумбе, так и оставшийся нетронутым и снова уснула.

Так Варя засыпала и просыпалась в течение почти двух суток. Иногда её будил какой-нибудь совсем маленький шорох соседок, но вставать она не спешила: вертикальное положение тела теперь доставляло ей сильную головную боль.

И всё же: вот зачем люди так делают? Привязывают к себе покрепче, изучают самую глубину твоего внутреннего мира, тысячи его деталей, но стоит им найти лишь одну поверхностную, существующую в твоём характере случайно и недолго занозу – и они бьют пощёчину всему хорошему, что

было.

Вот зачем?

—

На третий день с сотовой попытки Мари уговорила ее пойти поесть. Варя потрогала ложкой липкую поверхность остывшей овсянки с ягодами. Соседка так старалась для неё – вон фруктов нарезала, ещё орешков насыпала. А Варин аппетит от этого лучше не стал. Уже после двух-трёх ложек через силу каша перестала лезть в горло, а желудок до краёв наполнился и всё норовил прервать трапезу рвотными позывами.

Быть может, тошнило её не от каши, а от ситуации?

«Какого чёрта?» – пронеслось в голове Вари.

И действительно, какого чёрта она уже который день киснет дома из-за какого-то там Власа? Ведь слова его не про Варю. Слова его – про его неумение выплеснуть обиду другими способами.

А через пару дней ей и думать о нём станет противно. Господи, кажется, уже противно.

Варя взглянула на часы. Полдвенадцатого. Она ещё может успеть к третьей паре, если очень постарается побыстрее принять душ. Горячие капли побегут по телу, скатываясь в ручьи, и унесут с собой всю эту жуть. Всё, что было.

На учёбу она ходила первые два дня по инерции, по привычке выполняя домашку и почитывая вечерами Камю разнообразия ради. Влас на лекциях не появлялся, и ей было от этого немного лучше. На третий день они пересеклись в коридоре, и Варя, остужая ёкнувшее слишком громко сердце, всё думала: он не поздоровался потому, что не хотел или потому, что разнонаправленные потоки людей унесли их друг от друга слишком стремительно?

То была пятница. В этот же день Мари решила устроить самый девчачий в мире уикенд и позвать погулять и вкусно покушать всех обитательниц дома, кроме Лизы, которая, как всегда, была на работе. Предложение было принято и реализовано в течение следующих полутора часов.

Сначала девчонки славно прошлись по подмёрзшей набережной, а когда октябрьский вечерний минус дополнил ещё и ветер, речь зашла о выборе заведения.

– А давайте в «Свою компанию» пойдём? Там пицца классная, – предложила Мари.

– Ну нет, – прервала её Рита. – Я туда не хочу.

– Почему?

– Просто я не люблю новые места.

– Ты ни разу не была там?

– Нет.

– И попробовать не хочешь?

– Не очень.

– Окей, тогда куда Ты предлагаешь пойти?

– В «Сабвей».

– Да ну, в «Компании» же вкуснее и намного качественнее.

– Марь, я люблю ходить в одно и то же место и брать одно

и то же блюдо. Я не люблю новое.

Варя, не вмешиваясь в разговор, слушала, и понимала, что отношение Риты к общепиту напоминает её ситуацию с Вла-сом. Прикипая душой к старому, но понятному и предсказу-емому, боясь будущего, она наверняка упускала что-то луч-шее, пусть пока и не до конца представляла себе, что именно.

Упрямая.

«Сабвей» даже в один ряд нельзя поставить с пищей из «Своей компании». Блин. К чертям такое постоянство.

Когда девчонки вернулись домой, было уже за полночь. После плотного ужина клонило в сон, но сегодня была Ва-рина очередь мыть полы.

Кто вообще придумал белую плитку в ванной? Перфек-ционизм не позволял оставить там хотя бы одну крохотную соринку. Выжимая тряпку, Варя думала о том, что жизнь её сложилась неправильно, потому что все более-менее осо-знанные годы, с тринадцати лет ей каждую зиму кто-то нра-вился, и это её грело. А нужно было учиться жить незави-симо, быть огнём, который греет окружающих, а не искать

жалкие искры. Краем глаза она взглянула в зеркало, которое, по-хорошему, нужно было тоже помыть.

«Что я за человек такой?»

В отражении на неё исподлобья глядели запуганные туманного цвета глаза. Впереди холодная сибирская зима – первая, которую Варя предстоит провести одной. И научиться дружить с собой.

Отвратительно. От-вра-ти-тель-но. Прошла всего неделя, и Варя уже недоумевала: как её угораздило так вляпаться?

Срочно нужно обрубить все контакты... Едва оправившись от пережитого, Варя заблокировала Власа во всех соц-сетях, чтобы не оставить им обоим шансов повторно напороться на эти грабли. К сожалению, у него остался мобильный. Если занести его номер в чёрный список, Влас знает, где она живёт. И даже представив себе, что ещё не поздно съехать в другую квартиру, чёрт возьми, они всё ещё учатся в одном вузе. Обойдётся. Больно много чести для такого мудака.

Вот и всё. Стоит ли говорить о причинах, если едва начавшие узнавать друг друга Влас и Варя уже разругались в конец? Да так, что оборвали все надежды на простое человеческое, что у них так успешно складывалось и даже не пожалели, что разошлись. Обоим было настолько неприятно, что они негласно решили вернуться к своим жизням и отсечь друг друга, дабы не мозолить глаза и не раздражаться ещё больше.

«Тупая девка очередная», – думал Влас, идя на концерт.

«Хорошо хоть пораньше себя показал, подонок», – рассудила Варя, надевая чёрные рваные джинсы. Она тоже решила, что нет причин пропускать концерт любимой группы только потому, что туда может прийти Влас. «А может и не прийти», – думала она. – «Не помню, чтобы он от них фанател». Варе даже было плевать, что она шла туда одна. «Ничего, музыки больше послушаю. И, может, даже потанцую».

«Блядский чёрт, ничего я не послушаю!»

Сердце бешено заколотилось в ушах, когда Варя увидела в толпе толстовку Власа. Он стоял к ней спиной. Со всей той

же компанией.

На сцену вышли музыканты, начали играть песню, которую Варя включала, когда они с Власом впервые вылезли на крышу. Потом ту, которую они слушали в перерыве на лекции. После неё – ту, под которую танцевали пьяные дома у Христофа. «Чёрт, а ведь ещё предстоит четыре года в одном вузе учиться и как-то переживать лекции по вторникам», – с ужасом подумала Варя. И теперь, несмотря на всё произошедшее, ей хотелось контакта. Но нет, нельзя... какого рожна он вообще пришёл на этот концерт? Хотел её увидеть? Напросился, сейчас увидит.

Два с половиной часа назад:

Дни шли, и расставание становилось всё менее значимым. Варино отвращение к ситуации утонуло в повседневности, да и Влас больше об этом не вспоминал. Потому он и не особо возражал, когда Хрис напомнил о концерте группы «Почти счастье». Изначально идея пойти туда принадлежала Варя, но теперь всё, что было связано с ней, затёрлось в памяти, и Власа не особо волновала вероятность их встречи. Да и нечем больше было заняться тем вечером, кроме как всей

компанией вкатиться в ободранный местный клуб.

Музыка, честно говоря, Власу не очень импонировала, но именно под такую ноги неслись в пляс, и после второго стакана пива он не сопротивлялся. Всё равно никто не видит сквозь толпу людей.

Лепс позвал с собой девчонок в полтора раза больше, чем им нужно было, так что они вместе выкроили себе кусочек зала в углу под сценой и пританцовывали там. Третье пиво, четвёртое... «Существует ли в этом мире что-то лучше пива?» – думал Влас, когда в голову дало давно знакомая хмельная придурь, ноги стали легче, и мир задвигался.

Прикрыв глаза, Влас наслаждался музыкой. Толпа зрителей периодически взывала, свистела, поддерживая группу музыкантов, и ничто не помешало бы Власу плыть по течению всех этих звуков, если бы Валера Красников не заорал ему на ухо: «Еб твою мать, Влас, твоя девка со сцены прыгнула».

От неожиданности Влас распахнул глаза. И правда, прыгнула в толпу. Он уже успел испугаться, что её не поймали, когда ноги в рваных джинсах вынырнули на поверхность моря поднятых вверх рук. Влас сначала подумал, что она очень пьяна, но поймав взгляд зелёных яростных глаз, понял, что

она не пила вообще. Поток разномастных ладоней выбросил её на сцену, и она прыгнула ещё раз. А Влас стоял, смотрел, не слыша больше музыки – только разговоры друзей о том, что его де... кхм, бывшая девушка тусит сегодня круче, чем все остальные двести человек в зале вместе взятые.

Ну и пускай прыгает. Пусть хоть голову себе расшибёт. Дженис Жоплин⁹ хренова. Только Влас подумал о том, что провокации танцевать не мешают, как Варя, будто услышав краем уха его мысли, начала жестить ещё больше: вылезла на сцену с какой-то девкой и – вот же дрянь – поцеловала в губы и за руку с ней прыгнула в толпу.

– Ого, Влас, что ж ты раньше не рассказывал, что она такая горячая? – прокричал сквозь музыку Христофоров. Он собирался ещё что-то сказать, но одного взгляда Власа было достаточно, чтобы он заткнулся.

Третий раз на сцену она уже вылезла с другой девчонкой, тёмненькой и по старой схеме притянула её к себе грубым мужским рывком, который исходил будто бы из чужих рук, не из её бледных тонких пальцев. Перед прыжком откуда-то взявшийся охранник схватил Варю за щиколотку, но она резко рванулась в толпу и вот полсотни человек снова катают её

⁹ Дженнис Джоуплин – американская рок-певица 70-х годов прошлого века, известная своим скандальным поведением.

на руках под обалдевшие возгласы моих друзей. Влас лишь мельком поймал взгляд оголтелых зеленых глаз. Нет, не музыка, а эти безумные радужки рвали ухо криком: «Ты меня ещё не знаешь, а уже отказался». В остальное время он видел лишь её ноги, торчащие из толпы, кусочки белых носочков и те самые кеды, которые они вместе хотели похоронить на заднем дворе, но не успели.

За весь вечер они не обмолвились ни одним словом, но всё в Варе, каждая чёрточка этого чёртова создания, въедалась, режа зрение, и кричала: «Не знаешь, не знаешь, а бросил». Она была зла, очень зла.

Власу уже её выходки начали доставлять изрядные неудобства. Он стал заглядываться на руки толпы, которые носили его бывшую пассию под потолком. Какого чёрта они её трогают? Ладонями и пальцами. За ноги и голые предплечья. За ткань майки, которую он не раз снимал с Вари.

И тут Влас не выдержал. Напирая всем телом, разгребая в стороны людей, он добрался до Вари, всё ещё летающей по толпе, поднял руки вверх, обхватил её за оголившуюся талию и потянул вниз, к себе. Варя сложилась пополам, но едва лишь коснувшись ногами земли, ударила Власа в грудь кулаком и вперила в него взгляд со всей дерзостью, на какую была способна.

– Ты чё творишь? – заорал тот на неё сквозь музыку.

Варя попыталась вырваться, но Влас оказался сильнее. Он злился. Но уже не на Варю за её выходки, а на себя за то, что не сломал тысячу замков, не обошёл все блокировки и чёрные списки и не достал её из-под земли. Теперь она достала его. Из кожи вон выпотрошила.

Варин взгляд переключался с Власа на других людей в помещении, на сцену и огни, бегавшие по потолку и стенам клуба, как секундная стрелка часов. Её прищуренные глаза выносили приговор: у тебя есть лишь мгновение для того, чтобы заинтересовать, а если не сможешь, её внимание скользнёт дальше. Это было нечто испытывающее, но, что самое удивительно, закономерное для Вари и такое волнительное для Власа. Он спрашивал себя: как это он раньше не замечал этой черты в ней? Почему вообще его рассудок вычленил из общего образа Вари детали, которые оставались незамеченными остальным моим окружением? Они видели обычную девушку. Влас видел инопланетное существо, на возвращение которого в их общий мир он мобилизовал сейчас все силы.

Стоит ли говорить о причинах ссоры? И теперь нет, и раньше не стоило. Музыка била по ушам, танцующие вокруг

толкались, Влас обнимал Варю так крепко, как мог, а она и не сопротивлялась.

Солнце исчезает в закате, как кусочек масла на сковороде. Завтра к первой паре, но сегодня хочется ещё социума. Это и есть юность духа – когда ты выбираешь недосып, но успеваешь всё. Максимально насыщаешься общением, а наутро бросаешься в учёбу с головой. И при этом ты слишком молод, чтобы по-настоящему устать, но с другой стороны хочется хоть раз испытать это опустошающее изнеможение, и ты носишься, бегаешь, прыгаешь выше головы. Захлёбываешься в новых жизненных событиях, хватаешь ртом воздух – общение с такими же студентами, как ты, и чудом всё ещё держишься на плаву.

И это не надоедает. Как не надоедает Лепсу пить на брудершафт с вновь приглашёнными ребятами. Как не надоедает Христофорову купаться во внимании девчонок. Как не надоедает Валере так вдохновлённо пританцовывать, будто в комнате нет никого, кроме него. Как Власу не надоедает выкидывать за шкуру буйных и неблагодарных. Как Мари не надоедает концентрировать вокруг себя всю болтовню в доме и как Варе не надоедает спонтанно генерировать свои фи-

лософские вопросы (да, Влас скучал по ним):

– Ребят, скажите, вот если бы у вас был выбор, что вы предпочли бы: жить в стране с крутым уровнем экономики или высоким культурным развитием?

Девчонки и пара ребят, пришедших впервые, засмеялись. Постоянные же обитатели тусовки уже привыкли к внезапностям от выпившей Вари.

– Вообще-то это не взаимоисключающие вещи, – начал Лепс, —но я больше за экономику.

– И я, наверное, не настолько приверженец всяких искусств, пожал плечами Красников.

Противоположного мнения придерживались девчонки, которых привёл Хрис. Кажется, их звали Юля и Вера. Только Влас не помнил, кто из них Юля, а кто Вера.

– Да ну вы чего, ребят, без искусства народ совсем озверет.

– Никто же не говорит, что его совсем не будет. Дим, а ты как считаешь?

Христофоров вышел из задумчивости и улыбнулся девочке, которая задала вопрос:

– Думаю, что непонятно, к какой из этих двух категорий Россия относится. Но мне здесь нравится. Я не переехал бы.

– Я бы выбрала искусство. Однозначно, – сказала Варя и посмотрела на Власа. Он замечал раньше, ей сильно этого искусства не хватает здесь, в западном болотном уголке Сибири. Помнится, когда-то она процитировала какого-то крутого и дофига мыслящего чувака, который написал в книге, что искусство – санкционированная иллюзия¹⁰. Влас думал, что это была единственная иллюзия, которой Варя окружала свою жизнь как могла. Даже не так. Она превращала своё существование в эту иллюзию, каждый момент – в красивый фотокадр, полный душевных порывов, причём сама того не осознавая. Влас не знал, как его девушка видела свою жизнь, но для него она была искусством.

Единственным искусством, которого ему нехватало.

Ноябрь

Только попав в общежитие после пятой пары, Влас в пол-

¹⁰ «Волхв» (англ. The Magus; в другом переводе «Маг») – роман английского писателя Джона Фаулза, впервые опубликованный в 1965 году в Англии.

ной мере ощутил то, как сильно его вымотала прошедшая неделя. Когда научился по будням выкраивать обрезки свободного времени, выходные начали казаться целым отпуском, в котором нет четырёх пар в день, смены грузчиком до десяти, и твоей очереди готовить. Не знаешь, куда девать свободное время, когда его так много.

– Поговаривают, ты с Чернухой теперь водишься?

Влас поставил стакан на тумбу и взглянул на соседа Егора, уже порядочно набравшегося в честь пятницы.

– А чему ты удивляешься?

– Да ничему, разные вы просто, – тот пожал плечами и задумчиво уставился на луч жёлтой настольной лампы.

– Так что ж мне теперь, копию свою искать?

– Нашёл бы – круглые сутки били бы друг другу лица.

Влас негромко засмеялся, Егор вместе с ним. Стук стаканов завершил беседу. Оба думали о том, что ещё пару месяцев назад не могли представить себе, что первый курс будет именно таким. Забавная штука эта жизнь – только посмей убедиться в чём-то, и она сразу же разобьёт к чертям всю

твою уверенность неожиданным поворотом. Может Влас с Варей и были в чём-то непохожи, но оттого лишь больше цеплялись за точки соприкосновения. Было в ней нечто предельно контрастное. То она затыкала одним едким словом и дралась как отчаянная, то дарила еду бомжам. Жила на копейки, непонятно откуда бравшиися, и как-то вместе с тем носила вещи нуждающимся. Она никогда не занимала деньги и не брала займы, но всегда могла накормить вкусно приготовленной рыбой и яичными гренками.

Иногда у Власа возникали и плохие мысли о ней, и он думал, что всё это напускное. Порой находило настоящее раздражение: какого чёрта он попал в сети какой-то девки?

И тут же, через минуту уже ругал сам себя: «Да нет же, дебил! С Варей такого не может быть. Никаких сетей нет. Она – самый искренний человек, какого я знаю. Да и вообще, какой может быть, наверное. Честная до кончиков пальцев...»

– Честно говоря, я думал, что она лесбиянка, – Егор вдруг прервал молчаливую задумчивость соседа.

– Кто?

– Чернуха.

Власу это предположение показалось таким нелепым, что он во весь голос рассмеялся.

– Вообще-то нет.

Влас ещё не знал, что почти любой шум в общежитии привлекает любителей тусовок. Вот и сейчас в приоткрытую дверь к ним заглянул Серёга с этажа, услышавший их смех из коридора. Потом подтянулись его товарищи, а через пятнадцать минут половина этажа танцевала у Власа в комнате, а он и не был против.

—

– Влас, хочешь посмеяться?

– Ну, хочу.

– Какие-то мажоры из университета пытаются меня притеснять.

Влас перевернулся на живот, положил руки на подбородок и спросил:

– Им втащить?

Варя улыбнулась и покачала головой:

– Да не им, ей. Там в основном одна особа петушится.

– Если это девчонка, то просто забей. Завидует, наверное, что тебе не надо краситься, чтобы быть красоточкой.

– Да нет, там другое совсем. Она по ходу меня лесбиянкой считает.

– Оторвите мне голову. Откуда эти слухи вообще? Мы уже месяц ходим вместе по университету.

– Сама не знаю. Первое время я не обращала внимание, но сегодня она плюнула мне в след и попала в ботинок. Не знаю, специально ли, но желчи в её поведении было достаточно для того, чтобы я её этим же ботинком пнула не отходя от кассы.

Влас не удержался от смеха.

– Чего ты ржёшь? Она ещё и не одна была. Я еле убежала.

– Что за девка такая оборзевшая?

– Вика зовут. Фамилия вроде Ряшева или как-то так. На менеджменте учится.

– Не знал, что у нас в универе есть такое направление, но ладно. Варь, ты не бойся их. Меня в вузе хоть и многие считают чуть ли не бомжом, но боятся что-то предъявить, потому что знают, что я отмороженный: повешу их и глазом не моргну.

– Откуда же?

– Да был один случай на подкурсах... Неважно. Ты мне главное накопиай немного информации про эту Ряшеву. Надо её найти и проучить.

– Ммм... Вроде как она на втором курсе. Видела её один раз у кассы в канцелярском магазине неподалёку.

– Покажи мне её завтра после универа. Надо будет пойти и проверить, её ли смена в этот день.

Лицо Вари сделалось серьёзным.

– Что ты задумал?

– Не переживай, ничего опасного. Ух-х, не повезёт же этой девке, если она окажется на месте.

– Ты уверен, что у этого не будет последствий? – не унималась Варя.

– Да успокойся ты. Насолю и пальцем не трону. Это я умею.

Когда Влас изложил идею, Варя сначала не очень одобрила план действий, но он её уговорил.

Итак, крашенные-ряженные, в плащах и очках, а Варя ещё и с волосами, заправленными в берет и вишнёвой помадой на губах (с косметикой она была почти неузнаваема) зашли в тот самый магазин канцелярии. Та второкурсница стояла у кассы. Одна. «Хорошо, – подумал Влас. – Только из её зарплаты вычтут».

Да уж. Варина обидчица за прилавком выглядела как постсоветская барби в магазине китайских подделок. Как раз тот тип модниц с окраин, которые обводят губы карандашом более тёмного цвета, чем помада.

Магазин был небольшой: всего два зала, но слепых зон, которые не захватывали камеры, оказалось достаточно для того, чтобы забить карманы и рюкзаки до отказа. На кассу они принесли только шестицветный набор гуаши.

– Девушка, – нарочито низким тоном произнёс Влас, оплачивая покупку, – Вы меня извините, конечно, но у Вас стрелки чу-у-уть-чуть косо нарисованы.

Надо было видеть её лицо. Подведённые губы скривились, но она ничего не сказала.

Едва зайдя за угол магазина, Варя согнулась в три погибели от смеха.

– Ну ты и сказану-у-ул, – сквозь хохот выдавила она, задыхаясь. – Мне показалось или у Ряшевой глаз задёргался после твоих слов?

– Задёргался и стал ещё кривее?

Они расхохотались в полный голос.

– Ну и что теперь с этим богатством делать будем?

– Нужно от него избавиться. Тут тысячи на четыре точно есть, а это уже не административка¹¹.

– Ну не выбрасывать же. Давай отдадим тем, кому нужно?

¹¹ разг. «административное правонарушение»

– Точно, – просияла Варя. – Развезём по приютам. И детям радость, и Ряшевой штрафы.

– Ах ты бандитка, – Влас хотел поцеловать её, но тут спохватился. – Помада тебе, конечно, идёт, но надо бы её стереть.

Накрашенные насыщенным вишнёвым цветом губы покрылись слоем улыбки, щёки и переносица порозовели. Поисковик показал им более двадцати детских домов по всему городу. Варе и Власу определённо было чем заняться ближайшие три дня, пока канцелярия не кончилась. Лишь одну коробочку гуаши они оставили себе в качестве трофея.

– Пусть будет память о том, как восстанавливать справедливость, – заявила Варя.

—

Самым противным подарком судьбы в этот понедельник было даже не похмелье, а пара по физике в 8:15. Влас поздоровался с Али и рухнул на стул рядом с ним. Голова трещала. Через пару минут пластилиновое утро разбавил живенько присеменивший в аудиторию преподаватель. Поправил свои неизменные треугольные усы, ладошкой пригладил оставшиеся вокруг лысины волосы без капли проседи и на-

чал перекличку:

– Андреев?

– Я!

– Артамонов?

– Здесь.

– Артюхов?

– Здесь.

– Аббас?

– Здесь, – привстал с места сосед Власа по парте.

– Али, а почему тебя не было на прошлом занятии? – спросил преподаватель и жестом попросил его подняться.

Парнишка встал, смуглый, невысокий и крепкий и с улыбкой самого кроткого и порядочного человека ответил:

– Простити, пожалста, я проебал пару.

На пару секунд воцарилось молчание, рискующее лопнуть, как пузырь, всеобщим хохотом, но, тут преподаватель переспросил:

– Извини, я, кажется, ослышался. Повтори, пожалуйста, ещё раз, где ты был.

Влас громким шёпотом предостерег парнишку, толкая его локтем, но Али, видимо, растерялся и повторил фразу громче и увереннее:

– Простити, пажалеста! Я проебал пару!

– Во-о-о-н! – закричал физик. – Вон из кабинета, хамлю!

Али был в явном замешательстве, послушался и под безудержный смех студентов вышел. Влас попросился выйти за ним.

– Борзенко, а тебе куда? – одёрнул его преподаватель.

– Нужно же парню объяснить, за что его выгнали, – находу бросил Влас и скрылся за дверью.

Перерыв заканчивался. Влас и Варя спешили на лекцию, а против них ломился встречный поток студентов.

– Жесть, не протолкнёшься, – проговорила Варя, и тут же как-то неестественно изменилась в лице и даже затормозила.

Влас поймал направление её взгляда на знакомом лице под чёрной кепкой. Два крупных кольца нервно покачнулись на ушах. На выражение лица Ряшевой нельзя было смотреть без смеха: она узнала Власа. Возмущение её ещё усугубилось, когда рядом Ряшева увидела идущую под руку с ним Варю. Краснея, как пьяный повар, она остановилась, дёргая губами, но не в состоянии что-либо сказать. Локтем, за который держалась Варя, Влас почувствовал, как дрожат её рёбра: пытается не засмеяться в голос.

– Ты ещё узнаешь, с кем связалась, – процедила сквозь злобу Ряшева.

– С уволенной продавщицей канцелярии? – улыбочиво прищурилась Варя.

Ряшева издала какой-то невнятный, диковатый звук, явно выражавший её ярость не в полной мере, и пошла прочь. Варя и Влас чуть не надорвались со смеху.

– Ну ты жестокая, конечно. Может ей просто штраф выписали?

– Всё равно, как её наказали. В следующий раз лучше подумает, прежде чем плевать под ноги людям.

—

Варя проснулась оттого, что разбила вазу во сне. Ровно секунду ей было жалко такую красивую, красную с прозрачным волнистым краем... Но потом взгляд упал на часы. 9:36. Пара по основам педагогики идёт уже полчаса. Варя, резко поднявшись с кровати и чуть не упав от головокружения, с непривычки спешить дёрнула створку шкафа так резко, что она задрезжала от удара о стену, выгребла оттуда первые попавшиеся вещи и принялась натягивать их на себя, когда воздух комнаты дрогнул от громкого звука бьющегося стекла, заставшего Варю замереть от удивления и страха. Не сон? Она очень медленно и сосредоточенно отодвинула краешек занавески, чтобы осторожно посмотреть в окно, и тут в двадцати сантиметрах от её лица об окно разбилась здоровая зеленая бутылка. Варя отшатнулась и даже закрыла лицо руками. Благо, форточка была закрыта, и осколки в неё не попали.

Внизу, под пристройкой, стояла Ряшева с компанией каких-то незнакомых Варе ребят. Спасибо трусости или остаткам здравого смысла Ряшевой – из оружия у них было толь-

ко несколько штук бутылок. Козырёк чёрной кепки взмыл вверх: Ряшева увидела Варю и оскалилась. Даже с закрытым окном со второго этажа было слышно, как она крикнула:

– А ты думала, будешь последней смеяться, дура?

Мысль об опоздании на занятия как-то померкла в сознании Вари, когда Ряшева, пользуясь помощью своих корешей, не особо успешно, но очень агрессивно делала попытки добраться до неё через окно. В добавок ко всему Варя обнаружила, что она ещё и одна дома. Срочно нужно было звонить Власу.

Тем временем Михаил Константинович, ходивший взад-вперёд по аудитории с абстрактными рассказами, лишь отдалённо касавшимися его предмета, миновал первые две парты и оказался спиной к Власу. Тот бесшумно поднял трубку и постучал пальцем по динамику, мол, «слушаю».

– Влас, тут беда. Какие-то опасные типы во под подъездом ошиваются и бутылки бросают...

– Сколько их? – вполголоса спросил тот, не дожидаясь конца предложения.

– Шестеро. И Ряшева в окно ломится.

– Бегу.

Влас хотел ещё сказать, чтобы Варя не беспокоилась, но заметил, что преподаватель поворачивается в его сторону, и резко вытянул свободную руку вверх.

– Можно выйти?

Михаил Константинович вскинул голову наверх и рассеянно посмотрел на Власа в крохотные квадратные стёклышки очков с прозрачной оправой.

– Ну выйдите.

Влас начал неспешно, чтобы не привлекать внимания, убирать тетрадь и ручку в рюкзак, чтобы дожждаться, когда преподаватель снова отвернётся, и улизнуть с вещами незамеченным. Уже из дверного проёма он поймал удивлённый взгляд Димы Христофорова, а едва оказавшись в коридоре, принялся строчить сообщения по всем инстанциям.

—

Выдвинув ящик с кухонными принадлежностями, Варя вооружилась скалкой на случай, если придётся драться, но

уже на обратном пути сообразила, что у неё дома лежит ещё более полезная вещь – швабра. По правде говоря, не боязно ей было сцепиться с Ряшевой. По-настоящему страшно было то, что один долговязый тип из её свиты пришёл с кастетом. По-настоящему страшно было то, что Влас может включить свою дурацкую отвагу и остаться покалеченным, а Ряшева вот-вот разобьёт стекло, на ремонт которого и Варя, и соседкам придётся месяц откладывать с денег на еду и транспорт.

Глубоко вдохнув и замерев на секунду, Варя взяла волю в кулак, рывком отворила окно и с размаху ударила Ряшеву деревянной перекладной швабры по руке, которой та уже пыталась зацепиться за подоконник.

– Вот су-ука!! – взвыла Ряшева, но это вывело её из строя совсем ненадолго. Она плюнула в Варину сторону, но попала в кирпичную стену левее окна.

Ещё больше разозлившись, она издала один из своего арсенала непонятных звуков и снова с прыжка вцепилась в подоконник. Варя упёрлась концом швабры в её грудь в надежде на то, что это как-то воспрепятствует планам Ряшевой, но той, видимо, именно это и было нужно, ибо она моментально схватилась за швабру обеими руками и рванула её на себя. Варя больно упала животом на подоконник и где-то с полметра проехала за шваброй, едва не выпав из окна. Ря-

шевой и удалось бы её вытащить, если бы она сама с дикими воплями и громким металлическим звоном крыши не свалилась, выпустив из рук швабру. За обрушившейся спиной в чёрной футболке Варя увидела Власа, одной рукой державшегося за край кровли, а второй – за ногу Ряшевой.

– Отпусти, сопля! – визжала она, но Влас дёрнул её за голень, чтобы она съехала поближе к нему, схватил в охапку дрыгающуюся девушку и прыгнул с пристройки.

Только теперь Варя обратила внимание на то, что толпа под её окном выросла в количестве и задвигалась. Началась драка. Из многорукого клубка то и дело выглядывал и нырял обратно то Валера Красников с голым торсом и диким выражением лица, то Лепс, катавший по земле какого-то парня в олимпийке, то другие ребята, каждым ударом уязвлявшие товарищей Ряшевой, лица которых издалека Варя не удалось дифференцировать.

Увидев, что тип с кастетом пробирается в толпе в сторону Власа, Варя не на шутку испугалась, но вдруг краем глаза она уловила фигуру, которую никак не ожидала увидеть в подобных обстоятельствах.

Человек, которого она всегда видела одетым в только идеально выглаженные хрустящие рубашки, со скоростью мол-

нии приближался к эпицентру драки в футболке с закатанными до плеч рукавами с бейсбольной битой в руках. На секунду даже показалось, что зрение обмануло Варю, и она перепутала Христофорова с кем-то незнакомым, но боевой клич, вырвавшийся из него с первым ударом дубинкой по чьей-то заднице, расставил всё на свои места. Так мог сделать только Хрис.

Варе от вида такого воинственного Димы стало смешно, но тут же она опомнилась и схватила в руки скалку, лежащую всё это время рядом на полу. Нужно помогать.

Влас даже на секунду оторвался от упоительного валяния по полу парня с кастетом, когда увидел несущуюся с грозным лицом и скалкой Варю, но тут же получил по лицу увесистым кулаком и вернулся со всем пылом в драку. Ряшева тем временем кидалась в толпу, но её как девушку постоянно оттесняли в сторону. Увидев Варю, выбегающую из подъезда, она в три уверенных и быстрых шага оказалась рядом, выбила у Вари из рук скалку и повалила противницу на землю.

– Сейчас самая красивая будешь, королева пидарасов!

Первые два удара были действительно очень болезненными, кружилась голова и казалось, что сопротивляться нет смыс-

ла. У Ряшевой это, верно, была не первая драка, а Варинины кулаки всё попадали мимо, и даже защиты никакой от них не было, но тут, вслепую мотнув ладонью, Варя обнаружила под рукой достаточно крупную прядь волос Ряшевой, ухватилась покрепче и что есть силы дёрнула за них вниз. По участвовавшей ругани стало понятно, что на неё это подействовало, и Варя почувствовала прилив сил. Движения стали легче и энергичнее, адреналиновая кровь застучала в ушах, боль отошла на второй план. Притянув Ряшеву за волосы почти вплотную к себе, она максимально грубо укусила её за первое попавшееся место – плечо, и, воспользовавшись моментом слабости, попыталась выкарабкаться из-под натиска соперницы. Не вышло. Зато получилось заново схватить скалку и стукнуть ею по руке Ряшевой, мешавшей Варе вырваться. Она старалась не бить по лицу, так как даже в таких обстоятельствах это казалось ей слишком негуманным, несмотря на то, что её противница так явно не считала. Ещё пара ударов – и Варя оказалась сверху, придавив оба запястья Ряшевой к земле скалкой. Липкая красная капля упала с подбородка Вари прямо в глаз соперницы. Та с брезгливым стоном и кучей ругательств замотала головой. Всё тело Вари потряхивало из-за колотящегося сердца. Казалось, что даже зрачки пульсируют. Частое дыхание отдавалось в заложенных ушах: оттого Варя и не услышала, как за её спиной появился Влас.

– Вот это я понимаю бойцовский клуб, – ухмыльнулся он.

Варя не знала, что делать дальше. Держать метавшуюся Ряшеву казалось легко, дышать – сложно. Влас решил всё за неё и, наклонившись и поравнявшись лицом с Варей, победно и бескомпромиссно глядя на Ряшеву, сказал:

– Только попробуй ещё раз подойти к моей девушке, и я подключу к делу людей, которые гораздо быстрее и жестче разберутся с тобой, поняла?

Лепс знатно сцепился с бритым подчистую парнем, который с резким треском порвал ему горлышко футболки до самого солнечного сплетения. Напоследок Лепс отправил его в стайку убегающих друзей Ряшевой не то пинком в поясницу, не то ниже.

– Последнего сделали, – удовлетворённо подытожил подошедший к нему Валера и постучал другу по плечу.

Только лишь поколоченные дружки Ряшевой уволокли остатки своих костей за углы панелек, Крас уставился на Варю:

– Вот это ты, матушка, конечно, наваляла девке в кепке. А за что она пришла с тобой разбираться?

Перестать думать о том, что только что произошло и включиться в разговор стоило Варе большого усилия над собой:

– Не знаю. Кажется, за глаза.

Ребята потом о ещё чём-то разговаривали, но Варя их не слышала. В её жизни появилось что-то новое, будто спектр чувств расширился. Теперь она явнее явно ощущала какую-то диковинную смесь стыда, благодарности и гордости. Стыдно было за то, что, даже обороняясь, она могла сделать больно живому человеку, и никакой контекст этой драки не делал её менее жестокой. Это чувство даже физически ощущалось – тошнотой. Но в то же время Варя была даже немного горда тем, что ей удалось предотвратить несправедливость, ибо раньше она всегда игнорировала нападки в отношении себя, пусть и они не доходили до таких масштабов. Но больше больше всего было благодарности – искренней, яркой, щенячьей. За то, что ребята оставили все свои дела и примчались.

С этой минуты друзья Власа перестали существовать. Они превратились в её собственных друзей.

Декабрь

– Чернуха! – крикнула какая-то девчонка за забором университета. – Поставь мне плюстик на лекции, пожалуйста.

– Без проблем, Сонь, – ответила та.

Не останавливая шага, Влас склонился к Варе и спросил:

– Тебе совершенно не идёт это прозвище.

– Какое? – две полупрозрачные дуги бровей приподнялись ещё выше и стали похожи на коромысла.

– Ну Чернуха.

– Это моя фамилия.

– Да ладно, – сказать что Влас удивился значило бы ничего не сказать. – Тебя зовут Варя Чернуха?

– Вот и выяснили на третьем месяце отношений, – усмехнулась она.

Земля будто резко начала вращаться в другую сторону.

– Почему ты не говорила мне раньше?

– Я думала, ты знаешь, – удивилась она.

– Да действительно, только кто бы мне сказал.

Влас поймал Варину руку, прежде чем она успела его стукнуть. Они взглянули друг на друга и через секунду рассмеялись, осознав всю комичность случая. Впоследствии они часто вспоминали эту ситуацию и смеялись.

Шершавые многоугольнички снега падали на шапку и волосы, на ровный рядок дрожащих ресниц Вари, а Влас любовался и думал о том, что имя Варя ей к лицу, фамилия – нет, но и его фамилия ей тоже бы не подошла. «Что ещё за чёрт, совсем голову отморозило», – проснеслось в голове.

Их смех был так звонок, так синхронен, что компашка девчонок, видимо, спешивших в столовую, пробегая мимо, тоже захихикали.

– Откуда ты вообще такая мне на голову свалилась?

– Из Барнаула катапультировали. Пошли, четыре минуты до пары.

—

– Безопасность жизнедеятельности? Господи, этот предмет ещё кто-то учит?

Влас на секунду оторвался от просмотра конспектов, которые он сфотографировал у старосты первой группы.

– Ну вообще никто. Кроме тех, кого препод невзлюбил.

Варя удивлённо посмотрела на него:

– И чем ты ему не угодил?

Влас пожал плечами и снова обратился к конспектам:

– Тем, что я хохол. А может тем, что в прошлом месяце сбежал с его пары на драку с друзьями Ряшевой.

Варя сглотнула комок в горле, то и дело непроизвольно возникавший, когда она вспоминала то утро, и подумала о том, что у Власа, по сути, не было другого выбора. Точнее был, но тогда он сейчас носил бы ей апельсины в отделение травматологии.

– А с остальными ребятами он как? – спросила Варя.

– Скидываются ему по две с половиной на стол с коньяком. Поголовно. У меня таких денег нет. А всё, что есть, я обещал себе родителям на Новый год отправить.

– Лентяи, – возмутилась Варя. – Неужели это так сложно, что выучить нельзя?

Влас, не поднимая головы, усмехнулся:

– Выучить совсем не трудно. Трудно ответить этому чёрту престарелому. Сидит в своей военной форме, саму справедливость корчит из себя, а в перерывах между парами у себя в кабинете купюры считает и даже дверь не закрывает.

– Обалдеть.

– Сам видел.

– Так может он поэтому тебя и не любит, что ты видел.

– Может быть...

—

Вчера Влас с Варей после учёбы не виделись. Она сорвалась с последней пары и побежала домой – её соседке из медицинского стало плохо. Уже поздно вечером он получил сообщение о том, что может прийти к ним с ночёвкой.

Дверь открыла Мари. Она как всегда улыбалась. Разуваюсь, Влас краем глаза заметил на кухне Варю, разливавшую компот из огромной банки по кружкам, и Риту, подпиравшую лоб ладонью с полотенцем.

– Привет. Что с тобой? – спросил Влас.

– Давление, – глухо ответила Рита. И правда: выглядела она неважно. Покрасневшее лицо будто бы изменило свои привычные очертания.

Влас вошёл в комнату, взял у Вари из рук все три кружки, помог донести их до стола. Та закрыла банку, подошла к нему, обхватила голову Власа и поцеловала его в макушку.

– Их сегодня на кесарево сечение водили смотреть.

– Так вот откуда ноги растут, – ухмыльнулся Влас. – И многих студентов оттуда без сознания выносили?

– Да нет, нас только четверых на операцию взяли, – ответила Рита. – Но мне не от этого плохо стало.

– Кстати да, ты так и не рассказала, отчего, – поинтересовалась Варя.

Рита потупила взгляд.

– В конце занятия преподаватель решил опросить нас. Ну и как-то неудачно пошутил, а одна язва из параллельной группы прицепилась к слову, оскорбилась и закатила истерику. И тут половина аудитории подключилась. Даже взрослые кобылы, которые второе высшее уже получают. Так стыдно за них стало. Пятьдесят великовозрастных имбецилов, которые только и знают, что мнениями кидаться, против врача. Если б эти пигалицы видели, как наш препод час тому назад одной рукой растягивал огромный разрез на животе женщины, а другой – доставал оттуда новорождённого ребёнка, они бы и рта не посмели раскрыть. Они бы поняли, какой путь к профессионализму проделал этот человек чрез тернии медицины и восхитились бы его самообладанию и выносливости. Глупцы, они не цеплялись бы к мелочи – шутке, не грозились бы докладными на имя ректора, если бы могли хотя бы представить себе, что перед ними сидит врач от Бога.

А ради чего был весь этот срач? Задетые чувства? Смеш-

но, для студента педиатрического факультета уж точно.

И весь оставшийся день они лили на него грязь: в раздевалке, на других парах, в маршрутке по пути домой. Просто в один момент мне как дало в голову... И болит до сих пор. Ни таблетки, ни сон – ничего не помогает. Мать моя женщина, как же стыдно за них...

Варе стало грустно от этого рассказа, а Влас подумал о том, что охотно втащил бы каждому, кто со своей колокольни херит врачей и других специалистов, которые служат людям.

– Ебланский городской, вот это дурачьё...

Универ опустел, зажглись тусклые жёлтые лампы учебных комнат и коридоров. Варя уже добралась в учебнике по отечественной истории до царских времён, когда с кафедры вышел Влас. Оставив деревянную дверь открытой, он с размаху пнул оставленный кем-то у стены пакет с вещами и чётко по слогам рявкнул:

– Бляд-ский-чёрт!

Варя, испуганно поглядела на пакет, отлетевший к лестнице.

– Нет. Ничего. Сука, с четвёртой попытки. Он ещё один пропуск поставил мне за прошлую неделю.

– Так ты ж вроде был на паре.

– В том-то и дело! – воскликнул Влас со всем негодованием, на какое был способен.

Варя приблизилась к нему, остановилась и, не зная, что ответить, сочувственно погладила Власа по руке.

– Ещё будет две отработки до конца семестра. У тебя есть шанс успеть.

Влас взглянул на неё:

– Не нравится мне это. С профильными предметами проблем никаких, но вот над второстепенными я сижу до ночи, а взамен – ничего.

Варя попыталась приобнять его, но за секунду до касания смутилась и опустила руки. Влас с иронией посмотрел на неё и мягко притянул к себе:

– Пойдём к Хрису?

– Пойдём.

Тусовка сегодня не спешила сдвигаться. Уже светало, но ни одного из присутствующих в сон не клонило. Лепс и Егор с девочками ушли курить, а Влас с Хрисом, Валерой и Варей развалились на ковре и завели душевную предрассветную беседу. Кто-то спросил про самый счастливый момент в жизни (удивительно, но это была не Варя), и всех прорвало на откровения о прекрасном:

– Классе в шестом я неудачно упал на льду и сломал ногу, – начал Дима. – Не ходил в школу две недели, но за то время школа сама навестила меня. Компашками по несколько человек приходили аж по два, а иногда и три раза в день. Волновались, спрашивали, как я, приносили фрукты. Говорили, что без меня на уроках скучно, учителей никто не изводит сальными шуточками, никто дрожжи в туалете не взрывает...

– Пряма таки вся школа? – игриво переспросила девчонка, только что вернувшаяся с балкона, и плюхнулась в объятия Хриса.

– Нет, но, согласись, столько внимания – это очень приятно.

Тут эстафету хороших воспоминаний подхватил Лепс, появившийся из-за шторы.

– Как-то раз после двухдневных проводов друга в армию... – начал вещать он.

– Ты бы сразу сказал: после запоя, – перебила его Варя.

– Ладно, это правда. Итак, после непродолжительного запоя мы с отцом поехали за город за какой-то мелочёвкой для дома. Возвращались домой вечером. Я устал и прилёг на заднее сидение. И тут неожиданно-негаданно мозги начали оживать. У отца музыкальный вкус разношёрстный: то он «Дип пёпл», слушает, то Алегрову. И тут из динамика в машине заиграла очень приятная фортепианная мелодия. Я слушал, лёжа смотря в окно на здания, которые мы проезжали. Поразительно. Каждый дом будто попадал в отдельную ноту мелодии. Как в «Гитар Хиро»¹², только в тысячу раз прекраснее. Никогда не видел ничего красивее. Я тогда ещё подумал о том, как прекрасна трезвая жизнь. И зачем пить вообще, раз на чистую голову я вижу такие волшебные вещи.

¹² Guitar hero – музыкальная игра для игровой консоли PlayStation 2, задача которой – попадать в ноты, «проезжающие» по гитарному грифу.

– А мой лучший момент – глаза матушки, когда на свою первую зарплату я купил ей микроволновку, – мечтательно проговорил Валера, прикрыв глаза и будто находясь больше в потоке воспоминаний, чем здесь, на ковре дома у Христофорова.

– Что это за бюджетный ремейк¹³ «Большого Лебовски»? – усмехнулась Рита, пришедшая с кухни с большой кружкой чего-то горячего и очень ароматного. Она редко тусовалась с этой компанией. Она вообще нечасто выходила из дома куда-либо кроме института, но её присутствие всегда радовало: кто бы ещё ставил кальян, готовил вкусные омлеты по утрам, держал за волосы над унитазом перепивших девчонок и таскал им активированный уголь?

Все говорили о своих счастливых днях, часах и минутах, а Влас тем временем копался в недрах памяти. Искал. Не смог найти и с удивлением обнаружил, что лучший момент его жизни – сейчас. Сейчас, когда он слышит голоса друзей, держит за руку лучшую девчонку в своем университете, пьяно и невнимательно следит за тенями и силуэтами в рассветных бликах наступающего утра.

Пока Хрис своим ораторским голосом продолжал расска-

¹³ новая версия уже существующего произведения искусства с видоизменением или добавлением в него собственных характеристик.

зывать о вчерашних происшествиях всем, кто находился в радиусе пяти метров от ворот (вот уж Влас не любил эту его привычку, просыпающуюся, кстати, только по утрам после попок), мимо них, спешно поздоровавшись и мельком пожав длинной рукой пальцы Власа, быстрым шагом прошла Варя. Прямо почти пробежала.

– Чего она так быстро смылась? – удивлённо уставился ей вслед Христофоров.

– Да не любит она на дыму стоять, – ответил Влас, приподняв чуть выше руку с сигаретой.

– Господи. Я-то думал, она у тебя супер-понимающая, без загонов и вообще идеальная. Вон, на разборках с тобой дерётся и бывшим не звонит, когда напивается... – заулыбался Дима.

– Сам пошутил – сам посмеялся, Хрис.

– Ладно, так мы хотя бы знаем, что она точно девчонка, а не пришелец.

И правда Власу почему-то было приятно находить в строгих маленьких заповедях маленькие прорехи: эти безобидные вредности забавляли его. Они даже получались у Вари

мило и совсем не вульгарно, без всякого жеманства, чем грешат порой остальные девушки. «Тупые девки, им вообще до Вари далеко», – подумал Влас.

В половине седьмого Влас отправил Варе сообщение о том, что задержится и попросил её идти к ребятам одну. Спустя час после того, как все собрались, он появился в дверях злой:

– Ебланский городской, когда-нибудь я разнесу эту кафедру к чертям собачьим.

Лепс усмехнулся:

– БЖД?

– Да, – угрюмо ответил Влас. Сейчас он немного успокоился и сквозь раздражение, коим его пытали несколько последних несколько часов, начала проглядывать усталость.

– А кто ведёт у вас? – поинтересовался Валера.

– Михаил Константинович.

– О-о-о-о, известный кадр, – усмехнулся Лепс. – Смотри как бы платить не заставил. Он любит деньги.

– Нет уж, после стольких отработок я лучше на пересдачу схожу, чем хоть рубль ему отдам, – Влас пнул ногой чью-то пустую банку из-под пива, Дима изящно поймал её чуть ли не налету и выбросил в мусорный бак.

– Так пересдачи он же принимает, – включился в разговор он. – Ты, кстати, видел его страничку в «Одноклассниках»?

Власу стало смешно.

– Нет, а что там?

– Сейчас увидишь.

И Хрис, посмеиваясь, полез в напоясную сумку, висевшую в коридоре рядом с курткой, за телефоном. До этого дня никому кроме него не приходило в голову искать преподавателей в соцсетях, хотя удовольствие это казалось многообещающим.

– Вот он, Долгий Михаил Константинович! – торжественно констатировал Дима, своим возгласом собрав всю компанию у экрана.

– Господи, да он и правда больной, – возмутилась Варя. – Одни записи про деньги да удачу.

И правда. Фотографии разложенных веером пятитысячных купюр и пачек, обтянутых резинкой, мелькали чуть ли через один пост. Было бы странно, если бы ум Михаила Константиновича не был занят чем-то другим, но с другой стороны будь это правдой, многое стало бы яснее.

Влас ушёл сегодня домой пораньше, чем обычно. Почувствовал острую необходимость вытрясти из учебного материала всё, чтобы старик не нашёл повода требовать деньги за зачёт.

—

И снова, снова он сидел в этом кабинете и не знал, что рассказать о нормах и обязанностях командира ВВС при нарушении противником воздушной границы. Михаил Константинович спрашивал, отталкиваясь от самых абстрактных моментов темы, и порой казалось, что он сам не знает ответов на вопросы, которые задаёт.

– Эх, Борзенко, что ж за молодёжь такая пошла на твоём веку? Ни смекалки, ни пространственного мышления...

– Для того, чтобы точно отвечать на Ваши вопросы и не пытаться изобрести велосипед, нужна хорошая база, – спо-

койно ответил Влас.

– Ну и кто Вам мешал получить её в течение семестра? – вскинул брови преподаватель.

– Программа ознакомительного курса по Вашему предмету.

– Ну да, – усмехнулся Михаил Константинович, – безопасность жизнедеятельности в углублённом варианте изучения физруки точно не осилили бы.

Он замер, вероятно, желая услышать ответ, но Влас молчал, пропустив колкость в свой адрес мимо ушей, и тогда Михаил Константинович оторвал грузную спину от кресла, облокотился на стол и открыл какую-то папку.

– Давай сделаем проще.

И в углу чистого листа он карандашом написал цифру.

Влас оторопел на секунду оттого, что это всё-таки случилось, но быстро смог взять себя в руки, потому как и о таком был предупреждён заранее:

– У меня нет таких денег.

– Что, с Украины не пришлют? – издевательски спросил преподаватель.

– Я пойду на передачу, – отрезал Влас.

– Если бы Вы, Борзенко, интересовались моим предметом хотя бы немного, может, у Вас и был бы выбор. Но при нынешнем положении дел я Вам такого права не давал.

После этих слов Власу потребовалось сделать немалое усилие над собой, чтобы прекратить рисовать воображаемую картину того, как он встаёт с места, вздёргивает стул, на котором сидел, в воздух. Тот бьётся о стену и падает рядом с этим гнусным чёртом в военной форме. Долгий в страхе вжимается в стену, Влас резко придвигает к нему стол и начинает давить, давить, давить... «Распорядитель прав, царь и бог, мать твою. Даже к Украине нормальный предлог не подберёт, умный», – злился про себя Влас. Он еле сдерживался.

– Борзенко, Вы что, не расслышали?

Влас опомнился.

– Я же говорю, мне негде взять эти деньги.

– Ещё одно слово и повышу цену, – невозмутимо парировал Михаил Константинович.

Влас немедля встал, двинулся к выходу, но уже в дверном проёме развернулся и во всё горло рявкнул:

– Чёрт зажорный!

И вышел, услышав из коридора спокойное, но громкое:

– Десять.

—

Варя беспокойно ходила по комнате, но не говорила ничего связного. Ситуация и её привела в замешательство. В один момент она остановилась и открыла рот, будто пытаясь достать оттуда мудрёную формулировку простой мысли, которая решила бы проблему, но этого не произошло, и Варя продолжила ходить по комнате.

– Думаю, у меня был бы шанс, если бы зачёт или хотя бы передачу принимал бы другой преподаватель.

– Боюсь, что так, – ответила Варя. – Но на вашем потоке

всем заправляет он один. И если так, то для достижения своей цели он найдёт, к чему придраться. – И после небольшой паузы добавила: – Скажи, он тебе совсем никаких альтернатив не оставил? Может, был хотя бы намёк на то, что, мол, есть умные ребята, и они имеют шансы сдать сами?

Влас мысленно перебрал все слова в их диалоге и ответил:

– Нет, – ответил он и снова задумался. – Пожалуй, всё-таки нет.

Варя вздохнула:

– Боюсь поверить, но тогда придётся... Если преподаватель хочет завалить, он найдёт, за что, – подтвердила Мари, выглянув из кухни.

– Ещё тебя не спросили, – с видимым раздражением сказал Влас, но Варя быстрым взглядом дала понять: незачем злиться на то, что соседка признала очевидное.

—

Вытащив все заначки из старых джинсов и свёртков со сбережениями на чёрный день, Влас всё равно не собрал

нужной суммы, и позвонил Лепсу:

– Влас, дружище, ну на кой чёрт я тебе понадобился в половине первого ночи? Я ж не каждый день на тусах, – услышался из трубки недовольный голос Лепса.

– Тут дело жизни, смерти и моего зачёта по БЖД.

– А-а, старый хрен всё же просит на лапу?

– Да. И я хочу поговорить об этом с деканатом или учебной частью. Это подсудное дело, и я в него ввязываться не хочу.

– Э-э, не выйдет. У Долгого и в полиции всё схвачено.

– Что, совсем без вариантов?

– Влас, он уже больше двадцати лет так зарабатывает. Наверняка его кто-то крышует. Иначе б он уже давно сидел.

Влас через наступающий под горло стыд сглотнул и спросил:

– Тогда займёшь полторы тысячи до вторника?

—

В этот людный понедельник, преступив порог кафедры БЖД, Влас перестал замечать гудящие толпы студентов. Теперь он слышал каждый шаг, гулом циркулировавший в ушных раковинах, заглушающий бесчисленные разговоры о предстоящем зачёте. Влас дошёл до конца коридора, до несчастного кабинета и встал в очередь девятым. Благо, Долгий разбирался со студентами не так уж и долго: не прошло и пятнадцати минут, как Влас оказался в кабинете. Закрывая дверь, он думал о том, что на десять тысяч, лежавшие в его рюкзаке, можно было показать Вале Москву. Эти десять тысяч он мог отослать семье в знак победы над их предубеждением, мол, студент сам себя не прокормит. На эти десять тысяч в конце концов можно было скупить все пирожные и торты в кондитерском магазине на углу Городского проспекта и умереть от сахарного диабета, лишь бы не видеть этого отвратительного преподавателя, благодаря которому теперь эти десять тысяч пойдут на преступление.

– Ну что, Борзенко, наконец поддался зову здравого смысла?

Долгий глядел на него из кресла со своей неизменной меркантильной ухмылкой. Влас, молча глядя на преподавателя, сел за стол напротив него.

– Давай, быстро, – сквозь зубы проговорил Михаил Константинович, вытаскивая из ящика в столе здоровенную записную книгу, набитую купюрами.

Влас, не видев раньше таких сумм вживую, ошарашено вытащил свою стопочку из разнопёрых сотен, пятисотен и других бумажек, откопанных на просторах его комнаты в общежитии:

– Эх, Борзенко, что ж вы не могли разменять на крупные, чтобы с этой кучей не таскаться? – покачал головой Долгий, перебирая в руках купюры Власа. Казалось, он получил от этого даже некое физическое удовольствие.

Закончив пересчитывать деньги, он подравнял стопочку, постучав ею о блестящую поверхность стола, сложил всё внутри записной книжки, к остальным деньгам, поднялся с места, обогнул кресло и направился к шкафу с ведомостями, стоявшему в дальнем конце комнаты.

– Так-так, Борзенко, вы же у нас пятая группа, верно? – спросил он, отвернувшись.

– Да, отозвался Влас, не сводя глаз с битком набитой записной книжки, оставленной на столе. Так внезапно возник шанс уравновесить ситуацию, и рука Власа медленно потя-

нулась к торчащей из стопки пятитысячной купюре. Еле дыша, он зажал краешек пальцами и аккуратно потянул её на себя. Удостоверившись, что эта процедура не вызывает ни малейшего шума, Влас уже более смело вытянул вторую купюру и поспешно затолкал обе в карман рюкзака. А Долгий, похоже, никуда не спешил и продолжал искать ведомость. Влас даже успел подравнять стопочку в записной книжке и сменить торжественное выражение лица на нарочито безразличное, прежде чем преподаватель оторвался от шкафа и вернулся к столу с кипой бумаг. Пролистав их и найдя фамилию Власа, он стёр нарисованный карандашом вопросительный знак напротив, расписался в столбце рядом и вывел заветное, разве только во снах не грезившееся Власу слово «зачтено».

Получив то, что ему было нужно и еле сдерживая смех, студент быстро встал с места и вышел из кабинета, мысленно попрощавшись с ненавистной кафедрой.

– Проваливай, – услышал он вслед, но не ответил, потому что точно знал: в этот раз его молчание было признаком не смирения, а победы.

—

– ДА ЛАДНО! – громче всех воскликнула Мари, чуть не

подавившись вином.

– Господи, Влас, вот это удача, – упала в его объятия Варя.

– Друже, это – повод выпить, – констатировал Лепс и под всеобщее одобрение откупорил портвейн.

Влас отправил сохранённые десять тысяч родителям, но те перевели их обратно с небольшой надбавкой и подписью «Молодец ». Последовавшее за тем решение оставить всё на чёрный день совсем скоро сдулось. У студентов, как известно, деньги долго не задерживаются, а найденная идея стоила того, чтобы их потратить.

Влас подумал о том, что мы с Варей никогда никуда не выбирались вместе. В смысле ни в кино, ни в театр, ни в какую-нибудь муть вроде боулинга и поэтических вечеров, куда обычно нормальные парочки выбирают по выходным. И дело даже не в скромном студенческом бюджете (когда деньги нужны, Влас включал свою суперспособность доставать их из-под земли). Его удивило совсем другое: то, что почти полгода они не замечали, что никуда не выбирают. Наверное, это всё-таки показатель того, что им вместе хорошо и без всяких дополнений.

Кстати, в начале февраля у Вари день рождения, и это – крутой повод сгонять с ней кое-куда, дальше всех кинотеатров и выставок Тюмени.

Поэтому когда на одну из тусовок Варя привела обеих соседок, и уже ближе к утру ушла спать, Влас с Ритой остались курить на балконе одни. Он решил, что доверить дело ей лучше, Мари слишком болтлива. Влас под печатью строжайшего секрета попросил соседку раздобыть ему Варины паспортные данные.

Власу было интересно увидеть, как Варя, по природе своей не склонная к экспрессии, прыгает от счастья.

И вот подкралась сессия – пока что малознакомый зверь, которому предшествовало не менее пугающее испытание – зачётная неделя. Всё начиналось с физики. Влас её понимал, но не учил. Мари – не понимала и не учила. Варя – немного понимала и пыталась учить, но чувствовала, что знаний на более-менее достойный ответ не хватает. За день до зачёта в попытке упорядочить всё в своей голове и заполнить пробелы она обложилась книгами и конспектами старшекурсников, которые ходили из рук в руки по всей группе. И чем больше Варя читала, тем яснее понимала, что далека от физики, как от северного полюса. Мари тем временем носилась по квартире, громко жалуясь на то, что где-то потеряла ты-

сячу рублей.

– Я точно знаю, что она где-то дома! Я вчера её видела, – причитала соседка.

– А где видела? – поинтересовалась из-за учебника Рита.

– Где видела, там больше нет, – взвыла Мари. – Как я теперь после сессии к родителям поеду?

– Да не волнуйся ты так, ещё есть время найти, – откликнулась Варя с другого конца комнаты.

Их разговор прервал громкий стук в стену. Там спала Лиза после ночной смены.

– Марь, потише будь, – шепотом предложила Рита. – И Лиза проспится, и нам легче учить будет.

Мари показала язык в ответ и продолжила вытряхивать на ковёр содержимое тумбы.

– Ну чего, Хрис, учил?

– Посредственно, но троечку я бы себе поставил.

Они сидели перед входом на кафедру физики и прятали шпаргалки. Половина группы уже сидела в аудитории, и выходящих с зачёта активно расспрашивали особо волнующиеся. Даже Влас совсем немного поддался общему настроению тревоги, потому что это был первый в его жизни зачёт, и было не совсем понятно, какого уровня знаний от него будут ждать, но из мрачных мыслей его вывело то, что с кафедры вышел Али. Влас очень сильно болел за то, чтобы это парнишка показал свои способности хотя бы на зачёте, поэтому сразу подошёл к нему:

– Ну как, Али, затащил?

– Затащиль! – с довольным видом проговорил Али. – Его лицо было смешно удивлено, когда я отвечаю.

Влас усмехнулся и пожелал парнишке удачи. Он был поистине рад за Али.

И тут из-за дверей лаборант крикнул:

– Кто следующий хочет?

Али похлопал Власа по плечу:

– Я сделаю, и ты сделаешь!

– Пора, дружище, – подтвердил сбоку Хрис.

Влас собрался с духом, кивнул и зашёл на кафедру.

Выйдя с кафедры с прекрасным настроением и подписью в зачётке, Влас мысленно попрощался с физикой навсегда и спустился на два этажа ниже – там Варя сейчас сдавала английский. Ждать ему не пришлось: Варя вышла с зачёта быстрее, чем успела прогрузиться мобильная версия «Майн-крафта».

– Пять?

– Пять.

– Ну я в тебе и не сомневался. Подождём Хриса и пойдём к нему? – предложил Влас.

– Да, давай. Можем и Мари с собой захватить, она вроде ещё не выходила.

Соседка не заставила скучать по себе. «Вспомнил лучик – вот и солнышко», – негромко усмехнулась Варя, увидев, как та ракетой летит с кафедры, уже по пути крича на весь

коридор:

– Ты не поверишь, что только что произошло!

– Дай угадаю, на вас напало стадо диких зверей, медведь отгрыз руку экзаменатору, и он не смог поставить тебе зачёт? – с хитрой улыбкой предположила Варя.

– Сначала я чуть не заплакала, увидев свой билет, второй раз еле удержалась, когда мою зачётку передали заведующей, – застрекотала Мари. – А она открывает, смотрит туда так, будто я её говном намазала и спрашивает громко, на всю аудиторию: «Кто такая Кирова?» Я поднимаю руку, она подзывает к себе. Иду, трясусь, не знаю ничерта. Сажусь за стол, протягиваю ей свой билет и кое-как написанную работу, а она мне чуть ли не в лицо тычет зачёткой: «Что это?!» – спрашивает. Открываю, а там моя тысяча!!! Которую я вчера разве только в аду не искала.

«Это не то, что вы подумали! Я вчера эту тысячу нигде найти не могла. Она сюда случайно попала!» – я спешу оправдаться, а заведующая прямо на этих словах ставит напротив моей фамилии в ведомости «незачёт» и говорит, мол, «учи добросовестно, увидимся в феврале».

Влас и Варя чуть не померли от смеха. На них периоди-

чески оглядывались другие студенты, проходившие по коридору, но Мари не понижала взволнованного голоса:

– Расскажешь кому – не поверят!

– Н-да, Марюш, ты у нас просто человек-каламбур, – успокаиваясь, смогла проговорить Варя.

Влас бы вот не поверил, если бы это происходило не с Мари – его золотым стандартом ухоженной, но бездумной девки, ходячим концентратом всего, что он считал абсурдом. Правда, иногда она выдавала что-то непосредственно-забавное, как теперь, например, над чем можно посмеяться искренне и без злорадства. Потому на тусовках ей всегда были рады.

Перед Новым годом общежитие опустело. Влас был в неплохих отношениях с комендантом. Он знал, что ему разрешат остаться. Насчёт Вари договориться не получилось, так что дважды в день она делала вид, что уходит и приходит: утром вылезала из окна туалета на первом этаже и входила с улицы в общагу через турникет с камерами, а вечером – наоборот. Как-то раз мы с ней в развалах вещей нашли гуашь, которую когда-то стащили в магазине, где работала Ряшева, попросили ещё пару баночек краски у девчонок из нашего крыла и разрисовали руками стены и часть потолка над сто-

лом. Утром, проснувшись в горе подушек, пледов и одеял на полу, мы обнаружили, что ещё и свежий снег выпал. Красота.

У Вари было в тот момент всего два вопроса:

1 – «Обалдеть, а тебя за это не выселят?»

2 – «Мы что, выпили весь коньяк твоего соседа?»

На стене над кроватью был намалёван огромный разноцветный ёж с крохотным яблочком на конце длинного носа. Иглы его заняли треть потолка. Большеклювый рыжий пеликан, зелёная рыбёшка, торчащая у него из клюва и охапки волнистой зелени с красными вкраплениями красовались рядом с холодильником. «Как наши мозги и руки выдали такое?» – подумал Влас. Полуабстрактные подтёкшие каракули создавали атмосферу другой планеты. В течение всего семестра казалось, что мы попали в бурлящий кратерфе истории. С концентрацией событий, приближающейся к удушающей. Теперь же было так тихо, так приятно-одиноко в общаге без людей, что Власу казалось, что их переместили в новый мир. В мир, где у него есть только Варя и краски.

«Наверное, это лучшее время в моей жизни», – думал тогда он.

В снежной рамочке окна резали небо фейерверки, хлопали только что открытые бутылки шампанского, как всегда

орал Дима Христофоров, подбивая танцевать всех вокруг.

Комната была забита людьми: вся компания едва помещалась в квартире девочек. Варя сегодня была красивая. То есть вообще, по мнению Власа, она всегда выглядела хорошо, но сегодня особенно: блестящее сине-серое платье на лямках, свободно сидевшее поверх белой водолазки, смотрелось на ней отлично. Влас даже не знал, что его девушка такое носит, потому и был приятно удивлён.

Среди всеобщего настроения праздника, бесконечного говора и звона приборов о тарелки и бокалов о кружки, Варя потянула Власа на балкон якобы курить. Уже на этом моменте он удивился. Облокотившись на большой шкаф для хранения старого хлама и спрятав руки за спину, она заговорила:

– Сам знаешь, я давно отвыкла от подарков и вообще не очень люблю праздники, но сегодня у меня для тебя есть кое-что.

«Вот это пирожки с котятами», – подумал Влас. «А она не перестаёт удивлять». Стоило лишь на секунду представить себе, что наконец-то эта девчонка открылась тебе, как Варя тут же являет свету ещё одну ранее неизвестную сторону своей личности. И где они все только помещаются у неё?

А тем временем Варя достаёт из шкафа огромный свёрток.

– Что это?

– Посмотри сам, – протягивает его Власу.

Тот, в предвкушении медленно отрывая кусочек скотча, не имел ни малейших предположений о том, что внутри упаковки. По размерам сопоставимо разве что с каким-нибудь одеялом. Вот из-под краешка обёрточной бумаги выглянул кусок чёрной валяной шерсти.

– Ёбушки-воробушки, это что, дороже трёхсот рублей?

Варя, молча улыбаясь, указала взглядом на подарок: мол, продолжай. Открой до конца. Влас содрал остатки крафт-бумаги и расправил в руках длинное пальто на толстой тёплой подкладке.

– Чёрт. Даже не знаю, что и сказать теперь, – он облачился в новинку. В плечах было чуть велико, а по росту в самый раз. – Это очень круто. Ты угадала с подарком. Спасибо.

– Ты в нём на Довлатова похож, – усмехнулась Варя со

своим вечносаркастичным прищуром.

– Если честно, я понятия не имею, как он выглядит, но пусть будет так.

– Ты ж физрук, это всё объясняет, – она шутливо стукнула меня по плечу, как всегда, но я поймал её за запястье и притворно подвывернул его.

– Скверная девка какая, купила тут моё внимание таким подарком и поливает теперь. Смотри аккуратнее, а то сейчас факультет спортивной подготовки на тебя обидится, и останешься без подарка.

Варя вывернулась:

– Ого, ты что-то приготовил?

«Да, впервые под руку попало что-то, что я просто захотел подарить тебе, не думая о том, что из кармана при том улетели остатки зарплаты и стипендии», – подумал Влас, а вслух сказал:

– Иди в тамбуре посмотри.

Ах ты..! – и не договорила. Она шумно вдохнула, дотя-

нувшись до меня на носочках, клюнула в щёку и поспешила ко входной двери. Влас за ней. Догнал, прицепился пальцем как крючком к блестящей серо-синей лямке платья. Варя улыбнулась через плечо. Касание прохладных после балкона пальцев кубиком льда скатилось по плечу до локтя, а потом и до ладони. Под бой курантов и крики пьяных Христофорова и Красникова.

– Э, вы куда? – окликнул их Валера заплетающимся языком. – Пропустите же всё.

– Сейчас вернёмся через минутку. – бросила Варя в спешке.

Приглушили музыку в принесённых Лепсом колонках, включили телевизор – а там президент во всю уже вещает, поздравляет. Пробившись сквозь волнующуюся как море толпу друзей и друзей друзей, Влас и Варя вырвались из квартиры. Из холода балкона в жару прогретой дыханием и беготнёй комнаты – и оттуда в прохладный аромат мандаринов, не поместившихся в холодильник (это всё родители Мари прислали к празднику, и чтобы не загромождать и без того маленькую квартиру, она порешила хранить их в тамбуре, совершенно не опасаясь того, что на них позарятся соседи).

– Чего-о-о-о? Велик?! Блин, ещё и с жёлтой рамой! Влас,

ты где такое чудо откопал?

Ухмыльнувшись, он подумал о том, что Варя явно не из тех людей, кто брезгует вещами с барахолок и рассказал ей краткую историю велосипеда с блошиного рынка, с первой цены которого Влас сбил аж 350 рублей, на которые купил баллончик с краской, чтобы подарок выглядел чуть веселее. Они с Лепсом, конечно, запачкали весь его гараж, пытаясь аккуратно отреставрировать раму, но было занято.

– Ну хоть не расстроилась, что не чёрный и без перевёрнутых крестов?

– Влас, вот честно, иди к чёрту со своими шутками про мою фамилию, это – прекрасный подарок, лучше которого я и не могла пожелать.

За дверью послышалось громкое асинхронное «ура-а-а-а» и отдалённый грохот салюта. Варя провела рукой по рулю и посмотрела на меня:

– Не успели.

– Ничего страшного. У меня всё равно крутой день.

– Пошли прокатимся тогда?

– Минус пятнадцать на улице, самое время.

– Ну Влас, там же есть расчищенные дорожки. Пожалуйста. Очень хочется!

Влас вспомнил, что Варино пальто всё ещё на нём.

– Хорошо, только куртку надень.

Он курил у подъезда, пока его девушка, как мальчишка лет девяти, накатывала круги по двору. С нечленораздельным радостным возгласом «йе-е-ехуу-у» она въехала в сугроб, чудом не погнув колесо. Навернулась, хотела ещё немного поваляться в мокром, дура, снегу, но Влас её вытащил, отряхнул и потащил домой сушиться.

– Совсем мозги отморозило? Заболеешь ещё, а мне лечить придётся.

Но вышло в точности наоборот. *Утром первого января* Влас проснулся с больным горлом. Температура, слабость, сопли зелёные – всё по красоте, как полагается. Варя почти жила в общежитии, готовя полоскания, бегая по этажам за лекарствами, не выпуская из рук учебник по античной литературе, готовясь к сессии. Видно было, что ей тяжело, но она не жаловалась. Только говорила, что очень хочет, чтобы Влас выздоровел.

Татуировкой на сердце остались те слова Вари. Оно внутри, оно вовек не забудет то, как она наливала сироп от кашля в мерный стаканчик, поглядывая краем глаза в книгу, и что-то постоянно повторяла.

Варя никогда не говорила об этом, но теперь Влас был точно уверен: она его любит.

После зачётной недели трепета перед предстоящей сессией поубавилось, так что Влас готовился спустя рукава ко всему, кроме последнего экзамена – по психологии детского возраста. Сдавали её все перваки педагогического факультета, потому Влас и Варя могли готовиться вместе.

У них было три с половиной дня, сто двадцать вопросов и две больших банки растворимого кофе. Первые сутки-двое, обалдев от сроков, они ботанили как никогда в жизни, а за день до экзамена Влас успокоился, оценив накопленные знания минимум на тройку при условии небольшого везения с билетом и адекватного преподавателя. Варя не уменьшила усилий, так как считала этот предмет важным, а может и просто хотела прийти на экзамен чуть более уверенной. В вечер перед экзаменом она, устав добивать несчастные десять вопросов, впервые на моей памяти заныла, причём, очевидно, сама понимая, что это всё не так значимо, и скоро она закро-

ет сессию и избавится от всех давящих сроков. Но теперь её что-то прорвало:

«Хочу стоять с тобой, курящим, на балконе, слушать оклики играющих во дворе детей и любоваться заходящим солнцем, а не это вот всё».

– А кофе не хочешь?

– Не отказалась бы.

– Сиди. Я сделаю. Не отвлекайся. Ты же хочешь быть крутым преподадом.

– Не ценой единственного в моей жизни девятнадцатого лета.

– А как иначе? Все проходят через это, даже ленивые пиздюки.. кхм, простите, физруки вроде меня.

Мари, читавшая всё это время тот же учебник, развалившись на диване, издала какой-то глумливый смешок.

– Тебе тоже сделать?

– Нет, спасибо. У меня ещё есть.

Едва Влас успел отправить матери фото зачётки с печатью о закрытой сессии, как та сразу же отослала ему деньги на билеты до Киева. Было жутко неловко держать на карте такую крупную сумму, поэтому он сразу же оплатил себе дорогу, и только тогда понял, что действительно соскучился по семье.

Вся компания провожала сначала Валеру на поезд, потом Лепса и Власа в аэропорт, так как разница между вылетами у них двоих была всего сорок минут. Расставаясь с ребятами, Влас в душе досадовал, что пропустит целую неделю, в течение которой учёба не помешала бы им отдохнуть как вздумается, но на самом деле он больше ждал встречи с семьёй.

«И какой чёрт меня так далеко загнал?» – думал Влас уже на четвёртом часу пути, но утомительный перелёт с длинной стыковкой показался ничем, лишь только стоило парню попасть во двор, где прошло всё его детство.

В его памяти ожили долгие июньские дни, полетели стрекозы, выросла трава до пояса, которую в начале июля нещадно, под самый корень косил сосед Прохор. Из крупных веток, одряхлевших ковров и старых простыней сложился тайный домик под большим кустом сирени. Засвистели в воз-

духе, закрипели качели с большой деревянной перекладиной, на которой Влас и его друзья со двора когда-то помещались втроём. Сейчас от всего этого остались лишь очертания, спящие под снегом, а качели стояли голые – с них сняли верёвки. Но от этого родной дворик не потерял своего очарования. Отделённый аркой с низким полукруглым сводом от большой, шумной улицы, он прятался островком спокойствия в столичной суете.

Навес над подъездом, дверь, два лестничных пролёта, ещё одна дверь, звонок.

Мама. Странно, даже за какие-то полгода она так сильно успела измениться. Новый халат, но бордовые тапочки с пушком – неизменно старые, почти легендарные. Влас долго не мог понять, что ещё нового в её внешности, что заставляет лицо выгядеть моложе своих лет, несмотря на морщины. Татуаж бровей? Влас был рад, что на деньги, которые она раньше тратила на сына, мать теперь могла делать что-то для себя.

Тут в коридоре показалась бабушка, за ней – шестилетняя сестричка Даша, и все разом принялись обнимать и расцеловывать Власа. Наперебой галдели, восклицали, радовались:

– Ты только взгляни, неужели он ещё больше вырос?.. ба-

бушка потрепала внука за щёку. Улыбаясь, он немного скривился.

– Влас, ну расскажи про Сибирь!

Последним из гостиной вышел отец. Он ни капли не изменился внешне: как всегда, своей улыбкой он будто подстрекал Власа, который грелся этим родным щебетом как кот на солнышке: ему было хорошо.

– Добро пожаловать домой, – сказал отец, облокотившись плечом на дверной проём и скрестив руки на груди. У него всегда был такой вид, будто он что-то затеял, но держит свои намерения в тайне от окружающих. Когда Влас был маленький, его это пугало, но сейчас он рад был видеть свою семью.

Уплетая за обе щеки бабулины неповторимые вареники с изюмом и творогом, Влас еле успевал отвечать на многочисленные вопросы семьи.

– А сколько вас человек в комнате живёт?

– А какие предметы самые сложные?

– А что вы там кушаете? – как и ожидалось, спросила бабушка.

– А мы билеты в кино на завтра купим, пойдём все вместе?

– А девушку там себе не нашёл, а?

Влас как никогда пытался исправить в себе привычку отвечать односложно, но получалось сомнительно, и он больше слушал рассказы близких, которые теперь казались ему легендами о жизни в другом мире.

После вареников подоспела яблочная шарлотка с мятным чаем.

Когда все пошли спать, Влас остался за столом вместе с отцом. Тот, улыбаясь, откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди, и сказал:

– Рад видеть, что ты начал относиться к жизни серьёзнее.

Пауза.

– Надеюсь, ты понимаешь, что разумнее всего тебе было бы остаться здесь и перепоступить в другой вуз.

Проглоченный Власом кусок шарлотки застрял где-то в пищеводе и неприятным комом стоял там, пока тот не проглотил чая.

– Ты не шутишь?

– С чего бы? – лицо отца приобрело выражение искреннего удивления. – Я правда до сих пор теряюсь в догадках о том, зачем тебе российский диплом.

– Чтобы потом работать в России. А украинский чем лучше? – усмехнулся Влас.

– Тем, что для тебя потом открыта дорога в магистратуру от европейских университетов.

Влас смотрел на отца, и ничего не понимал, кроме того, что у них совсем разные взгляды на жизнь.

– Магистратура в Европе не приблизит меня к независимости.

– А что же приблизит? Тюменский диплом физрука? Жизнь на кредиты и полное отсутствие прав?

Обстановка всё накалялась. Влас выдохнул и сделал по-

следнее усилие для того, чтобы ответить отцу не так грубо, как хотелось.

– Я выбрал ту профессию, которую считаю нужным. И поверь, я готов к тому, что мне всю жизнь придётся заваривать чайные пакетики по два раза. А образование человеку не гарантирует мозгов. Из киевских вузов точно так же люди выходят и ищут работу. Почему ты просто не хочешь принять мой выбор?

– Потому что это глупость, которую вся семья презирает.

На секунду эта фраза кольнула сердце, но Влас попытался убедить себя в том, что это не реальное положение дел, а очередная манипуляция отца.

– Пап, мне правда жаль, что вы скучаете по мне так сильно, что готовы прибегнуть к таким методам. Да, я у вас с мамой не родился гением, но хочу быть лучше. И ты, пожалуйста, не препятствуй этому, даже если не понимаешь моих способов.

Дверь в кухню приоткрылась, в неё выглянула сестричка

– Чего уши развесила? – рявкнул отец. Даша испугалась и убежала.

Конечно, на этом спор не закончился, но отец больше не слушал Власа, как и Влас больше не слушал отца. Он смотрел на детские фото, развешанные по стенам, стоящие на комод, на бабушкины полки с соленьями, на пожелтевшие обои, которые были самым ранним воспоминанием его за всю жизнь, на холодильник, переполненный продуктами и готовыми блюдами, которые даже две такие семьи были не в состоянии съесть.

Всё вокруг казалось неправильным, а вечное желание лучшей жизни – вдвойне.

Первый день он был рад очутиться дома, в остальные – впал в анабиоз изо дня в день не меняющейся, вялой жизни. В последний – внезапно проснулся и ощутил болезненные скучания по семье, от которой ещё даже не успел уехать.

Отец не оставлял попыток заставить Власа забрать документы из Тюмени, но тот уже был далёк от области его влияния и не поддавался на провокации. В конце концов Влас понял, что движет отцом и перед отъездом, стараясь звучать как можно убедительнее, пообещал ему не забывать семью в любом конце света. Мать от этих слов расплакалась, и они вместе с сестрой и бабушкой облепили Власа капустой у входа в аэропорт.

– Приезжайте в гости, – предложил им Влас.

– Не-не-не, – слышалось со всех сторон. – Там же холодно.

– И медведи! – добавила сестра.

– Дашка, солнце, в России некого бояться кроме депутатов, – рассмеялся Влас, погладив её по голове.

– А кто такие депутаты?

– Потом расскажу, – остатки фразы заглушил голос диспетчера, оповестивший о прибытии самолёта «Киев-Москва».

—

Варя скучала без Власа. Кажется, это были первые выходные с самого начала учёбы, когда она всё выучила и не пошла тусить. Звонил Валера Красников, звал на бесплатный кинопоказ в какой-то кофейне. Говорил, что Влас наказал ему не дать Варе затосковать. Но она отказалась, зная, что это её от тоски по родственной душе всё равно не спасёт.

Мари с Лизой тоже куда-то свинтили, так и осталась Варя

дома почти одна – с Ритой. Та каждое воскресенье учит что-то. То анатомию, то биофизику...

Не зная, чем ещё себя занять, Чернуха приготовила суп на завтра, завернулась в синий клетчатый плед и уселась в глубокое кресло в комнате Риты празднично наблюдать, как та учит, чтобы не было так одиноко и пусто. Не отрывая глаз от конспекта и ручки от бумаги, Рита спросила:

– Чего загрустила? Из-за Власа?

И хотя Рита не смотрела на неё, Варя по привычке отвела взгляд куда-то в сторону.

– Да нет, просто решила домашний день устроить.

Правда, в их квартире было не настолько уютно, чтобы здесь хотелось проводить время. Но у комнаты Риты было своё очарование: полки забиты потрёпанными советскими учебниками, стена над кроватью заклеена разными схемами с цветными стрелочками и длинными названиями химических соединений, частей органов, костей и т.п.

– Пентозофосфодигидро... Иероглифы блин. Как ты это всё понимаешь?

В полуповороте головы стала видна мягкая горбинка на носу девочки. Радужка глаза, по цвету почти идентичная зрачкам, с этого ракурса была похожа на крупное зерно. Прерывная розоватая кожа, премаленькая линия рта. В мягком полусвете клонящего к беззакатному вечеру дня её странная внешность казалась необычайно красивой.

– Да тут всё просто, если ты в школе не пропускал химию и био.

Варя ещё раз взглянула на схемы.

– Мне кажется, мой университет закончить легче, чем произнести слово *sternocleidomastoideus*¹⁴.

Рита рассмеялась:

– Правильно через «я».

– Ну мне откуда знать, у нас латынь только со следующего года. Всё равно звучит как сатанинские заклинания.

– Всего лишь название мышцы, – улыбнулась соседка. – Несложно найти мотивацию и выучить это всё – она кивнула

¹⁴ Имеется ввиду грудино-ключично-сосцевидная мышца (лат. *musculus sternocleidomastoideus*)

головой в сторону стены, – если действительно хочешь стать врачом.

– А ты кем именно решила быть? Хирургом небось?

– Ещё не знаю. Может, онкологом или эндокринологом.

– Ого, такая ответственность. Я только хотела сказать о том, что не побоялась бы обратиться к такому доктору, как ты, но теперь надеюсь, что жизнь не даст мне поводов идти ни к онкологу, ни к эндокринологу, – улыбнулась Варя, обхватив колени своими длинными паучьими пальцами. – Как тебе вообще в голову пришла идея выбрать такую профессию? Мечта детства?

– Ну-у, я далеко не всегда хотела быть врачом. Незадолго до ЕГЭ всерьёз усомнилась в том, что мне стоит связывать жизнь с медициной. Говорила об этом с отцом, он убеждал меня в том, что это не самое перспективное и высокооплачиваемое направление, но если я всё же решусь, он примет это, – она на секунду оторвалась от конспекта, перевернула страницу учебника и продолжила писать. – Не очень разумно для будущего светила медицины, но я решила, что если мне суждено стать врачом, судьба пошлёт мне знак. Я не была фаталисткой, да и теперь не очень-то во всё это верю, но в тот же вечер к моему дому приехала машина скорой помо-

щи...

Варя понимала соседку. Она тоже не верила судьбу, но обожала, когда богатая совпадениями жизнь рождала красивые стечения обстоятельств, которые так и хочется признать за знак свыше.

– Прекрасная история. Так и вдохновляет меня на то, чтобы действовать самоотречённо.

– И что же ты теперь будешь с таким настроением вершить? – усмехнулась Рита.

– Не знаю. Для начала пойду полы помою в Лизину очередь.

Февраль

– Я не общаюсь с большинством своих приятелей отрочества. Смотришь на них взрослых и думаешь: когда они успели стать такими важными? Были ли они на самом деле мечтателями раньше или же их прошлая, ныне утерянная аутентичность была последствием подросткового максимализма? Выходит, что люди имеют свойство вырастать из влюблённости в мир.

Влас улыбнулся:

– Ну что ж, раз она им больше не по размеру... А ведь с тобой так не работает.

– Да, но... вдруг мы просто не дотянули? Что если нам ещё это только предстоит?

– Убей меня тогда, прежде чем я стану сухариком, – и легонько ткнул её в грудную клетку пальцем. – Задуши шарфом вот этим.

– Ага, прямо вот так? – Варя дурашливо обмотала свободный конец шарфа вокруг шеи Власа. Между двух ровных рядов улыбающихся зубов показался мягкий полуовал языка.

Влас резко дёрнул конец шарфа на себя, и Варя повалилась в его объятия.

– Ещё чуть-чуть и с крыши полетела бы. Аккуратнее!

– Не полетела бы. Я тебя крепко держу.

Остаток их разговора заглушил ветер, свистящий меж карнизами, трубами и антеннами. Жидкая лава горящего закатного неба стекала на простыни, сушащиеся на балконе со-

седнего дома и спутниковые тарелки, установленные на крышах.

– Ты уверена, что не хочешь отметить свой день рождения завтра?

– Уверена. Нет у меня такой привычки – отмечать праздники.

Влас повёл бровями, мол, как желаешь, так и делай, но все его внутренние усилия были направлены на то, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул. У него уже давно был план на этот счёт. «Кажись, впервые получилось предугадать её решение» – пронеслось кометой в его голове.

Ямочки полуулыбки едва проскользнули на лице Власа, но он тут же моргнул, посерьёзnel, выпрямился.

– У меня в такое противное время день рождения, – призналась Варя. – Сыро, промозгло и грязюка повсюду. Помню, на моё двенадцатилетие никто не пришёл. Кто с резким похолоданием заболел, кто не доехал по гололёду до окраины... Представь себе, как обидно мне, малой было.

– С тех пор и не отмечаешь?

– Ну да. Дело-то по сути не очень нужное...

«Отлично, – мысленно прервал её Влас, – завтра положу конец этой традиции».

Небических трудов стоило Власу уговорить Риту покопаться в Вариных шмотках и отыскать её паспорт. Зато таких квадратных глаз своей девушки он ещё никогда не видел:

– Обалдеть, мы серьёзно едем в Питер?

– Ещё бы я тебя обманывать решил в такой день.

Разговаривая, они укладывали вещи первой необходимости в небольшие рюкзаки. Решили ехать налегке. Варин рыжий свитер не помещался. После попытки утромбовать свой багаж ногой, она просто надела его на себя поверх другого свитера.

– Капустой быть теплее.

Ну невозможно было не улыбнуться.

– Варь, мы ж не в Норильск едем. В Питере такая же по-

года, как у нас.

– Спасибо, мам! – Варя саркастично улыбнулась. – Ты мне лучше скажи, как я коллоквиум по зарубежной литературе напишу во вторник после самолёта?

– Питер стоит и не таких жертв. Подготовишься нормально и через неделю пересдашь. А может и с первой попытки получится. Ты же умничка, я знаю.

Варя застегнула рюкзак, вынесла его в коридор и, вернувшись, приземлилась пузом на кровать. Влас упал рядом, распластав руки. Она повернула голову в его сторону, положив ладонь под щеку.

– Ждёшь? – спросил он.

Её глаза заулыбались. Мягкий контур губ шевельнулся:

– Жду.

—

Только лишь табло с ремешком загорелось, а пилот предупредил о том, что началось снижение, сердце Вари забилось громче и быстрее. В окошке сквозь облака начали проглядыв-

ваться кусочки леса, тут и там испещрённые блестящими на солнце кривыми пятнами озёр. Когда слышишь слово «Петербург», думаешь чаще о городе и погоде, чем о природе, а ведь она в этих краях невероятная.

– Когда сможем приехать сюда не на два дня, покажу тебе область, – сказал Влас, заметив, что Варя любит вид. – Сестрорецк, Кронштадт, Выборг... Там дикие ели растут на огромных каменных берегах залива, покрытых мхом. Со всем как в древней сказке о каких-нибудь троллях.

Варя попутно подумала о том, какими интересными словами пользуется Влас, когда ему вдруг вздумается говорить красиво. Самой ей в такой ситуации вряд ли вспомнились бы тролли, потому так забавно было его слушать.

– С чего начнём знакомить тебя с Петербургом? – спросил, улыбаясь Влас. Редко можно было увидеть его в таком хорошем расположении духа. Таким приветливым, как сейчас.

– А ты сам как хочешь?

– Ну я думал насчёт Эрмитажа или Русского музея...

– Ох чёрт, какой выбор. А мы можем успеть и туда, и туда?

– Если постараемся, то да.

– Я ради такого готова не спать, – воодушевлённо вздохнула Варя, предвкушая увидеть в ближайшее время такое обилие искусств, какого она не знала за всю свою жизнь, ойкнула и зажмурилась: самолёт сел.

– Ты раньше часто летала?

– Нет. Признаться честно, сейчас впервые.

—

Мороз на улице – огоньки в каждом доме. Всю дорогу до Адмиралтейской Варя глазела в окно автобуса, оставляя тёплым дыханием след на стекле. Восхищения, облачённые в самые высокопарные слова, не казались сейчас слишком пафосными: они были под стать этому возвышенному городу, впитавшему дух лучших времён нашего государства, не потерявшему его даже в страшную пору войны.

Треугольные крыши с дымоходами, маленькие луковичы-купола с круглыми окошками на чердаках, похожие на логова алхимиков из сказок, почерневшие кирпичные стены с высокими узкими деревянными рамами, эркеры и крохот-

ные мансарды – всё здесь было надышано севером. И чем более старым и ветхим выглядел дом, тем сложнее было Варя оторвать от него глаз. И вот здания стали чище, лепнины – замысловатее... Словно поднимаясь по винтовой лестнице вверх, к самым изысканным идеалам классицизма, Варя и Влас приближались к главной площади Петербурга. Она, молча приоткрыв рот, прижалась к стеклу и смотрела, смотрела, смотрела, пока Влас не потянул её за локоть на остановку.

Но и на улице Варины глаза разбегались. Она ещё никогда не видела такой концентрации архитектурных изысков в одном месте.

– Сердце от восторга замирает, как представишь себе, сколько событий, повернувших вспять историю, видели эти дома, – промолвила Варя, робея перед гигантскими колоннами и барельефами.

—

По Эрмитажу они носились в поисках идеальной женской груди, сравнивая вкусы на натурщиц Рубенса, да Винчи, Жерома и Ренуара, а придя в Русский музей, Варя почти до самого закрытия не могла насытиться авангардом прошлого века. Влас болтался рядом, слушая восторженные рассу-

дения о том, что вживую это всё производит совсем другое впечатление и что раньше Варя была яркой приверженицей реализма, но теперь начала понимать и другую грань искусства – «не очень классическую», как она сама её назвала.

Влас же воспринимал любое творчество исключительно на интуитивном уровне. «Нравится – не нравится».

Вот чёрный квадрат не нравится.

Круг – тем более.

Полукрасные-полусиние пахари¹⁵ сначала не очень понравились, но с рассказами Вари всё начинает видаться по-другому.

Воронка из авангардных пейзажей – нравится.

Острый профиль Ахматовой и её синее (почему-то казалось, что бархатное) платье из треугольников – очень нравится. В одну минуту, рассматривая её, Варя просияла:

– Слушай, а Ахматова же петербурженкой была. Давай поищем дом, где она жила?

¹⁵ «На сенокосе» 1929 – Казимир Малевич.

Влас достал из бокового кармана рюкзака телефон и полез в интернет.

– Мы будем ночевать недалеко от её квартиры-музея. Хочешь, завтра начнём с этого утро?

– Честно? Очень.

И глаза у Вари загорелись так, как если бы Влас устроил ей очную встречу с Ахматовой и всей литературной тусовкой тех времён.

Когда они зашли в первый музей, было ещё темно, а когда вышли из последнего – догорали последние пёрышки розово-синего северного заката. Всё, что они видели между двумя художественными мирами – столовая между набережной Грибоедова и Шведским переулком. И пусть походы по музеям воодушевили Варю, у неё всё же возникло ощущение, будто она из-за своей непомерной тяги к искусству упустила возможность узнать город. Все подобные настроения рассеялись у первого же столба с объявлениями, когда глаза Вари уловили на одном малоформатном плакате слова «оргán» и «собор». Мероприятие было датировано сегодняшним вечером, и даже несусеверный Влас подумал о том, что судьба им пойти на этот концерт. До начала оставалось ещё сорок минут, и они даже успели перекусить пышками с дешёвым кофе

на Малой Конюшенной, прежде чем отправиться в Спас на Крови. Ещё издали завидев у изогнутой ограды канала гла-зурно-пряничные капли куполов и калейдоскопические ор-наменты стен, подсвечиваемых разливающимся закатом, Ва-ря затаила дыхание.

На её глазах нечто сказочное, нереальное сталкивалось с резкими линиями колотого льда и очертаниями максима-льно приземлённых зданий с монументальными колоннами и узкими окнами между. Влас и Варя, прижавшись друг к дру-гу, скрылись от очередного порыва холодного ветра в дверях собора.

Гул города мгновенно преобразовался в священную ти-шину, в которой лишь изредка шуршали ботинки вновь во-шедших, да потрескивал огонь свечей. Варя и Влас прекра-тили растирать друг другу замёрзшие ладони, когда началась музыка. В течение следующих шестидесяти минут царило звучное умиротворение. Ни единого движения картины – ве-личественные росписи, иконы, свечи, даже люди – казалось, даже сердцебиение – всё замерло с первым аккордом. Когда музыка закончилась, на органиста обрушились аплодисмен-ты, а на Варю и Власа – собственные мысли, оставившие их почти на целый час. Покинув собор, они ещё несколько ми-нут молча шли в случайно выбранном направлении. Потом Влас остановился у моста и спросил:

– Хочешь взглянуть на самый маленький памятник в Петербурге?

Варя кивнула. Он подвёл её ближе к каналу и указал рукой вниз, за ограду. Варя заглянула за линию чугунных вензелей ограды и у самого плещущегося края воды увидела очень маленькую ступеньку с ещё более крохотным памятником птичке.

– Это Чижик, – прокомментировал Влас. – Говорят, он исполняет желания, если оставить монетку на его постаменте.

Варя на секунду засомневалась в том, что это вообще возможно, но, приглядевшись, увидела пару блестящих кружочков рядом с Чижиком и чуть больше поверила в свои силы.

– Посвети фонариком, попросила она Власа, и достала из кармана пятьдесят копеек.

Вытянув руку вперёд, Варя сначала прикрыла один глаз, потом другой, и, прицелившись, разжала пальцы. Монетка, звеня, ударилась о постамент Чижика, отлетела чуть в сторону и плюхнулась в воду.

– Ничего, у меня тоже не с первого раза получилось, –

сказал Влас. – Пошли лучше местное пиво попробуем. И зашагали они по горящим проспектам меж тёмных каналов и ободранных переулков. В каком-то баре на Рубинштейна играли живой джаз, но он так и остался за стеклом – Варя и Влас свернули за угол к ближайшему продуктовому магазину, какой показал им навигатор, купили бутылку Василеостровского сидра и ещё одну – тройного пшеничного эля. По наблюдениям Вари, улицы Петербурга больше были похожи на первое пиво – большой яблоневоый сад, в котором каждое дерево – дом, и всё вокруг пропитано историей. Влас же больше ассоциировал каменные громады лепнин с крепким русским элем.

– Хотя, – заметил он, дойдя до Аничкова моста, – если бы ты местное тёмное пиво попробовала, то, быюсь об заклад, назвала бы его самым питерским.

И чем меньше алкоголя оставалось в тех двух бутылках, тем более запутанными путями ноги носили Варю и Влас через весь центр. Миновав пятиугольный перекрёсток, они за чем-то снова перешли Фонтанку и через Юсуповский дворец, Исаакиевский собор, замёрзший сад и бессчётное количество каналов вышли к набережной Невы.

– Что это за здание? – спросила уже заметно повеселевшая Варя, указывая пальцем на светящийся выбеленный дом

рядом с ними.

– Кто знает... Давай в интернете посмотрим, – предложил Влас, достал телефон и открыл браузер.

Варины глаза разбежались по карте, теряясь в обилии известных названий и знаменитых домов.

– Дворец Меншикова, Медный, Кунсткамера... Господи, Влас, да мы около загса стоим! Пошли, нам точно не сюда.

– А куда предлагаешь?

– В Новую Голландию. Лиза посоветовала там одну рюмочную, где всё вкусно и по сто рублей...

Малиновая настойка

Укроповая настойка

Хреновуха

Влас и Варя, держась друг за друга, вывалились из здания «Бутылки». Слева от них кружились вихри людей на катке – справа гигантские розовые улитки ползли по стенам. Варя отшатнулась от них.

– О, Господи. Неужели мы настолько много выпили, что я это вижу?

– Нет, конечно, – успокоил её Влас. – Они уже давно здесь.

– Ну художник молодец, – посмеялась Варя. – Прямо перед питейным заведением, чтоб все точно поверили в то, что это галлюцинация.

– Нужно же как-то сокращать процент алкоголизма в северной столице.

А потом они поехали на трамвайчике на Петроградскую сторону. Влас считал этот остров своим любимым местом в городе, а теряться в этих полуфинских улицах с Варей представлялось ему особым удовольствием. Выходя из трамвая, они пропустили в метро двух старичков – бабушку в вязаном берете всех цветов радуги с такой же яркой сумкой и бородатого деда с булавкой в ухе и в длинном кожаном тренче с огромным вышитым на спине профилем индейца.

– Ну как тебе местный колоритный народец? – понизив голос, спросил Влас.

– Потрясающе, – негромко ответила Варя. Хотя может эти

слова больше относились к домам в югендстиле, ряд которых начинался за остановкой? Влас не знал, но он был уже рад тому, что привёз сюда Варю. Модерновые здания казались сделанными из одного большого камня с маленькими прорезами заострённых кверху окошек, из которых выглядывали листья комнатных растений. Лепнины здесь встречались редко – разве что совсем плоские и минималистичные, затерянные среди больших каменных плит, которыми были обложены дверные проёмы. Крыши-конусы, флигели на верхушках, круглые эркеры, крошечные мансарды, неяркие цвета, нежно разбавленные капелькой белого. Это было непохоже на то, что Варя видела на фотографиях. Единственное, что хотя бы отдалённо напоминало это место – картинки из большой книги сказок Андерсена, которую мама читала Варя, когда ей было пять.

Из одного двора они попадали в другой

И в следующий

И в следующий.

Власу уже начало казаться, что они изучили Петроградку вдоль и поперёк и что его половина, наверное, устала после такого насыщенного пешего маршрута, но Варя его мысли опровергла:

– Казалось бы, удивительно, что мы ещё на ногах держимся после алкоголя и километров, но усталости я почему-то не чувствую.

– Вот и здорово, – отозвался Влас. – И с погодой нам повезло. Можем гулять, пока не надоест.

Варя закинула голову вверх.

– Слушай, а давай на крышу заберёмся?

– Сделаем это завтра, Варюш. Ты сейчас по земле не слишком ровно ходишь, не то что по крыше.

– Ну давай хотя бы на балкон последнего этажа? – не унималась она.

– В хостеле, солнце, в хостеле.

– Окей, тогда мы просто обязаны вернуться сюда завтра и взобраться на крышу какого-нибудь модернового домика.

А потом они решили, что пьяным любые расстояния не страшны, прошли ещё километров пять мимо Петропавловской крепости и закрытого Летнего садика до последнего до-

ма в переулке, где и располагался их хостел. Из парадной Варя добралась до последнего этажа и отворила окно на лестничной клетке. Вихревой ветер ворвался в подъезд, засвистел в пролётах ниже, а за заледеневшей рамой открылся вид на огненные вены улиц и проспектов, трубы и антенны, металлические сшивки крыш разной формы и высоты, купол Казанского собора – на две головы выше остальных домов. Красноглазая Варя одарила Власа самой счастливой улыбкой, какую он только видел в её исполнении за все полгода с момента их знакомства.

– Если бы мне позавчера сказали, что сегодня вечером я буду так вот просто смотреть с шестого этажа на город в совсем другом конце страны, я бы ни за что не поверила.

Влас молчал. Он был не в силах перестать любоваться благоговеющим лицом Вари и сосредоточить мысли на ответе. А та обняла его, и Влас почувствовал, как колет шею её старый вязаный шарф.

– Спасибо тебе.

Проснувшись в одной койке в шестиместном номере в хостеле на Литейном проспекте, Варя и Влас в четыре руки

приготовили завтрак из оставленной кем-то гречки и специй, выпили чаю и, поболтав с аргентинцем о том, какие в Петербурге нынче солнечные зимы, пошли в соседний двор – там был дом Ахматовой.

Власа всё не оставляло ощущение, будто не Варя впервые в Питере, а он сам. Как иначе можно было объяснить то, что он раньше не знал об этом самом питерском месте, хотя оно располагалось совсем рядом с теми локациями, где он бывал тысячу раз.

Комнаты старой коммуналки, больше похожие на коридоры, сундуки у стен и кухонная утварь, висящая на гвоздях, узкие лестницы и высокие грустные окна с видом на такие же строгие графские особняки, меланхолично голые дубы и заснеженные вершины осин. Разглядывая выцветшие фотографии и отрывки писем и черновиков Ахматовой, Варя пребывала в прострации. Совсем не верилось, что уже сегодня надо ехать обратно в Тюмень. Казалось, что они с Власом уже очень давно здесь живут, и возвращение в Сибирь отнимет у них новообретённый дом. Но, с другой стороны, до вылета оставалось ещё четырнадцать с половиной часов в Петербурге – отдельная маленькая жизнь.

– Так, с парадным Петербургом ты вчера познакомилась, теперь поедem туда, где нет туристов, – предложил Влас, надевая куртку.

– Слушай, а откуда ты так хорошо знаешь этот город? – поинтересовалась Варя, когда они проходили в через арку, на кирпичной стене которой толстым слоем белой краски был написан портрет поэтессы размером в два человеческих роста.

– У меня здесь дед служил. Когда мне исполнилось четырнадцать, он начал брать меня с собой на все эти вечера встреч. Так и получилось, что до окончания школы я каждый февраль бывал в Питере. Тут же я и начал в баскетбол играть.

– Ты никогда не говорил о том, что занимался спортом, – заметила Варя.

– Да это было не очень серьёзно, я ж не с детства играл, – махнул рукой Влас. – Но я больше ничем особо не увлекался в жизни, потому и пошёл на физкультурный. Кстати, весной пойдут студенческие первенства, так что не исключено, что мне ещё придётся вспомнить, как играть.

Они проскочили в метро по одному жетону и поехали

вверх по синей ветке – на станцию Удельная. Только лишь выйдя на улицу, Варя заметила разницу: дома уже не были такими ухоженными, мимо ходили очень скромно одетые люди. Какая-то бедная бабушка у метро продавала венники из засушенных веточек. Чувствовалась близость вокзала, даже голос диспетчера доносился. И в такую погоду среди всей этой суеты откуда-то из неопределённого источника были слышны звуки живого аккордеона и дворовой гитары.

«Да они бесстрашные, – думала Варя. – В феврале на улице играть! Ещё и голыми пальцами небось».

Они с Власом побрели вдоль трамвайных путей в сторону рынка. Наблюдая за людьми, их речью, лицами и походкой, Варя отметила, что та же часть социума, которая в других городах страдает от низкого уровня жизни, в Петербурге чувствует себя вполне нормально. И, судя по внешнему виду, вряд ли их достаток чем-то отличается: всё те же бедные люди общались друг с другом, улыбаясь, без недовольства и агрессии, разве что иногда с ироничным негодованием, но в каждом их слове, в каждом движении сквозило уважение как к случайному собеседнику, так и ко всему миру. Варя сама не причисляла себя ни к какому социальному классу, но и как любому небогатому студенту ей был близок отказ от материальных благ, и в этом бедном районе, казалось, что каждый прохожий разделяет её участь, потому ей было впол-

не комфортно гулять здесь. Начались ряды вещевого рынка. Варя даже издалека не была похожа на любительницу покупок, сославшись на низкий ценник и возможность найти интересные вещи из Прибалтики и соседней Финляндии, всё же предложил поискать что-то на память. Варя неожиданно для самой себя согласилась.

Добродушные продавцы старенькой электроники и антикварных предметов роскоши сидели в своих палатках как в уютных домиках, попивая горячие травяные настои из термосов, кто-то вязал спицами, а из одного ларька доносились песни Аиды Ведищевой с винилового проигрывателя. Рядом с целой полкой часов разных эпох, тикающих вразнобой, Варя и Влас разбирали огромный стог вязаной одежды и в конце концов нашли два неплохих свитера – первый синий, со светло-серыми рядами вышитых домиков, саней и ёлок, а второй – тот, что больше понравился Власу. Зелёновато-коричневый с неброским круговым орнаментом вокруг горлышка. Хозяин лавки сказал, что такой узор придумали в Исландии, назывался он как-то причудливо и длинно на букву «л»¹⁶, но Влас не запомнил. После долгих уговоров славный дядя-продавец уступил им почти семьсот рублей. Теплым и искренним благодарностям Вари вторили всё те же многочисленные часики с полки, складывая свои зву-

¹⁶ Имеется ввиду **лопапейса** – исландский бесшовный свитер с характерным орнаментом в верхней части, связанный снизу вверх.

ки в электрическую, немного наивную мелодию. «Быть может, в бедных людях больше доверия?» – задумалась Варя, с неохотой покидая уютный рыночек, душу и сердце скромного пролетарского Петербурга.

Перехватив по дороге к метро по ржаному пирожку с ягодами, Влас и Варя поехали обратно – вниз по синей ветке. Они вернулись на Петроградскую сторону, как и хотели. При свете дня и трезвой голове в знакомых местах обнаруживались новые детали – такие как, например, чернеющий на бледном небе ряд античных статуй, стоящих вдоль края крыши дома у перекрёстка. Варя на секунду остановилась и задрала голову высоко вверх, чтобы увидеть кончики крыш зданий. Непродолжительное восхищённое молчание разрушили слова:

– Знаешь, а я бы здесь осталась.

– Все в начале так говорят, а потом спиваются или ещё чего хуже на наркоте подсаживаются оттого, что город оказался немного мрачнее, чем они могли себе представить.

– Ты не понял, меня как раз зацепила эта мрачность. Здесь всё не такое, как я привыкла видеть, и теперь наконец-то стало ясно, почему я раньше не могла понять, что мне нравится. Просто я не была знакома с Петербургом. Не знала этих

северных лесов, над которыми мы пролетали, не шагала по этим мостам, не глядела на ртутную гладь Невы. Я вообще не знала, что вода бывает такой чёрной. Понятия не имела о том, что дикие цветы могут сквозь снег прорасти на бетонных основаниях балкона в самом центре города, где без устали носятся бабушки с цветами в газетках и двухэтажные туристические автобусы, где густой влажный воздух тревожат звуки голосов, говорящих на разных языках, инструментов уличных музыкантов, рёв моторов лодок и катеров... и так близко залив. И мне понравился не Невский проспект. Здесь для меня красиво даже то, что для других – грязь и бедность. Спасибо тебе за то, что показал мне этот центр мира на краю Вселенной.

Влас не нашёл, что ответить, хотя очень хотелось возражать. «Я же повёл её лишь в парочку приятных питерских мест, а она как-то умудрилась сломать призму глянца и увидеть очертания души Питера, – думал он. — Вот это у меня феноменальная женщина». Влас молча погладил её по затылку и указал на улицу справа от них:

- Есть ещё одно место, где мы с тобой пока что не были.
- Какое? – спросила Варя.
- Сейчас увидишь. Оно здесь совсем рядом, за вон тем

МОСТОМ.

– Ну заинтриговал. Пошли!

По дороге Варя заметила, что погода по сравнению со вчерашним днём испортилась: ветер стал резче, небо беспрочно затянуло плотным слоем серости.

– А вечером мы куда собираемся? – спросила она.

– Ты ещё о будущем думаешь? Варь, последние часы в Питере. Отдайся моменту. Сейчас мы идём туда, где вечный июль, – сказал Влас и сам удивился чрезмерной лиричности своих слов. «Вот что Петербург делает с людьми», – подумал он.

И он повёл заинтригованную девушку вдоль высокой чугунной ограды ботанического сада.

– Влас.

– А?

– Не хочешь в театр вечером сходить?

– Да ну нет, Варюш, я не любитель такого. Давай лучше с

соседками сходишь, когда вернёшься?

– Так может ты просто драматургии хорошей не видел?

«Не исключено», – подумал Влас, но промолчал и пожал плечами. Всё равно ему не очень верилось в то, что какая-то пьеса сделает его последние часы в Питере лучше.

– Ну же, Влас, решайся. Ты же любишь риск.

– Может лучше просто погуляем? Купим сока и булок, заберёмся на крышу...

– Эх ты, упрямая задница, – ткнула его кулаком в плечо Варя. – Мы всё это тоже успеем, не напрягаясь. В аэропорту надо быть только в половине двенадцатого, времени ещё – вагон.

Влас ещё с полминуты помолчал, но потом ответил:

– Ладно, всё равно погода сегодня не очень прогулочная, – и сквозь Варино ликование добавил: – только выбери не очень сопливую постановку, а то зал желчью затоплю вместе с актёрами и зрителями.

– Хорошо, – улыбнулась Варя, достала телефон и начала

листать список театральных афиш.

– Где-то я слышала, что если прийти в Малый Драматический и представиться студентом театральной школы Тараканова, то можно выхватить билет за копейки.

– А что там сегодня идёт?

– «Дядя Ваня» Чехова.

– Звучит не слишком слащаво. Сгодится.

– Замётано. В семь нам нужно быть на улице Марата.

– Окей. Кстати, мы пришли.

Вдоль ограды показалась касса, но проход к ней ребятам преградил грузовик, въезжающий в ворота. Влас потащил Варю в сторону и они, скрывшись за машиной, миновали забор ботанического сада.

– Мы только что сэкономили четыре сотни.

– Ты хотел сказать, у нас теперь есть четыре сотни на пиво? – засмеялась Варя.

– Возможно, возможно. По настроению посмотрим.

По заснеженным дорожкам они шли вдоль оранжерей и ,едва лишь заметив, что в одну из них экскурсовод запускает группу туристов, смешались с толпой и попали внутрь, успев попутно подумать о том, что сегодня – день счастливых совпадений. Но тут гид остановил их и попросил билеты. Ребята испуганно переглянулись. Уходить из них никто не был намерен и, судя по тому, что на часах уже было почти четыре, это был их последний шанс на сегодня попасть в оранжерею. Влас попробовал взять контроль над ситуацией, высунул из кармана сто рублей и вложил в руку экскурсоводу. Тот укоризненно посмотрел поверх очков сначала на Власа, потом на Варю. Выражение его лица переменялось только когда Влас достал вторую такую же купюру.

– Теперь добро пожаловать. Присоединяйтесь.

И ребята, чуть не давясь со смеху, юркнули за стеклянную дверь.

Внутри их моментально обдало волной влажного тепла. Гигантские вьющиеся ветви упирались в деревянные рамы крыши, всюду были кактусы размером с две-три головы Власа, на каждом квадратном сантиметре земли что-то росло. Большая часть того, что рассказывал экскурсовод, шла мимо

ушей Власа. У него было дело поинтереснее: следить за Вариным взглядом и пробовать угадать, что она думает. Занятие это, правда, ни к чему не привело, потому он принялся рассматривать профиль Вари. Как хорош он казался на фоне цветов. С этого ракурса на скате носа виднелась еле заметная горбинка, которую он сегодня почему-то заметил впервые, а на хряще уха – бугорок, которого Влас тоже раньше не видел. «Вот невнимательный», – упрекнул он себя мысленно.

И тут Власом овладело желание бросить всё и не возвращаться в Тюмень. Остаться жить в Питере с Варей, работать на какой-нибудь самой простой работе с самой обычной зарплатой, снимать комнату в коммунальной квартире на Лиговском и чтобы соседями их были театральный критик или художник и водитель поезда или пилот. Влас тут же ощутил, как несвойственна ему такая самонадеянность и снова с иронией подумал о том, что всё это Петербург шутит над молодыми, превращая их в наивных романтиков.

Обратно в холод из этого царства жизни выходить совсем не хотелось. Варя достала свой новый свитер и надела его под куртку поверх кофты, которая была на ней, обмоталась шарфом и, зажмурившись, толкнула дверь. Ощущение вопреки ожиданиям было такое, будто после долгого жаркого лета внезапно выпал рождественский снежок, о котором ты так мечтал все три душных месяца. За запотевшими

стёклами оранжереи Влас и Варя не заметили, как всего за двадцать минут на улице воцарилась настоящая сказка Андерсена: ветра нет, белые хлопья великанских размеров летят быстро и беззвучно, слышен только хруст под подошвами двух пар старых ботинок, которые сейчас несут своих хозяев в булочную, чтоб набрать лучших в мире петроградских слоек и рвануть на крышу.

– Вообще не так давно власти Петербурга выпустили закон, по которому людям нельзя выходить на крыши домов, но, конечно, его никто не соблюдает, точно так же, как и запрет на нахождение пьяным на улицах города.

– Да уж, вот это законопослушные люди в нашей стране живут, – усмехнулась Варя. – С другой стороны наивно было полагать, что в России такие постановления возымеют хоть какое-то действие.

Они нашли дом, судя по внешнему виду которого, жильцы вряд ли позаботились бы о замках на чердаке, раз даже домофон в подъезде не работал. Поднялись на последний этаж по узким проёмам парадных, стараясь ступать как можно тише, и сняли крышку люка в конце лестницы. Ещё одна пыльная дверь, тоже без замка – и они на чердаке. Шикарно. Первым на крышу старого дома вылез Влас, затем он, подав руку Варя, вытащил её вверх, к себе.

Всё тот же город, что и вчера, а вид совершенно иной. Больше крыш необычной формы, чаще мелькают флигели под еле заметной игрой ветра, снег помельчал и поредел, но по-прежнему косо от еле заметного ветерка шёл, тянулся к земле. Расчистив перчаткой кусочек кровли, Влас кинул на него рюкзак, приземлился сам и усадил Варю к себе на колени. Уклон был не сильный, потому очень удобно и приятно было сидеть так вот просто в полуобнимочку и кушать слойки с яблоком и корицей, пока перед глазами расстилается город, выросший из лесов и озёр, из смешений культур, и его голодные стены жаждут искусства. Они ради чистого духа отрекаются от всех черт современности, какие есть в крупных городах. Они хранят верность своему имени. Хранят верность своей сущности. Это – Санкт-Петербург. Город, каких больше нет на Земле.

Ни Влас, ни Варя в этот день не пили, но оба чувствовали себя пьяными. Уже сидя на пустой остановке и ожидая автобус, который должен был отвезти их к театру, Влас почувствовал к Варе такую безнадёжную нежность и признательность, что готов был благодарить её за все нелепости в мире, начиная с той, что если бы не её день рождения, не было бы одной из лучших поездок в его жизни. Жёлтые огоньки гирлянд, которые ещё не убрали с Нового года, старые маршрутки, свежие крошки снега маячили вокруг, но всё это было

лишь фоном. Голова, полная мёда потяжелела, и Влас, опустившись на колени прямо в снег, положил её в Варины тёплые ладони.

Всё спокойствие мира было сейчас здесь. Звуки улицы перестали доноситься до них двоих: громче всех их звучало то, что казалось раньше опошленным излишеством, а теперь было единственным точным словом: люблю. Жадно в душу вплелось своими перстами послевкусие произнесённого, и тут подъехал их автобус.

Пьеса пролетела как один звучный щелчок пальцев в тишине, зазвучавший эхом в ушах. Каждая фраза была точно в цель. Как глоток молока или мятного чая перед сном – именно то, что нужно, и не надо ни больше, ни меньше слов. Не в бровь, не в глаз, а в самое солнечное сплетение. Только лишь, выйдя из зала, ребята живо заговорили, заобсуждали «Дядю Ваню»:

– Мне нравится такой театр, – сказал Влас. – Кто бы подумал, что от такого даже сонливость пройдёт и силы в девять вечера прильют по-новому.

– Кстати да, – перебила его Варя, – уже девять. Значит, у

нас остаётся ещё почти два часа на небольшую прогулку.

– По центру?

– По Нарвской!

—

Они попрощались с Петербургом, наверное, самым странным маршрутом, какой только могли придумать приезжие ребята. Варя купила блин в «Теремке»¹⁷, но ей он жуть как не понравился на вкус, и они с Власом продегустировав по кусочку, единогласно решили отдать блинчик бомжу, просившему милостыню на углу «острого» дома. Никто не знал, почему это здание построено именно так, и живут ли люди в самой узкой его части. Бомж Василий тоже оказался без понятия, хоть и прожил в Петербурге больше сорока лет. Но еще он несказанно обрадовался и со всей искренностью поблагодарил ребят.

Какими-то зигзагами они снова вышли к центру. Времени оставалось совсем немного. Варя нежно прикрыла глаза, будто целуя глазами на прощание полюбившийся город, вздохнула и, не проронив ни слова, стала спускаться в подземный переход. А дальше – метро, маршрутка, аэропорт...

¹⁷ Сеть блинных.

—

В возвращение домой не верилось ровно до тех пор, пока на снижении из-за тёмных облаков показались огоньки набережной и знакомых улиц, отходящих от неё.

«Вот мы и снова в Тюмени», – пронеслось в голове то, что ещё пару минут назад казалось неправдоподобным.

—

– Ну и холодина же здесь.

Они вышли из аэропорта и с трудом пересекли улицу. Страшный ветер поднимал с земли свежий снег и носил его по всему проспекту. Варя весила немного, поэтому из риска разделить участь Мэри Попинс, вцепилась в локоть Власа обеими руками.

– Только прилетели, а сейчас опять улетим.

– Держись крепче. Блин, водитель ещё и на другую сторону подъехал.

Такое славное путешествие вышло, что хотелось бы по-

следние его минуты и километры прокатиться в чуть более комфортных условиях, тем более ночь и дубняк в минус пятнадцать градусов. Чёрт, ещё и дорога раскатана.

Варя шла сбоку и, поджав плечи, ругалась на погоду:

– Ну что за подстава? Хоть ботинки шипуй. Влас, ты только смотри не подсколь.. Блять!!!!

—

Варя радовалась: по зарубежной литературе попался билет, который она неплохо знала. Даже почти была уверена, что за коллоквиум ей поставят четвёрку. А может и больше.

В самом хорошем расположении духа, какое только бывает, она передала свою работу через первые парты и осталась сидеть за столом и тогда, когда преподаватель отпустил всех студентов.

– Варя, а ты чего не идёшь?

– Власа жду.

А вот и он. В дверях кабинета показалась знакомая голова-ёжик.

– Нас на праве задержали, извини, —сказал Влас, направляясь к парте. – Ты тут не успела заскучать?

Подойдя к Варе, он присел, обхватил её руками, поднял и осторожно, чтобы не повредить гипс, водрузил на плечо.

Студентки, заглядывавшие в класс из коридора, заулыбались. Преподаватель с ключом в двери тоже. Влас улыбнулся ему в ответ и пожал плечами:

– А что делать? Костыли подорожали.

Препод засмеялся и покачал головой, а Влас понёс Варю на следующую пару.

Одна нога – в ботинке.

Вторая – в надписях поверх гипса.

—

Сломанная пятка не помешала Варе отметить день рождения во второй раз: с друзьями. Впервые компания собралась в доме с пристройкой, оплетенной плющом. Людей пригласили немного, но и среди них были новые лица. Впервые Влас увидел Лизу – ещё одну соседку Вари, которая постоян-

но работала. Она оказалась более неординарной, чем можно было представить себе: короткие волосы, уложенные назад, вишнёвая помада, свеженький маникюр, широкие приталенные штаны, пиджак с ярко-желтыми отворотами на рукавах и лаковые ботинки. Лепс так и вцепился глазами. Откровенно и бесстыже. А когда заметил мою косящую улыбку, саркастично поджал губы и сменил очки на тёмные. Сначала с новой гостьей заговорил Хрис, но Лепс очень быстро и смешно его отодвинул. В разговоре выяснить, что Лиза учится на клинической психологии и успешно пользуется тем, что этот факультет – один из самых лёгких в нашем вузе, то есть просто не ходит на большую часть пар. Вместо этого она взяла два дополнительных заработка: консультант в сетевом магазине одежды и бариста в небольшой кофейне на набережной. Лизе нравилось такое внимание, и она рассказывала о себе и всяких смешных случаях с преподавателями с психфака и посетителями на работе. Вечер выдался насыщенным общением, и о первой реакции Лепса на Лизу вспоминали лишь с иронией, а зря, ведь это оказалось началом единственных отношений в округе, кроме тех, что были у Власа и Вари, что казались поистине гармоничными. Немного скрытный и на сто процентов уверенный в себе Лёшка и амбициозная девка, то и дело подчёркивавшая свою деловитость. Даже внешне они были чем-то похожи, но несильно.

Об отношениях своих они не сильно распространялись,

но это стало известно Власу через три недели, когда он вечером вышел из комнаты Вари в кухню за чаем и через открытую соседнюю дверь увидел, как они валяются на широком подоконнике и, сдвинув книги в сторону, глазают через окно на сумеречное небо. Влас поймал сентиментальный момент, в который Лепс снял с себя очки и дал их Лизе, а та, надев их, с открытым ртом и глазами, норовящими выпасть из орбит, восторгалась мелкой россыпи звёзд, которую она раньше не могла увидеть. Таким спокойно-радостным Лепса Влас ещё не видел. Это было заметно даже в плохом освещении одной лишь настольной лампы.

Увидев Власа, Лиза захлопала ресницами, слишком густо смазанными тушью, и улыбнулась ему вишнёвым полумесяцем помады на губах.

Послышался нарастающий свист с кухни – чайник закипел. Влас тоже сделал попытку улыбнуться и прикрыл им дверь.

Варя и Влас и Мари сидели в кухне и ужинали, когда в квартиру ввалился Лепс, но уже не с Лизой, а с Ритой из медицинского. Все, кроме них двоих, болтающих и смеющихся, были в шоке: со стороны ничто не предвещало таких перемен, потому ни Влас, ни кто-либо другой из компании не

заметил, в какой момент Лепс переключился с одной Варинной соседки на другую.

– Я что-то пропустил? – шёпотом спросил Влас у Вари, пока голубки стряхивали снег с курток и снимали ботинки.

– По ходу, я сама чего-то не знаю.

– Вот это он резко переобулся, – тихо прокомментировала Мари.

Быть может, ей хотелось посплетничать, но остальные обитатели кухни считали, что личная жизнь Лепса – дело только самого Лепса. Потому Варя решила не осуждать, не обсуждать и просто перевести тему:

– Марюш, кстати, как твой первый день на работе?

– Да в целом ничего, но больно уж коллектив скверный. Приходишь к ним, и все такие угрюмые, будто за любезность штрафуют. Улыбнуться в ответ боятся. Подозревают что-то нелепое, до чего мне дела нет, а только отвернусь – они почти не стесняются, в полголоса шепчут «простушка, простушка».

– Ой, а они будто сложнушки, – Варя растянулась в улыбке

и положила подбородок на спинку кресла.

– От слова «сложить»?

– Ага, пополам. Иначе говоря, нагнуть.

Кто знает, что звенело громче: смех Мари или задрезавшие стаканы в шкафчике над кухонным столом.

– Марь, выключи ультразвук, я ж почти ничего смешного не сказала, – захохотала в ответ Варя. – Интересно, смех из-за того, что кто-то смешно смеётся – это признак слабоумия или чего вообще?

– Того, что нам прекрасно вместе живётся.

– И это правда! А что касается работы: мне кажется, они завидуют.

– Эх-х, было бы, чему, – Мари скорчила гримасу уныния.

– Ты общительная, непосредственная, да ещё и красивая. Тот самый типаж, который больше всего зависть девушек вызывает.

– Ахаха, как там Влас говорил? «Глупые девки»?

—Тупые девки.

– О, точно!

Разговор оказался прерван возвращением Лизы.

– Рано ты сегодня, – заметила Варя.

– И слава Богу, – ответила та, стаскивая с себя сапоги. – Хоть отдохну, а может даже выплюсь.

Миновав кухню, она направилась к дальней из двух комнат, и уже когда её рука с наполированными ногтями легла на круглую дверную ручку, до Власа дошло, что в той же комнате находился Лепс с ботаншей из медицинского. Варя запоздало подорвалась в сторону коридора и в полной готовности раздирать драку, Влас бросился за ней. Но всё, что они оба увидели, добежав – то, как эта деловая колбаса обычным своим шагом достигла кровати и с краткой репликой: «Подвиньтесь» устало плюхнулась между спинкой дивана и обескураженной Ритой, сидевшей на коленях у не менее сбитого с толку Лепса. Он повёл бровями, мол, «что просиходит?», Влас из дверного проёма кивнул ему в сторону кухни, и все обитатели комнаты переместились туда. Кроме Лизы.

Она, вероятно, уже видела сны.

За столом все сидели молча, пока Варя ставила чайник и доставала кружки. Тишину осмелился прервать Лепс.

– Странно это как-то.

– Да чего странного-то? – отозвалась Мари, заглянувшая в комнату, чтоб стащить чего-нибудь вкусного из холодильника. – Всем бы таких уравновешенных бывших.

...

Так и прошёл вечер. Собираясь домой, Влас краем глаза заглянул в дальнюю комнату. Лиза спала, даже не сняв пиджак.

—

Март

Было пасмурное ранневесеннее утро, в которое Власу было бы тяжело проснуться, если б не Варя рядышком, под боком, сонная и нежная.

Так забавно засыпать, видеть её во сне, а потом сразу же, незамедлительно – наяву. За завтраками он ей в этом признался, на что Варя ответила:

– Ну хорошо. Я не такой уж и кошмар.

– А тебе самой что снилось?

– Очередной сюр¹⁸. Погоня на грузовиках, в которой я сбрасывала на преследующие машины советские ковры.

В кухню вошла Рита, поставила воду в кастрюле греться. В коридоре зашумел старенький фен. Квартира потихоньку просыпалась.

– Доброе утро, – приветствовала Варя соседку. – А ты сегодня какие сны видела?

Та нехотя ответила:

– Преподаватель по акушерству.

– Снова? – послышался голос Мари из-за двери кухни. – Этот же тот, который про контрацептивы вам втирал?

– Да, он, – ответила Рита, всыпая гречку в закипающую воду.

¹⁸ сокр. «сюрреализм»

– Он во сне сам хоть в контрацептиве был? – расхохоталась Мари, и тут фен заглох. Она с недовольным возгласом постучала по нему раз – не включился, постучала второй...

– Вот это карма быстро сработала, – усмехнулась Варя, и Рита улыбнулась ей.

– Да он, сука, перегрелся. – Мари продолжала попытки реанимировать старенький фен, вдывая в него более прохладный квартирный воздух.

Влас не удержался от улыбки. В его глазах Мари была идеальным примером красивой, но безмозглой девки.

—

Март. Снег таять ещё не надумал, но солнца стало заметно больше. Громкие известия обычно обходятся без предвестников, так и в это утро субботы, в которое Варя успешно просыпала лекцию, на которой не отмечали отсутствующих, Рита гладила медицинский халат к паре, а Лиза уже ушла на работу, а Мари ворвалась в зябкий полусон плохо отапливаемой комнаты, негромко напевая какую-то мелодию.

– Марь, а я же сплю, имей совесть! – смазанно проговорила Варя хрипловатым голосом.

– А мне сегодня можно, всё сегодня можно! – нараспев дразнила её та, качая головой из стороны в сторону под воображаемую музыку и параллельно перебирая кофточки в шкафу.

– Почему это?

– Потому что у меня день рождения! – проскандировала Мари тоном, торжественность которого с каждым словом возрастала.

Варя мигом запахнула глаза, Рита оторвалась от глажки халата, обе уставились на Мари.

– Что же ты раньше не говорила? – поинтересовалась Рита. – Мы бы хоть поздравили.

– А и не нужно, – озорно раскачивая бёдрами в цветастой юбке, ответила Мари. – В мой день рождения подарки делаю я.

И с этими словами она потянулась к верхней полке шкафа и вытащила из кучи барахла бутылку вина.

– О Боже, «Лыхны»! Ты где его взяла? – воскликнула Ри-

та.

– А тебе всё скажи, да Расскажи, – немного ехидно, но всё же по-доброму ответила Мари. – Давайте отмечать, там ещё торт в холодильнике ждёт.

– Марюш, я сейчас быстренько на пары сбегая и вернусь отмечать с вами. Оставьте мне кусочек торта и немного вина.

– Не бойсь, всё не выпьем, – Варя подала голос с кровати, откинула одеяло в сторону и потихоньку начала вставать.

Рита ушла, Мари разлила вино по стаканам, но Варя сочла плохой идеей пить с утра, потому сделала для себя простой зелёный чай.

– Ох ты ж нежный котик, – передразнила её Мари.

Чайник вскипел. Первые пару минут они смаковали «Наполеон» в тишине.

– Вкусно? – спросила Мари.

Варя, набив щёки, смогла только жестами показать, что ей очень нравится торт. Прожевав, она спросила:

– Слушай, а почему ты подарки не любишь?

– Больно нужно потом чувствовать себя обязанной.

– Марь, ты где так сильно стукнулась, что думаешь быть обязанной перед соседками в комнате? – усмехнулась Варя.

Мари, улыбнувшись и молча опустив в глаза в кружку, размешала сахар в чае и подвинула кружку к Варе.

– Тебе восемнадцать или девятнадцать исполняется?

Короткий звенящий звук – бокал и чашка чая пошли врозь, к юным девичьим губам. Отпив крупный глоток, Мари кашлянула, прикрывшись ладонью – вино оказалось крепким, и ответила:

– Нет, двадцать два.

На этом моменте Варя здорово поперхнулась чаем, пришлось хлопать её по спине, пока она сквозь кашель не прохрипела:

– Да оставь ты, вчерашний ужин выбьешь.

Стоило лишь Варе отдышаться, она сразу уточнила:

– Мне не послышалось? Двадцать два?

– Ну да, а что такого? – удивлённо и очень просто спросила Мари.

– Я всю жизнь думала, что мы с тобой ровесницы. Что ты не так давно закончила школу, сдала ЕГЭ, отпраздновала совершеннолетие...

Мари слушала её, улыбаясь:

– Вообще давно надо было тебе сказать. Варь, я знаю, ты не будешь излишне языком болтать, но всё же пообещай мне, что никто не узнает лишнего о моей жизни, прошу.

Варя кивнула и сглотнула ком в горле. Мари заметила её смятение и рассмеялась:

– Да не пугайся ты так. Не у всех же девчонок жизнь лёгкая. Подумаешь, сбежала в университет от мужа.

Варенька, глаза по пять копеек, аж побледнела:

– От какого мужа?

– Какого-какого, – горько усмехнулась Мари, вода указательным пальцем по горлышку бутылки, – от жестокого.

Она коротко вздохнула, будто собираясь пить что-то крепкое, подняла глаза от вина и направила все камни предстоящей истории на растерянную соседку:

– Мне было шестнадцать, когда я впервые заметила его в храме на службе, и он занимал все мои мысли с тех пор, как я его увидела. Высокий, широкоплечий, с честным, невероятно праведным взглядом – он казался мне похожим на пастора. Так я его всегда и называла в дневнике – Пастор. И непременно с большой буквы. Чем ещё заняться в религиозной семье, как ни записью собственных мыслей? Я вела дневники, сколько себя помню. И первый раз, когда мы заговорили, датировался, кажется, двадцать первым апреля. Он пришёл в наш дом на воскресное собрание. По взгляду Пастора я поняла, что он не удивлён тому, что увидел меня здесь. Я решила, что он тоже наблюдал за мною в храме, и окончательно отдалась томному трепету первой симпатии. В том, как развивалось наше общение, не было ничего необычного, кроме того, что он очень скоро, буквально через полтора месяца после знакомства, две недели из которых мы с семьёй уезжали паломничать, он пришёл к родителям и попросил моей руки.

Что нужно девчонке шестнадцати лет кроме такого лестного внимания старшего мужчины? Пожалуй, и ничего. Я, не раздумывая, согласилась, ведь это было то самое заветное «замуж» – предмет мечтаний и зависти, конечная цель и мечта, лакомая для многих девушек стабильность. Кто ж тогда знал, что изнанка брака выглядит порой совсем иначе? Точно не шестнадцатилетняя я, ставшая в одночасье гордостью родителей. Те радовались, что на их дочь обратил внимание самый обеспеченный и влиятельный человек в общине и что они, может, смогут получить от него помощь в выплате налога...

– Налога? – перебила её Варя. – Мари, Господи, да это же настоящая секта.

– Ну не сказала бы, – возразила та. – Мы многое получали взамен...

– Что? Благословление божье? Марь, религиозное образование, имеющее лидера и финансовую структуру – это в нашей стране называется сектой, и ваша «церковная община» полностью подходит под описание.

Мари вздохнула и улыбнулась:

– Варь, я ведь во всём этом выросла. Хорошо бы было,

если б я знала, что-то кроме такой жизни. И вот выдался шанс узнать, и поначалу он, казалось, в полной мере себя оправдал. Мы переехали в скромную квартиру в слегка покосившемся двухэтажном деревянном доме, переделанном из бывшей коммуналки. Он был очень старым (лестницы опасно трещали от каждого соприкосновения с обувью), но милым. Соседи снизу через месяц после нашего новоселья покинули это обиталище провинциальной старины, но у меня остались знакомые из соседнего подъезда и дома напротив, так что скучать мне не приходилось. Супчики, домашние тортики, ряды цветов на подоконниках – с самого начала я была рада проявить себя хорошей хозяйкой. Но потом что-то пошло не так. Я начала понимать, что наша жизнь меняется по шуткам, по оговоркам. Со временем даже мелкие бытовые разногласия, которые я воспринимала не серьёзнее, чем часть повседневных хлопот, стали вызывать у моего мужа нешуточное раздражение. Он мнил, что в некоторых словах есть второй, а то и третий смысл, бранил меня за то, что сам неправильно понимал мною сказанное. А я, дура, сначала и это восприняла как должное. И жаловаться не подумала, и сказать никому не смела. Понимаешь, всю жизнь родители твердили, что мы – рабы Божьи. Даже когда Пастор начал бить меня, я и не думала, что достойна большего.

Варя в оцепенении слушала, не желая верить собственным ушам.

– Первое время я чуть ли не возвела страдание в культ и не приравнивала его к божественной участи, но время шло, побои происходили чаще, синяки сходили дольше, и я начала понимать, что мне за терпение не воздастся: нужно искать выход.

Я начала собирать документы в колледж. Увидев, что я читаю пособие по подготовке к вступительным, Пастор дал мне пощёчину мухобойкой. За то, что я не сказала ему о своём намерении учиться, он разорвал книжицу на две части, половину выкинул в окно.

Я никогда не знала, что может вывести его из себя. Это могла быть любая мелочь. Поэтому я так боялась, потому же и отчаилась, когда последняя ниточка надежды на лучшее оборвалась. В тот момент даже вера в Бога, сопутствовавшая мне всю жизнь, разбилась вдребезги.

Едва успокоившись, я пошла на улицу, чтобы собрать разбросанные под окном страницы, за одно и мусор вынести. Вернувшись, получила тумаков второй раз за день: без объяснения причин Пастор поволок меня за волосы по линолеуму в спальню. Это было худшее, что я переживала в своей жизни...

И Мари замолкла, но лишь на пару мгновений:

– Позволь мне не останавливаться на этом.

До глубокой ночи я не могла уснуть. В третьем часу ночи руки дошли до дневника, который я, хоть и намного реже, но всё ещё вела. И тут-то я поняла, что так разозлило моего мужа...

Варя затаила дыхание. Её всю трясло. Даже физически было плохо, голова кружилась, но она не могла перестать слушать:

– ...ещё со времён начальной школы у меня была привычка скручивать ленточку, служившую мне закладкой ровно в четыре оборота, чтоб если дневник кто-то открывал, я непременно узнала об этом. В тот раз лента была сложена вдвое. Выходит, Пастор читал всё то, что я писала.

Я почувствовала, как холодный пот выступает на лбу и шее, а блокнот в руках начинает дрожать. Я боялась возвращаться в спальню. Потому что не была уверена, что Пастор не начнёт бить меня снова. Не зная, как иначе успокоить себя, я выпила две кружки чая с имбирём, глотая слёзы, доварила суп с фрикадельками на завтра. Это не уменьшило боли. Но тут я вспомнила кое-что любопытное из детства. Ко-

гда мне было плохо, я брала лист бумаги и в столбик писала имена близких людей. Тогда я понимала, как много людей любят меня и не хотят, чтобы я плакала. Становилось легче.

И теперь, на третьем году замужества, окончательно потеряв веру во всё хорошее, я нашла тетрадный лист в клетку, дрожащей рукой взяла карандаш. И тут с ужасом поняла, что мне некого записать.

Сначала мне просто стало страшно, но может именно этот страх заставил меня броситься к шкафу, вытащить оттуда самые любимые платья и сунуть их в сумку вместе с документами и зубной щёткой. Пастор должен был уже спать, и проскользнуть в коридор незамеченной не составляло труда. Я, полная внезапной решимости, юркнула к входной двери, и уже почти успела обуться, когда весь мой план бегства был разрушен словами, упрятавшими сердце в пятки:

– Куда собралась?

Пастор стоял в коридоре, скрестив руки на груди, высокомерным нещадным взглядом сверля мою оболочку. Я уже готова была закрывать голову руками от ударов, но он лишь взял сумку и вышвырнул её в открытое окно прямо из дверей коридора, через всю гостиную. Сумка с грохотом зацепилась за подоконник и влетела в крону деревьев. Дальше я

слышала только шелест листьев, хруст веток и слова мужа:

– Даже не думай в ближайшие дни высовывать нос из комнаты. Будешь на хлебе и воде сидеть, пока не покаешься.

Он втокнул меня в комнату и хлопнул дверью так сильно, что в полу что-то хрустнуло. Или мне показалось? Судя по скрипу линолеума, потом он подпер дверь шкафом.

Остаться в этом аду я не могла: страх прогрызал во мне новые раны, а инстинкт самосохранения толкал на безумную идею выбраться через окно. Гонимая навязчивой мыслью о том, что Пастор вернётся и изобьёт меня до смерти, я зажмурилась и прыгнула с подоконника в крону огромной липы. Да, я достала до ствола, но вот же досада – недостаточно сильно ухватилась руками, сломала ветку, упала и наделала много шума. Ещё больше испугавшись того, что Пастор мог услышать, я закусил губу, чтоб стерпеть боль, схватила сумку и даже успела пробежать пару метров, прежде чем услышала за спиной оглушительный треск. Он длился несколько секунд, а потом стих. Я остановилась в неестественном отсутствии любых звуков, боясь увидеть рядом мужа, препятствующего побегу увесистой пощёчиной, обернулась.

Пастора за спиной не было. Дерево стояло на месте, целое и невредимое, но на месте, где ещё полминуты назад

был дом, осталась лишь груда беспорядочно торчащих досок, кое-где ещё скреплённых между собой.

Он рухнул... Мари затихла. Варя в ступоре не могла оторвать взгляд от испуганных глаз соседки: будто она только что заново пережила всю эту трагедию. Свинцовый вдох, и Мари продолжила:

– Мысль о том, что в доме остались ещё наши соседи, заставила меня вызвать скорую, страх снова увидеть Пастора – приказал бежать.

И я бежала. Бежала в ближайший большой город: села на первый утренний автобус в Тюмень, позвонила родителям... И подарила себе новую юность. Ту, которой у меня никогда не было.

Никогда до этого не думала, что смогу осилить хотя бы какое-то высшее образование. Никогда не думала, что можно пойти против воли родителей. Да, они хорошие, но возраст никого не предохраняет от ошибок. Я никогда не думала, что буду танцевать. Даже не знала, что мне это нравится. Ну вот. Узнала на двадцать втором году жизни.

Сегодня, считай, моё совершеннолетие. Первый день рождения без заточения...

Варя была не в силах больше сдерживать слёзы. Она бросилась обнимать соседку – ту самую весёлую и на первый взгляд легкомысленную девочку с такой нечеловечески сложной судьбой. А Мари залепетала, забаякала её:

– Солнце, ну что с тобой? Не самая простая история, и что? Если б не этот страшный и счастливый случай, мы бы, может, с тобой здесь и не сидели бы.

Но Варя не могла успокоиться. Мари таких сложностей не заслужила. – ...да, бывают юные симпатии иллюзорными, ну и что? – продолжала та. – Всё же сейчас хорошо, я жива, здорова и наконец-то умею слушать себя. Ох ты ж зайка моя, ну не нужно, не плачь... Ещё пару минут они сидели в тишине, которую нарушали только редующие Варины всхлипы, да вскипевший чайник. Варя, спеша, сняла старую большую металлическую посудину с плиты и разлила её содержимое по кружкам. По рассеянности по четырём, хоть и двух соседок не было дома. Солнечно для марта. Улица подтаивала и капала. Казалось, во всём городе было теперь больше воды, чем снега. Прекрасное утро воскресенья. Светлое и блестящее. Как Мари. В одну минуту... нет, в одну секунду стало понятно её вечное стремление жить по максимуму, брать от юности всё. Такое чистосердечное, конечно, прибавило Мари морщин в глазах соседки, но, тем не менее, Варе

было жутко приятно оттого, что ей доверили тайну. Такое-то бремя Варя точно пронесёт достойно, не обронив ни слова ни своим, ни посторонним.

Из собственных набежавших мыслей Варю вернул к реальности ожидающий взгляд Мари.

– Ну ты, конечно, для двадцати двух хорошо сохранилась. Сама я тебя не раскусила бы.

И снова смех Мари. Звонкий такой, что весна зазвучала. Пара по философии. С утра пораньше в понедельник. За что?

Из ума выживший дедок, втирающий уже минут пятнадцать про то, как важно не пропускать его лекции, берёт в руки списки посещаемости. «Это просто лучшая идея – проверять присутствующих, когда в аудитории сидит восемь групп с трёх направлений», – думает Влас, ёрзая на стуле. Он мнёт руки. «Где Варя, чёрт возьми? Сейчас влепят ей н/б¹⁹, и будет потом по всему универу ловить лектора, чтобы отработать».

Даже не столь пропуск лекции волновал его, сколь то, что она ничего не сказала, не предупредила. В голову полезла всякая иррациональщина. «Что, если ей стало плохо? Сосед-

¹⁹ Университетская отметка о неявке на занятие.

ки по комнате бы помогли. А если они уже ушли на учёбу? Чёрт, надеюсь, она просто проспала будильник...»

Тем временем из уст дедка зазвучали знакомые фамилии Вариных одноклассниц:

– Дементьева?

– Здесь.

– Савина?

– Тут.

Хрис спросил, кто сегодня отсутствует, Влас на секунду отвлёкся на него, но всё же услышал краем уха:

– Чернуха?

– Здесь.

В голове его в тот момент зазвучало звенящее ускоглазое «чë-ë?», но ещё большее «чë-ë-ë-ë-ë?» у Власа вызвало то, что Варя появилась в дверях аудитории сразу после того, как кто-то крикнул за неё.

Лекционная аудитория взорвалась хохотом, и сама Варя неловко засмеялась и, смутившись, юркнула за парту, оставив дедка в недоумении.

– А это кто? – громко спросил он?

– Чернуха.

Все 170 человек в аудитории покатывались со смеху. Лектор покачал головой и продолжил проверять присутствующих. Варя повернулась. Улыбка не сходила с её лица. Нашла глазами меня, подмигнула и усмехнулась в плечо. Мари рядом с ней помахала Власу рукой, и они обе отвернулись обратно к дедку в пиджаке.

—

После пар они, уже не сговариваясь, пошли к Хрису для продолжения традиции пить среди недели.

– Что снилось сегодня? – спросил Влас Варю по дороге в маршрутке.

– Как мы бегали на уроке физкультуры. Там из знакомых мне людей был только Лепс. К нему подкатывала какая-то девка со сделанным носом и здоровенными накрашенными губами, а он вроде как и не против был.

– Да уж, – усмехнулся Влас. – Лепс у нас в последнее время парень нарасхват.

– В общем, сон закончился тем, что я била эту куклу головой о пол спортзала. Она у меня спрашивала: «За что?», а я отвечала: «За мораль, блять! У него же девушка есть», – продолжать Варе пришлось, перебивая смех всех утренних обитателей кухни. – В конце у неё ещё кончик носа впал внутрь как у Майкла Джексона. И поделом ей: чужой мужик – табу.

Сидевшая рядом с ними женщина преклонного возраста отодвинулась, вызвав у Власа тихий смешок.

—

Почти все по-весеннему расслабились, многие прогуляли последнюю пару, потому у Хриса уже был полон дом гостей. Мари стояла во всей своей девичьей красе, оперевшись на подоконник, и премило болтала с каким-то парнем с сыпью на лице, которого Влас раньше не видел. Хрис подошёл к нему с Варей и шёпотом поделился соображениями по поводу того, что ему нравится, когда такие хорошенькие девчонки, как Мари, обращают внимание на не очень красивых парней. «Я его почти не знаю, но уже болею за него», – признался Дима.

Тем временем парнишка с сыпью на лице доделал самокрутку и закурил прямо в квартире, только лишь открыв окно. По резкому запаху, захватившему комнату, стало понятно, что там был не табак. Он протянул косяк Мари.

– Будешь?

У Власа сердце ёкнуло. Он уже собрался подойти и прогнать парня с травкой к чертям собачьим, как Мари сама всё сделала.

– Засунь себе его в задницу, по-братски.

Все, кто был рядом, посмотрели на неё. Раньше Влас от Мари грубых слов не слышал. Тут рядом материализовался Хрис и попросил парня не носить наркотики к нему домой.

– На меня итак соседи зуб точат за тусичи по ночам. Здесь сейчас семь человек, и все из-за этой дряни могут загреметь. А дальше проблемы с полицией, университетом, родителями... Тебе оно надо?

Парень с сыпью начал что-то объяснять про то, что этот способ развлечься лучше, чем алкоголь, но Дима его прервал:

– Пока он в нашей стране запрещён, и это не просто так. Но если ты всё ещё хочешь курить, выходи из подъезда и не подвергай опасности других.

Парень смутился и ушёл.

– Ты чего так жёстко с ним? – спросил Валера.

– Красников, ну вот что непонятного-то? Резкий отказ – залог постоянного воздержания. В следующий раз неповедно ему будет втягивать других в это дело.

Рита поддержала:

– И не грубо, а справедливо сказала! Знаю я, чем заканчивают те, кто начинает с травки. Только вот недели две назад у сестры знакомая из Польши сторчалась. Чуть ли не до гроба.

Тишина. Всем стало не по себе от такой мрачной истории, и один только Христофоров осмелился разрядить обстановку:

– Зато мы теперь знаем, что наша зайка умеет ругаться.

«Не ври, Хрис, в мужской компании ты её цаплей называ-

ешь», – сказал про себя Влас и усмехнулся.

В кой-то веки у Вари получилось выйти на учёбу пораньше. Половина девятого. Уже светлеющие аллеи по-прежнему почти безлюдны. Кое-где под деревьями всё ещё лежит снег, но у их веточек уже весна. В это утро они выпустили из почек своих мягких, нежных зелёных детёнышей. Варя всегда была привязана к немного другой природе – к лесу, но сейчас она любовалась всем на своём пути до самого КПП.

Около турникетов Варя, приостановилась, наблюдая за тем, как охранники снова не пропускают абитуриентов на подкурсы. Девочка втрое тоньше её самой с маленьким синим рюкзачком и длинной славянской косой за плечами, чуть не плача, упрашивала охранника впустить её на занятия:

– Как же так? Раньше меня всегда по паспорту впускали.

– Девушка, Вы меня услышали? – с деловым видом отвечал ей охранник. – На днях вступил в силу приказ, по которому мы имеем право впускать Вас либо по пропуску студента, либо по очной просьбе преподавателя.

– Но у меня нет его номера... Да и нас группа двадцать человек. Что ж ему, двадцать раз сюда приходиться? – застонала девушка. – И занятие уже началось, он бы трубку не взял, а я здесь стою, как дурочка...

Варя не стала дожидаться того, как охранник начнёт злиться и прогонит абитуриентку прочь, молча подошла к ней, взяла за руку и утянула её от КПП в сторону аллеи, ведущей к общежитию. Только лишь охранник скрылся в своей будке, Варя заговорила:

– Не обращай внимания, они тут любят выделываться. Я сейчас проведу тебя, а ты запомнишь путь и будешь теперь так ходить на занятия, хорошо?

Глаза девчушки, до этого крайне изумлённые, заискрились благодарностью, огромные овальные щёки растянулись в улыбке, отчего голова её начала казаться совсем непропорциональной остальным частям тела.

– Спасибо, что помогаешь мне, – воскликнула девчушка с видом таким растерянным и счастливым, будто этой признательности она чувствовала в разы больше, чем могла выразить.

В холле общежития Варя поздоровалась с консьержкой,

представила девчущку как двоюродную сестру Власа и сообщила, что они «только на пару минут вещи оставить и вернуться».

Влево по коридору через переход и лестничный проём, потом направо и до упора – они дошли до туалетных комнат, болтая о мелких учебных моментах, таких обыденных для Вари и таких долгожданных для девчущки с косой. Отвечая на наивные, порой даже смешные вопросы, Варя почувствовала, какая пропасть отделяет её теперь от беззаботных школьных лет. Но ведь даже года не прошло. Не верится.

– А зачем нам в туалет? – спросила абитуриентка.

– Здесь окно хорошее, большое, пролезть можно, – ответила Варя, направляясь вдоль кабинок к криво замазанному белой краской стеклу. Оторвав ноги от треснувшей, но ещё неплохо выглядящей плитки, она взобралась на подоконник, дотянулась до форточки и повернула ручку. Открылся невысокий, но достаточно широкий проём, в который Варя сначала бросила рюкзак, а потом и перелезла сама. Девчущка последовала её примеру.

– Лови рюкзак! – Крикнула она, но Варя в ту секунду едва успела приземлиться и, конечно, не успела среагировать: рюкзак пролетел мимо и плюхнулся на вытоптанный газон.

Из него вывалились наушники, две тетради, пара ручек, фломастеры и ключи.

– Блинчик, зацепиться не получается! – послышалось с той стороны.

– Подпрыгни, не бойся, – ответила Варя и принялась собирать вещи девчушки обратно в рюкзак. Пока она пыталась починить разошедшуюся молнию, взгляд Вари случайно упал на кусок бумаги, торчавший из тетради с котиками, испещрённый мелкими круглыми буквами:

«Иногда ему казалось, что он живёт между двумя слоями облаков. Взлететь выше ему не даёт страх ослепнуть, а быть ближе к земле – для него равносильно смерти...»

Варя захлопнула тетрадку почти одновременно с тем, как девчушка с тонким писком приземлилась прыжком из форточки. Она немного не удержала равновесие, свалилась на пятую точку и сама засмеялась оттого, как нелепо это вышло. Варя протянула ей рюкзак.

– Кажется, у тебя застёжка сломалась.

– Ничего страшного, она часто так делает, – проговорила девчушка, после чего она встала, отряхнулась и высоко

подтянула носки. Варя только сейчас заметила, что они были разного цвета.

– Как тебя зовут-то? – поинтересовалась Варя.

– Катенька.

Честное слово, так и сказала! Очаровательно.

Они дошли вместе до главного корпуса, обменялись контактами и убежали – каждая на свои занятия.

– Спасибо тебе за то, что повозилась со мной сегодня, – напоследок поблагодарила Катенька.

– Было бы за что благодарить.

У Вари после этой случайной встречи осталось стойкое предчувствие того, что Катенька скоро напишет ей. И она написала. Ровно через семь дней попросила пропустить её в общежитие. Так у Вари появился повод раз в неделю вставать на 15 минут раньше и пропускать малышку в университет. Ей было приятно помогать такой же девочке, какой она сама была буквально год назад.

Никто ещё и не подозревал, но это было начало крепкой

дружбы.

Апрель

Отчего-то уже после первого их с Катенькой обеда в перерыве, Варя сделала вывод, что это дитя – почти повторение её самой в былые дни. И хотя Катенька была младше её всего на два с половиной года, эта разница очень ощущалась. И всё же они сдружились: уже очень скоро Варя взяла Катеньку с собой на более-менее спокойную домашнюю посиделку у Хриса. Все в компании не могли перестав умиляться, увидев новую гостью:

– Какую кроху ты привела! – воскликнул Красников. – Сколько тебе годиков, малыш?

– Шестнадцать через три недели, – закатила глаза Катенька – зверёк в трогательном зоопарке, которого так и норовили затискать.

– Ох, правда? – Лепс сложил губы в трубочку. – А мой день рождения через десять с половиной месяцев.

Варя тоже посмеялась и впредь попросила отнестись серьёзно к этому чудо-ребёнку с большим писательским талантом, но пива много не давать. Катенька ответила, что не пьёт,

и тут из кухни вышел Дима. Он без особого удивления поздоровался с Катей, сообщил всем, что у него до сих пор голова трещит после вчерашней попойки:

– Я ближайшие пару дней с вами, но без алкашки.

В первые же минуты ребята узнали, что Катенька обожает панк, мечтает прыгать с парашютом или со страховкой с моста или хотя бы прокатиться на зиплайне²⁰. Ещё выяснилось, что у неё есть бедовая старшая сестра, вернувшаяся домой после первого же семестра с намерением перепоступить на другую специальность.

– Как так? – удивился Хрис. – Выходит, она целый год потеряла?

– Приводи её к нам, – предложил Лепс.

– Лёха, дружище, с каких пор ты зовёшь в эту квартиру людей без согласования со мной? – перебил его Хрис.

– А ты будто против.

– Может действительно не надо? – вмешалась Катенька.

²⁰ Экстремальный спуск по воздуху с использованием стального каната со специальным блочным устройством из нержавеющей стали.

– Да ну, Катюш, не бойся, – сказал Валера. – Дима обещает не заигрывать с твоей сестрой, да, Хрис?

—Нет-нет, – снова прервала его Катя, – я не поэтому говорю. Мы с Оливией просто не в таких близких отношениях.

– Оливия? Вот это имя мудрёное.

– Ну, мы в семье её просто Олей называем. Так, о чём это мы?

И беседа уткнула в совсем другом направлении – Катенька начала спрашивать об учёбе в университете, а ребята почувствовали себя жутко важными и поддерживали тему.

—

– Веришь в совпадения? – спросила как-то раз Варя, когда они с Власом сидели после пар у неё в кухне.

– Не особо, вообще не думал об этом.

Она аккуратно окунула в кружку только что отрезанную дольку лимона и опустила глаза.

– Валера подогнал мне свой старый замок для велосипеда.

В общем, он кодовый, и когда я пристёгиваю его, всегда выставляю разные цифры, ну чтобы никто не стащил. Так вот, я заметила, что, когда я оставляю велик, – неважно где, в универе или в подъезде – на замке очень часто появляется одно и то же число: 26800. Какой бы набор цифр я не выставляла, когда ухожу, возвращаясь к велосипеду, я каждый раз вижу один и тот же код. И так уже продолжается, наверное, недели три, а может и дольше. Вдруг я не сразу заметила, что кто-то переставляет цифры на замке.

– Вот уж чего я мог ожидать, но не того, что у тебя появится тайный поклонник, – усмехнулся Влас. – А ты пробовала гуглить²¹, что это за цифры?

– Уже пробовала.

– И как?

– Ничего дельного.

– Ну тогда даже не знаю, что тебе предложить. Лучше забей. Какой-то придурок развлекается тем, что пугает людей. Никто до тебя не доберется, будь уверена. Я же почти всегда тебя провожаю до дома после пар.

²¹ разг. «искать в поисковой системе Google».

Варя положила ему голову на плечо.

– Хорошо.

– Он же велик твой не трогает.

– Нет, но всё равно жутковато.

—

Третий час ночи, суббота, двадцать восьмое апреля. В знакомой однушке на кухне горит свет, играет музыки, раздаются крики:

– Возьми слова назад, падла!! – орал Лепс, пытаясь высвободиться из рук Власа и Валеры и продолжить молотить кулаками Христофорова. Тот не отставал: рвался навстречу, удерживаемый тремя гостями под причитания Мари, вопя:

– Пошёл вон из моего дома!!

Дабы эти петухи снова не сцепились, Влас увёл Лепса на балкон. Хотел угостить его сигаретой, но тот достал свои со словами: «Сбереги, тебе ещё до зарплаты жить». Пачка выглядела дорого, названия Влас не знал, впрочем, так всегда было у Лепса.

Какое-то время они, облокотившись на перила, курили в тишине, и каждый думал о своём, но после одной большой затяжки Лепс шумно втянул в себя ещё немного воздуха и на выдохе заговорил:

– Вот ненавижу, когда такое исполняют. Если бы Хрис знал, какие триггеры у меня на этот счёт, он бы и рта не раскрыл. Мой отец так же погано себя вёл, как и этот дурак самолюбивый.

– Да, Христофоров в последнее время сам не свой, – Влас стряхнул пепел в густую темноту деревьев под балконом. – Но уверен, он не то имел в виду. Темы его шуток вряд ли пересекаются с тем, что вызвало у тебя такое беспокойства.

Лепс усмехнулся:

– Говоришь так, будто всё знаешь обо мне.

Влас пожал плечами:

– Далеко не всё, но этого достаточно для того, чтобы считать тебя другом.

На щетинистой физиономии сквозь вечный лепсовский скептицизм проступило некое подобие улыбки. Влас и Лепс

не глядели друг на друга, но краем глаза было заметно, что они одновременно сделали затяжку и выдохнули.

– Никогда не слышал о твоём отце.

– Что? – переспросил Лепс.

– До этого дня ты не говорил о нём.

– Ну а начерта о нём говорить? Понты одни, сраная меланхолия и несложившаяся совместная жизнь с моей матерью. Да, она ушла от нас, когда мне было семь, а отцу – двадцать семь. Я был ранним ребёнком. Уже тогда я задавался вопросом о том, почему остался один с отцом. Но, может, в чём-то и хорошо, что у меня не было выбора. В четырнадцать лет, став чуть более осознанным, я начал замечать в отце черты, которые отнюдь не привлекали. Но мы должны были держаться особняком, потому что были без матери.

Признаться честно, мне не всегда было пофиг на то, что происходит вокруг. Я переживал из-за ухода матери. И знаешь, когда перестал? В пятнадцать, за полтора месяца до того, как подал документы в колледж. И знаешь, почему? Потому что появились дела поважнее, чем распускание соплей. Отец до сих пор не оправился после её внезапного ухода. Точнее, ему казалось, что всё хорошо. Но не могло быть «всё

хорошо» у человека, который перебивался случайными заработками и каждый божий день жаловался на коммунальщиков. Один раз нам отключили газ на два месяца за то, что он не мог всё это время отдать долг – полторы тысячи рублей, представь. И каждый раз он винил во всём женщину, которую не видел уже без малого девять лет, и бил кулаком в стену кухни так, что крошились остатки плитки над гарнитуром.

Но стоило ему чуть устать от этой сварливости и злости, щит ханжества начинал пропускать настоящие эмоции и становилось ясно, что мой отец глубоко несчастен. Однажды я посмотрел на это и впервые подумал: «А ведь со мной такое уже было». Да. Оказывается, истории отцов и детей цикличны. И если взрослые замечают это раньше, дети считают их предупреждения демагогией, противятся наставлениям и тревогам родителей, наступают на грабли, и всё идёт своим чередом. Если же дети первыми осознают, что сталкиваются с теми же проблемами, они имеют шанс спасти своих взрослых.

И этот факт заставил меня взять яйца в кулак. Я отыскал отцу четыре варианта работы, которые могли бы прокормить его. Я собрал все свои немногочисленные сбережения, отложенные ещё с четырнадцатого дня рождения с бабушкиной помощью, оплатил долги за газ и положил на кухне новую

плитку. Отец вроде бы оценил помощь, но и после этого уныние и безответственность нередко настигали его. Они никуда не исчезли.

Однажды, вернувшись с кружка по шахматам, я застал его за тем, что он просто сидел на диване и молча втыкал на страницу в паспорте с печатью о регистрации брака. Время было рабочее – где-то полпятого. Отец сказал, что его отпустили из офиса пораньше, но я не поверил.

Пока все эти его самокопания превращались в самозакапывание, случилось непредвиденное: бабушка с маминой стороны приготовилась умирать. Она уже много лет хворала и не то чтобы её состояние сильно изменилось, но она захотела провести остаток старости в своей родной деревне в восьмидесяти километрах от Новосибирска. Никто с ней не спорил, потому как наша бабушка часто иронизировала на эту тему, и всерьёз уже это давно никто не воспринимал. Мы с отцом приехали туда на пару дней, чтобы помочь бабушке транспортировать вещи. В тишине редких домиков из почерневших деревянных досок, мы с отцом таскали кресла и наладом дышащий старый комод с круглыми эмалевыми ручками на ящиках. Вокруг одноэтажной почти избы не было ни веранды, ни даже забора, но была качалка для воды, что-то вроде ручного насоса. Бабушка была как всегда немногословна, но по лицу было заметно, что ей всё нра-

вится. Отец вроде как тоже немного проветрился. Даже пару раз за руль разрешил сесть. Так я один раз свозил бабушку в храм при монастырском комплексе недалеко от деревни (правда, старушке хватило сил всего на пятнадцать минут пребывания там) и один раз – по её же просьбе – выбирать место для похорон. Отец сначала попытался отговорить бабулю от преждевременных мер, но в итоге поехал с нами.

Деревенское кладбище находилось между двумя посёлками, на пустыре, где, видимо, когда-то вырубili все деревья, но теперь меж пней и надгробий высились лишь редкие одиночные стволы молодых берёз. Бабушка выбрала место рядом с самой большой из них. Я шёл позади неё и отца, косясь на приземистые надгробия, самое древнее из них было датировано 1796 годом. Среди старых, еле различимых от времени надписей, в глаза бросались относительно новые, недавние захоронения. Мы уже почти добрались по узкой дорожке к той большой берёзе, которую облюбовала бабушка, но тут мой взгляд задержался на одной невзрачной, но не очень старой могиле. Сначала показалось, что боковое зрение меня обманывает, и что всё это – нелепая проекция детских страхов. Я остановился и сосредоточил зрение, желая понять, что ошибся.

Но, оказалось, не ошибся.

И имя, и дата рождения говорили о том, что здесь лежит моя мать.

Через секунду я услышал оклик бабули, но даже простой поворот головы в её сторону казался сверхзадачей. Мир остановился, собрал весь свой гнев и отвесил мне приличную пощёчину. Я даже не заметил, что отец стоит рядом, пока он не заговорил низким вязким голосом. И каждое слово будто затягивало мои ноги в болото.

– Господи, всего через месяц после того, как она ушла...

И правда, год смерти был тем же, как и тот, в который мне исполнилось семь, и мама ушла.

Бабушка почти легла на могилу, рыдая, а я всё же нашёл силы взглянуть на отца. В его окаменелом взоре переворачивался мир. Ещё бы. Человек, которого он все эти годы презирал сквозь привязанность, давно уже был мёртв. Может, её уход из семьи значил совсем не то, что все думали?

Мы с отцом и бабушкой уже объездили почти все близлежащие посёлки в радиусе двадцати километров, пытаюсь найти ответ у местных, когда в мою голову запоздало пришла идея о том, что после смерти маму наверняка кто-то отпевал. Мы поехали в церковь при монастыре, куда я возил

бабушку за день до того. И там никто ничего не знал о моей матери, но нам сказали, что в соседнем селении есть ещё одна небольшая часовня. Мы едва успели добраться туда до заката. Священник в потёртой рясе угостил нас отваром из шалфея и ягод. Пытаясь напрячь память, он предположил:

– Если мы с вами говорим об одной и той же Анне, то она приехала сюда где-то за месяц до того, как её похоронили. Славная была женщина, но скрытная. Я разрешил ей спать на чердаке церкви, и с тех пор лишь изредка видел, как она уходила в лес рано утром. Иногда оставляла мне на скамейке у входа кружку ягод, но всегда – без слов. Говорили мы всего два раза: когда попросилась жить здесь и когда уж совсем стало плохо. Закрываю, значит, часовню вечером. Слышу – зовёт. Удивился, поднялся наверх, а она там лежит, встать не может. Говорит, лимфома, врач не нужен. Я спросил, есть ли у неё, за кем послать перед смертью. «Есть семья, – отвечает, – да негоже их беспокоить».

Казалось, с момента драки Лепса с Хрисом прошло недели две. Влас совсем забыл о том, что держал в руке сигарету. За это время она успела превратиться в столбик пепла, который Влас оценил взглядом, удивился и стряхнул его в темноту за перилами балкона. Лепс теперь представлялся ему совсем другим человеком. Правда сложно было представить

себе, что у парня, чья любимая фраза «Это повод выпить», такой тяжёлый бэкграунд²². Кто вообще мог подумать, что Лепс, папа всех тусовок, пережил в свои девятнадцать лет нечто подобное?

– Вот только не делай такое огорчённое лицо, – прервал он мысли Власа. – Знаю, это пиздец. Но в шестнадцать жизнь выбирать не приходится. Пошли лучше ко всем, пока там без нас всё не допили.

Нет, это был всё тот же самый Лепс. Просто весь мир во главе с Власом, на которого только что свалилась непростая история его товарища, вспомнил, что лёгких жизней не бывает.

—

Май

– Мне всегда было интересно, – сказала Варя, прогуливаясь с Власом по парковке закрытого торгового центра, кто оставляет здесь машины на ночь?

Пока тот думал над тем, что же ему на такой странный вопрос ответить, она остановилась и указала рукой куда-то вверх:

²² Жизненный опыт.

– Смотри, а эта припаркована не по разметке.

Влас поднял голову и увидел прямо над ними жёлтый Nissan Juke²³, прижатый колёсами к крыше парковки.

– И ещё один. И там, в углу... Господи, ну почему они не могли нормально встать?

Под ироничные причитания Вари он начал замечать новые автомобили, припаркованные вверх тормашками.

– А они на нас не упадут?

– Конечно, нет, дело же в овсянке.

– В овсянке? – переспросил Влас, хотя где-то в глубине души ему показалось, что он нашёл взаимосвязь.

И тут он проснулся. Ещё через пару минут понял, что ему наконец-то приснился не кошмар и не пустота, накрыл одной рукой оголившееся плечо Вари и тем самым умудрился разбудить её.

– Ты чего?

²³ Автомобиль японской компании «Nissan».

– Да всё нормально, сон приснился ммм.. необычный, мягко говоря.

– А я там была? – проглатывая буквы, сонно выговорила Варя и улыбнулась.

– Клянусь зачётом по правоведению, если вы не заткнётесь, я вас обоих в окно выброшу, – буркнула Лиза со своей кровати. Она отсыпалась после смены.

– Подарю ей беруши на восьмое марта, – тихо, сквозь сдерживаемый смех прошептала Варя.

Из щели между шторами сочился тусклый отсвет уличного фонаря. Влас почти ничего не видел, но чувствовал, что Варя всё ещё улыбается.

Ночь хороша для стихов и разговоров, куда тут молчать.

За целый день люди слишком устают для того, чтобы быть кем-то кроме самих себя настоящих. Поэтому Влас этой улыбке верил, как не верил ещё ни одной книге, даже Бёрдженсу, хоть это – и лучшее из того немногого, что ему доводилось читать.

Ближе ко второй сессии уже ко всему привыкаешь, и даже немного легче становится: оставался последний зачёт – по английскому, а после него – нет пар, целых три дня подготовки к зарубежной литературе и другим экзаменам. У Вари больше не было страха отчисления, боязни пересдач, оставалась только спокойная твёрдая уверенность в том, что она учится не на самой сложной специальности, и всё ей будет по плечу.

В общем, это была самая обычная ночь перед зачётом: Варя учила, допивала третью кружку кофе, периодически роняла голову на стопку учебников. Рита тоже сидела за конспектами, а Лиза спала после смены, когда в тишину квартиры ворвалась Мари и, набегу сбросив с ног балетки, утащила Варю в ванную. Та была удивлена, но повиновалась и даже позволила усадить себя на кафель. Приземлившись напротив, Мари ещё секунду держала руки на плечах Вари, будто собираясь с мыслями, а потом, видимо, не найдя слов, вздохнула начала снимать с себя блузку. Варя смотрела на всё происходящее с нескрываемым недоумением, а когда Мари начала растёгивать лиф, у неё наконец вырвалось:

– Да что происходит-то?

Мари в ответ вывернула наизнанку чашку бюстгалтера и показала ей небольшое круглое пятнышко на месте соска.

– А ещё у меня задержка.

Холодок пробежал по Вариной коже, заставив каждую волосинку подняться на дыбы, но тут же его сменила горькая ирония: кого-кого, а Мари она не могла бы представить себе мать.

– И кто этот герой?

– Не знаю, – чуть ли не плача выдавила соседка. На лице её застыла гримаса отчаяния и растерянности, но даже в таком состоянии Мари была удивительно красива. И теперь, когда вечновесёлая, вечнозелёная, заражавшая лёгкой светлой улыбкой и поражавшая своей непосредственностью всех знакомых и незнакомых кудрявая душа металась по ванной, прижатая укорами совести и чувством вины, Варя решила взять ситуацию в свои руки:

– Как давно у тебя задержка?

– Почти неделю. Варь, я не хочу становиться...

– Пошли за тестом.

– В полвторого ночи?

– А иначе ты сможешь уснуть сегодня?

Мари замерла с испуганным видом и спустя секунду разрыдалась, уткнувшись в Варино плечо:

– Ватрушенька, я так этого не хотела...

– Ну Марь, не мучай себя, ты ведь ещё ничего не знаешь наверняка. Пойдём за тестом.

– Что я родителям скажу...

– Пойдём за тестом!! – прервала её Варя уже более настойчивым тоном. Сквозь трудные попытки сохранить спокойствие пробивались ростки сомнения, жалости к будущему Мари и одновременно ситуация казалась Варе комичной: она и не предполагала о том, что у её соседки есть тайная жизнь. А потом Мари сквозь слёзы произнесла то, после чего Варя просто не смогла сдержать смех:

– Я больше никогда не буду заниматься сексом.

Варе сделалось так смешно, что аж неловко, и она зажала рот рукавом свитера, не переставая хохотать.

И смех, и грех.

А точнее и смех, и страх. Сама мимолётность Мари могла стать матерью.

– Чего ты ржёшь, коза! – всхлипнула соседка, вскинув голову, и сжала губы, чтобы самой сдержать горький смешок.

– Будешь. Только в презервативе. Как раз и от необходимости посещать венеролога себя избавишь.

Увидев по лицу Мари, что она только что открыла для себя новую сторону проблемы, Варя резко встала:

– Ну всё, хватит. Идём.

Ближайшая круглосуточная аптека, как подсказал навигатор, находилась в трёх с половиной километрах от их дома. Две ёжащиеся от ночного холода фигурки засеменили в сторону проспекта.

– Варь, а что если я на самом деле беременна?

Та подняла брови, пожала замёрзшими плечами и попыталась улыбнуться, чтобы разбавить атмосферу:

– Что ж поделывать, возьму твоего ребёнка под свою ответственность. Будем воспитывать коллективно. Ты научишь его краситься, Влас – драться, Валера – играть в футбол, Хрис – общаться с девушками, а Лепс – воровать еду из супермаркета. Вот же самодостаточное дитя получится!

По лицу Мари скользнула болезненная ухмылка, будто она и правда в это поверила:

– Ага, и вырастет у нас алкашка-визажистка или борец за права ЛГБТ²⁴.

– После школы он сдаст ЕГЭ, если его к тому времени не упразднят. Хорошо сдаст – поступит в нашу шарагу, плохо – на металлургический завод пахать пойдёт, – Варя всё раскачивала тему, чтоб её соседке было не так тревожно, и та тоже цеплялась за любую возможность не думать о будущем:

– Вот ты жестокая. Не дам тебе ребёнка, буду его сама гадостям учить!

Немного посмеялись и дальше шли молча. Тяжело было думать о том, что на самом деле вероятность беременности всё-таки есть. На минуту Варя невольно поддалась настрою-

²⁴ Аббревиатура, возникшая в английском языке для обозначения сексуальных меньшинств, таких как лесбиянки, геи и др.

ниям подруги и представила себе: да, вот Мари родила. И что дальше? Варя задумалась о том, что правда было бы хорошо взять ребёнка себе. Перейти на заочное, подыскать нормальную работу, строить новую маленькую личность в скромных условиях, на доброте и доверии. Но ребёнок тосковал бы, пока она будет на сменах, у него развился бы комплекс дефицита внимания... «Фр-р! Что за мысли такие?» – мотнула головой Варя и, поборов стеснение, спросила вслух:

– Как вообще так получилось, что у тебя был незащищённый секс?

Молчит.

– Даже если бы это был близкий для тебя человек, ты всё равно не знала бы наверняка, чем он может болеть. Что лучше – родить ребёнка или заболеть СПИДом?

Всё ещё молчит. С таким угрюмым видом, будто хочется возразить, а нечего: соседка права. Тут Варе стало неловко от такого накала, и она смягчилась:

– Обещай больше так не делать, ладно?

– Ладно, – буркнула Мари в ответ.

Наконец они дошли до аптеки. Нажали на кнопку звонка и нервно считали секунды.

– Попроси четыре теста, – шепнула Мари, и Варя не сдержала смешок:

– Ты серьёзно? Это на всю нашу квартиру или на роту овуляшек²⁵?

И тут их прервала круглоглазое уставшее лицо, появившееся в обрамлении белого окошка:

– Чем могу помочь?

– Четыре теста на беременность, пожалуйста, – живо проговорила Варя.

– Желательно, разных, – до смеху волнительно добавила Мари.

—

Домой они шли с ещё большей тревогой. Соседка то и дело порывалась побежать, но обе были слишком уставшие.

²⁵ Овуляшка (разг.) – это термин, который может характеризовать помешанность представительницы женского пола на желании родить малыша.

«Чего только не сделаешь ради дорогой подруги», – думала Варя, поглядывая на часы.

Когда последний из четырёх тестов показал только одну полоску, до Вариного зачёта оставалось четыре с половиной часа. Мари плакала от счастья, выбрасывая в мусорную корзину всё то, за чем они полночи ходили по городу, а Варя еле успевала давать ей чистые салфетки.

– Ты знаешь, что у меня лучшая соседка? – всхлипнула Мари.

Та улыбнулась и склонила голову набок:

– Лучшая соседка завтра уснёт на зачёте. Пора ложиться, мать.

– Боже правый, не называй меня матерью никогда больше! – засмеялась в салфетку Мари.

—

Июнь

Незаметно подкралась летняя сессия. Солнца стало больше. Учить – легче. В светлых душных лекционных даже в

футболке теперь было жарко, а Варя покрылась веснушками.

Было гораздо легче, чем на первой сессии, все уже достаточно хорошо познакомились с системой и заранее позаботились о том, чтобы не осталось долгов. У Вари получилось, у Власа – почти.

Они вышли за территорию универа, и Влас закурил. Непривычно было видеть свою родную шарагу такой безлюдной солнечной. Комендант ненавязчиво намекнул на то, что пора съезжать. Сначала Влас думал просто послать его и сказать, что денег на дорогу домой по-прежнему нет, но потом решил, что проблемы с этим типом ему точно не пригодятся, оставил половину своих вещей в своей комнате, а остальную часть перевёз к Варе.

Середина июня. И куда теперь деть столько свободного времени? Полтора месяца, чёрт.

Немногочисленные тёплые летние дни выгнали на улицу велосипедистов и скейтеров, а Власу они подарили два похода на речку, четыре тусовки на крыше и один – на даче какой-то подружки Мари. Кстати, сама Мари снова не закрыла сессию вовремя, на этот раз из-за какого-то профильного предмета, но уже не ругалась, не расстраивалась, как раньше.

А вот и сама Мари. Бежит, спотыкается навстречу Власу и Варе в коротком голубом платьишке. Она после последнего экзамена ушла отмечать и уже второй день ночевала не дома, но выглядела на удивление свежо для человека, который пьёт не первый день подряд. Мари как всегда попросила угостить сигаретой, выкурила её, после чего они втроём понесли зачётки в деканат. Предстоящие два месяца свободы казались чем-то невероятным. В полупустом коридоре административного здания они бурно обсуждали, можно ли вообще человеку отдыхать столько. Оглядываясь вокруг, Влас попутно думал о том, что на такой ремонт, наверное, ушла половина годового бюджета университета: двери с деревянной резьбой, гладенький паркет, стены без единой неровности, на лестнице – стеклянные перила с символикой вуза. «Какое приятное освещение», подумал Влас и, подняв голову наверх, увидел замысловатые узоры крохотных неярких лампочек.

– Пройду практику и поеду на море! – вещала своим громким голосом Мари.

– У нас разве после первого курса есть практика? – удивилась Варя.

– А ты как думала? Уже надо начинать с детишками взаимодействовать.

– И в каком же формате?

– Летние лагеря. Говорят, со второго курса можно попасть вожатым даже в языковой...

Дальнейшее участие Власа в беседе было прервано тем, что он услышал, как в кабинете напротив кто-то громко ругается. Варя заметила это пару секунд погодя:

– Ничего себе разборки в деканате у экономистов.

Из-за красивой резной двери с наполированной табличкой доносились обрывки какой-то семейной драмы: «Да ты хоть понимаешь, как пятнаешь мою репутацию?...», «Почему у всех дети как у людей, а у меня такой чучело...», «Скажи спасибо за то, что тебя мать ещё на улицу не вы...»

Короткие ответы раздавались еле слышно. Их не получалось разобрать.

– Вот же неслабо досталось кому-то, – заметила Мари, и вслед за её словами из того самого кабинета стрелой вылетела, хлопнув дверью, Ряшева. Да, та самая, которая драться любит. Её до крайности встревоженный взгляд лишь на секунду остановился на Власе, Варе и Мари, после чего она

резко отвернулась и поникшим шагом направилась в сторону выхода. Варя, ни слова не произнеся, встала и быстрым шагом пошла за ней. Влас никогда не понимал её меньше, чем теперь. Они с Мари были так удивлены, что не сразу сообразили, что какие бы ангельские намерения ни были у Вари, Ряшева могла проявить агрессию как всегда – без особой причины. Оба поспешили к выходу. Сбежали по лестнице, Мари чуть ли не упала. Попав на первый этаж, Влас через стеклянную дверь на крыльце увидел то, что его мозг ещё секунд пятнадцать воспринимал как зрительную ошибку и отказывался анализировать. «Да ну нахер!» – воскликнула Мари, поймав при этом недовольный взгляд вахтёрши. Никому не верилось, что девка, ещё недавно выжидавшая Варю под домом, чтоб поколотить, теперь подкуривала у неё сигарету.

Мари замерла в двух метрах от двери, не решаясь прервать их преспокойную беседу. Влас остановился там же. Поверхность стекла пропускала негромкие, но искренние жалобы Ряшевой на то, что отец-декан – это глаза и уши повсюду, вечная необходимость соответствовать, быть не собой, а шаблоном дочери декана, прилежным приложением в платьишке из «Зары»²⁶...

Заметив Власа и Мари, Ряшева сделала недовольное лицо: «Ну вот, и эти подслушивают». Варя прикоснулась ла-

²⁶ Сеть магазинов модной одежды.

дошкой к её руке чуть выше локтя. Осторожно, но с таким желанием приободрить, понять и посочувствовать, что, казалось, часть боли через это прикосновение куда-то улетучилась, и Ряшева даже изменилась в лице. Черты её немного упростились, потеряли воинственность, и сквозь готовность сопротивляться стала проглядывать запуганная собственными родителями Вика Ряшева.

Не девка, просто девочка.

– Если хочешь, присоединяйся к нам в выходные, – предложила Варя, – мы с ребятами купаться на природу поедем.

– Спишемся, – улыбнулась Ряшева. Честно говоря, Влас раньше даже с усилием воображения не мог представить её такой доброй и грустной.

—

Позже подоспели более точные сведения о летней практике. Влас курил на балконе, когда Варя принесла новость о том, что тем, кто успеет записаться в самом начале, возможно, даже будет предоставлен выбор, в каком регионе её проходить. Влас не совсем представлял себе, как он будет рабо-

тать с детьми, а Варя, конечно, хотела путешествовать, и когда она заметила в списке лагерей, с которым сотрудничает университет, слово «Анапа», чуть ли не прыгала от восторга.

Влас помнил, что она никогда не видела море. И пусть это был не самый ближний край, после десятого «ну Влас, ну пожалуйста-а» он согласился. Для осуществления этой идеи всего-то пришлось с целомудренным выражением лица попросить начальника отдела практики закинуть нас в один лагерь и пообещать не показывать личные отношения детям, что по мнению Власа, было само собой разумеющимся.

Итак, дата выезда была назначена: девятое июля. Варя пошутила на тему того, что мы прибудем туда в пятницу тринадцатого, и нам обязательно попадутся какие-нибудь адюльские дети.

—

Ряшева, всё-таки присоединившаяся к поездке на природу, ошеломила всю компанию. Ей, кажется, нравилось быть в центре внимания. Забавно было узнать, что с маминой стороны корни её ведут на Дальний Восток и, кроме того, что Вика любит драться чуть ли не больше, чем Влас, она ещё ам-

бидекстр²⁷ и учит испанский. Власу она даже начала немного импонировать, когда он узнал, что Ряшева, даже несмотря на то, что она из состоятельной семьи, пошла работать параллельно с учёбой, чтобы не просить деньги у родителей.

– Они всего добились, они пусть и тратят то, что заработали.

В тот день друзья славно провели время: Валера притащил с собой гитару и играл боем все песни, которые в других условиях Влас слушать не стал бы, а тут Мари подбила компанию на то, что большинство даже подпевали. Гул разных тембров складывался в неровную, но почти синхронную мелодию, которую возглавлял негромкий, но хорошо поставленный и очень приятный на слух голос Димы Христофорова.

«Наверняка учился где-то», – подумал Влас и освежил пересохшее от пения горло глотком прохладного пива.

А вечером того дня не обошлось без приключений: Хрис решил впервые попробовать портвейн, немного не рассчитав возможности своего организма и пошёл падать лицом в песок и тонуть в речной тине на глубине в полметра. Вылав-

²⁷ Амбидекстрия (от лат. *ambi* – «оба» и лат. *dexter* – «правый») – врождённое или выработанное в тренировке равное развитие функций обеих рук, без выделения ведущей руки, и способность человека выполнять двигательные действия правой и левой рукой с одинаковой скоростью и эффективностью.

ливали всей компанией. Он, конечно, сопротивлялся, орал, убегал и по-новой начинал тонуть где-то в стороне, но позже сдался и даже позволил обмотать себя полотенцем, согреть у костра и уложить спать в палатку под тихий свист просыпающихся на бледной заре птиц.

Ряшева впоследствии отказывалась от приглашений, а ребята начали пристальнее следить за тем, сколько Христофоров пьёт.

Лепс, Крас, Егор и Валя разъехались по домам после того, как отметили закрытую сессию. Христофоров остался, Мари тоже. Рита, сдав последний экзамен – биологию, побежала делать маникюр. Говорит, весь семестр запрещали. Через неделю и она уехала. Варя тоже ходила счастливая. Радовалась, что курс древнеславянской литературы закончился, и она больше не столкнётся с противными женщинами с той кафедры. Тем бабкам и правда не нужен был повод, чтобы невзлюбить: всего лишь глаза или хорошие волосы. В честь прощения с этими старыми кошёлками Варя даже перекрасилась в зелёный. Пришла на встречу недовольная.

– Не нравится?

– Не-а.

– Да ну, ты же теперь настоящая русалка, – Влас пытался приободрить её как мог.

– Ага, скорее алтайское горное чудовище.

– Варь, ну ты чего расклеилась так из-за какой-то фигни?

– Ничего. Пошли домой. Не хочу никуда идти.

Но ему нравились Варины новые волосы. Конечно, не больше, чем старые, но выглядели они тоже прикольно. Влас мял их в руках, пушил, заправлял за уши и расчёсывал пальцами. Её понурое выражение лица не изменилось. «Чёрт знает, что этим девкам в себе не нравится», – думал Влас.

– Только волосы попортила, – ответила Варя и отвернулась от зеркала.

Пока она ходила по кухне и причитала о том, как трудно будет закрасить этот цвет щавелевого борща, в голове Власа созрел гениальный в своём безумии план. Только она отошла, я пошёл в комнату Мари. Она сидела на диване, закинув ногу на подоконник, и красила ногти.

– Привет, Мари.

– О, ты здесь? Привет.

– У тебя ещё осталась краска для волос?

—

На следующий день, воспользовавшись моментом, когда Варя пошла сдавать учебники в библиотеку, Влас попросил Лепса помочь ей, а сам сказал, что идёт увольняться с работы, а сам осуществил задуманное. Когда она вернулась, он попытался максимально эффектно появиться на свет из тьмы коридора.

– Вла-а-с! – Варя закрыла руками лицо и засмеялась. – Ты что, витрину с зелёнкой разбил?

– Нет, это просто закос под лучшую девчонку в нашем универе.

Она, не переставая хохотать, распушила руками его волосы от ушей до затылка.

– Где ты откопал такой же отвратительный цвет? – спросила она, улыбаясь.

– Отгадай с трёх раз.

– Мне убить кого-то из моих соседей за то, что слили информацию?

– И не только информацию.

Варя нажала ему большим пальцем на кончик носа:

– Так, где тут включаются мозги?

– Да перестань, тебе разве не приятно, что я проявил солидарность к твоей проблеме?

– Ага, создал себе такую же.

– Ну не бубни, пойдём погуляем, – предложил Влас.

– А пошли!

—

Они шагали по зелёной набережной, сами зелёные и очень радостные. Власу вовсе не нравились яркие волосы на нём самом, и от субкультур он был совсем далёк, но сейчас они оба кайфовали от того, какими гармоничными отщепенцами стали. На их головах мелькали пятна летнего света и теней

от листьев.

Город был похож на засвеченное плёночное фото. Запредельно много солнца и сильный ветер, потоками кружащий первые пушинки тополя. Власа не оставляло ощущение того, что этот день кто-то спланировал за него. Причём спланировал идеально. Они купили по стаканчику мороженого и полезли на нашу любимую крышу. В разговоре Варя, видимо, хотела меня стукнуть в шутку, как всегда, но забыла, что в руке пломбир.

– Ох, прости, не хотела испачкать... Чёрт!

Влас мазнул её в ответ по щеке.

– Ну война так война!

Через минуту Чернуха была уже вся в белых следах, а у него закончилось мороженое. Влас бросился убежать от неё на двадцати квадратных метрах крыши.

В итоге у Вари порвался один из сандалий, пока она гонялась за Власом, и тот воспользовался моментом, повалил её и начал щекотать.

– Ай-й, не надо! Возьми деньги, возьми мороженое, что

хочешь, только отпусти-и!

Он послушно выхватил из её рук остатки стаканчика с обгрызанной вафелькой по бокам и мазнул белой подтаявшей верхушкой прямо по пятке, после чего под громкое Варино «фу-у!» откусил половину.

– Она же грязная.

– А я не брезгливый.

Чернуха, лёжа на прогретой крыше на спине, сделала попытку вытереть пятку о футболку Власа, но тот успел отскочить. Она засмеялась:

– У тебя все волосы в морожке!

– У тебя тоже.

– И лицо.

– В следующий раз облизывать будешь.

Влас высунул язык и потянулся им к Вариной щеке. Она увернулась со словами:

– Вот ты мерзкий!

И снова засмеялась.

Когда они возвращались домой отмываться, пошёл слепой дождь. Капли, ветер, безграничный океан солнца, прилипший к мокрому асфальту тополиный пух и они измазанные, счастливые и зелёные идут.

Июль

С юга начали привозить клубнику, позже и малину. А тут и ежевика пошла, и Варина любимая голубика. Лиза подбивала остальных трёх соседок, чтоб скидываться на свежие ягоды. Маленькое лукошко каждый раз становилось святыней кухни. Его ели медленно, собирая со дна рыхлую, раздавленную мякоть, облизывая пальцы. Влас, проживший много лет в стране, богатой таким добром, с удивлением смотрел на то, как Варя смакует остатки ягод, каждым движением благодаря жизнь за ещё один тёплый день.

На маленький отрезок лета пришёлся большой урожай гороха. Влас его обожал.

Как-то раз он помогал Лизе и Варе тащить домой сумки с рынка. Девки всю дорогу болтали. Речь зашла о призвании.

– До сих пор поражаюсь, – сказывала Варя, – как это я попала пальцем в небо, и поступила на специальность, которая мне идеально подошла, хотя изначально я о ней ничего не знала.

– А я думаю, нет безупречной профессии ни для кого, – отвечала Лиза. – Нет дела, созданного для меня. Тут только стремление и любовь к труду решают всё. Вообще, если так смотреть, через пару лет у меня будет диплом психолога. А изначально я не хотела учиться ни на этом направлении, ни вообще в Тюмени. Первые месяцы учёбы даже страдала.

– А потом что? Смирилась?

– Не то чтобы. Скорее поняла, что мне всё равно, где и кем быть. Кто хочет, тот в любом месте проявит себя. И в любом деле: будь то хозяин огромной сети кофеен или обычный бариста. Просто своё дело любить нужно.

В тот момент Влас отвлёкся и не услышал, что ответила Варя: навстречу им шла Катенька-коса-до-пояса.

– Малышка! – воскликнула Лиза. Она, как и все обитатели девчачьей квартиры, Катеньку обожала.

Остановились, заболтались. Варя позвала Катеньку в гости варить компот. Так Влас освободился от одного из пакетов, и они вместе пошли домой.

– Что гуглишь?

– Как выглядит метро в Стокгольме.

Её ответ заставил Власа улыбнуться, который раз убеждаясь в непредсказуемости Вариных мыслей.

– И чем же оно так примечательно?

– Смотри.

И она показала пёструю подборку фото из поисковика. На некоторых было что-то похожее на пещеры с наскальными рисунками, на других – на галереи современных искусств, на третьих – стены с огромными детскими рисунками, блестящие гладкие полы, но одно было общим – поезда заехали туда будто случайно.

– Ну-у в жизни я, работая по специальности, вряд ли туда попаду, зато ничто не мешает моим мыслям гулять по всем

этим классным местам. С воображением-то у меня всё хорошо.

– А как же любимый девичий вариант – удачно выйти замуж? – усмехнулся Влас.

– Господи, придумал ещё. За кого? За физрука? – Варя рассыпалась в смехе.

– Ладно, Стокгольм Стокгольмом, а мы с тобой через четыре дня едем на море.

Варя склонила голову к плечу Власа, а он сквозь майку почувствовал её тонкие пальцы, поднимающиеся вверх по спине.

– Только надо волосы в порядок привести.

– Да оставь. Детям понравится. Представь: у всех вожатые как вожатые, а у них – настоящая русалка.

Варя посмеялась:

– Да уж, будут два чудака по лагерю ходить. Никто ни разу не догадается, что мы вместе.

- А я как раз налысо собирался забриться.
- Боже правый, зачем тебе это?
- Да давно хотел.
- Кепочку себе купи, а то лысина обгорит.
- Ага. С надписью «Чёрное море».
- Или лучше «чёрный юмор».
- Да, супер. Желательно розового цвета.

Они смеялись на пол-улицы, извлекая какой-то забавно искажённый смысл из привычных слов. Оба уже предвкушали большое путешествие.

Вот и подошло время. Варя покрасила волосы тёмным, Влас сбрил остатки зелени на голове. Они собрали свои немногочисленные вещи и поехали. На третьи сутки в поезде слышались жалобы попутчиков на утомительную долгую дорогу. Но Варе и Власу нравилось. Нравилось выхо-

дить на станциях в незнакомых городах и гулять хоть и всего лишь по часу. Нравилось выбегать на маленьких остановках и стремглав лететь в душ. Варе ещё нравилась сушёная рыба, которую начали заносить прямо в вагоны где-то под Волгоградом.

Они глазели в окно на огромную страну, на одну шестую мира, которая успела почти до неузнаваемости измениться за те несколько дней, что Влас с Варей провели в поезде. Оттуда на нас смотрели грустные города Урала своими горящими окошками панелек и одинокими полотенцами, болтающимися на бельевых верёвках. На нас смотрели огромные дымные трубы заводов и мрачные деревушки, над которыми разливались лучшие закаты, какие только можно было представить себе. Как-то раз Варя, лёжа на своей боковушке, сказала:

– Не хочу возвращаться в те времена, когда за учёбой и работой было некогда смотреть на то, как солнце садится за горизонт и забирает с собой ещё один день нашего бесценного студенчества.

Влас ничего не ответил. Он был слишком занят разглядывая Варю в немеркнущем отсвете заката. На лице, покрытом полупрозрачным рыжим налётом, блестела каждая волосинка редких бровей и радужка глаза казалась совсем светлой.

Левую руку отсекал в тень конур окна, отчего она казалась ещё бледнее. Даже кое-где отливала синим.

Варя поймала скользящий по её телу взгляд Власа и сама принялась разглядывать тощие белые предплечья:

– Вот уж Белоснежка в Нигерии.

– Успокойся ты, – сказал Влас, протянул руку с соседней койки, легонько ткнул её большим пальцем в плечо. И тут же осёкся с непривычки.

«Чёрт. Это же Варин жест», – подумал он.

Забавно. Девчонка в подсознании Власа. И когда они успели столько перенять друг у друга?

—

Сработал третий будильник, оповестивший о том, что конечная остановка через полчаса. Вставать не хотелось. Под прессом такой жары лежать бы и чувствовать дальше, как скатываются по горячей коже капельки пота.

Еле-еле выползли они с Варей из-под горячего валуна южного солнца в тень вокзала. Оттуда – в автобус. И вот через

какой-то час они уже стоят перед крашенным зелёным забором, из-за которого виднеются деревянные цветные домики, деревья и крыша большого бетонного здания с остатками советской мозаики.

– Кажется, нам сюда.

—

Влас сам несколько раз ездил в летние лагеря ребёнком, но это место отличалось от тех, где он был. Позже Варя объяснила ему: есть лагеря от предприятий, а есть государственные. В первые дают путёвки детям, чьи родители работают, например в РЖД²⁸ или на каком-нибудь крупном заводе, а в последние – социально необеспеченным. Сиротам, приёмным, состоящим на учёте в полиции или вообще умственно отсталым. Для Вари тоже стало сюрпризом то, что они с Власом будут отвечать головой за трудных детей. В университете их никто об этом не предупредил.

– Вот и приехали на юг, блин.

Но это была не последняя неожиданность на сегодня.

Власа взяли работать не вожатым, а физруком. Начальник

²⁸ Государственная вертикально интегрированная компания «Российские Железные Дороги».

смены объяснил это нехваткой молодых людей в педагогическом составе. Сам Влас в принципе был не против, только как-то немного жаль было взлелеянную в поезде мечту – быть напарником Вари и вести вместе один отряд.

Планёрки проводила Арина Олеговна – старшая вожатая, которую издали можно было спутать с дитём из-за роста, хотя на самом делей не только. Лицо её было из тех, что, минуя стадию зрелости, остаются почти детскими, до последнего не взрослея – и только мелкие морщинки, не очень заметные, выдавали то, что ей уже за тридцать.

Вообще с первого взгляда казалось, что у неё в году не триста шестьдесят четыре дня, а триста шестьдесят шесть, и в сутках больше двадцати четырёх часов, и все их она проводит в лагере. Кожа у неё была золотисто-коричневая, а волосы – почти добела выгоревшие. По бодрой речи Арины сразу было видно, что ей нравится то, чем она занимается.

Вчера в последний пустовавший корпус заселили детей из Астрахани, и Власу дали поручение: провести первую общелагерную зарядку.

«Ёб твою мать, что за акселераты сюда приехали?!» – думал он, глядя на то, как парни крупнее его с унылыми лицами вращают кистями рук. До того момента он видел не всех отдыхающих в лагере, а тут, оказывается, получился интересный набор кадров: шкафы под два метра ростом, но с совсем детскими лицами. Девчонки, которые красятся хлеще, чем Варина соседка Лиза. У одной из-под коротких шорт торчал кусок задницы, у другой – портак, у ещё одной майка очень опасно обтягивала лифчик с пятьюдесятью слоями пуш-апа. Да уж, деточки.

Были и красивые дети (до приезда в лагерь Влас не думал о том, что они могут быть реально красивыми, и вообще мало думал о детях). А может они просто казались ему такими, потому что ни в Киеве, ни в Тюмени, ни в Питере он не видел такого количества светловолосых мальчиков и девочек, с еле видными бровями и ресницами, белоснежными руками и ногами, покрасневшими от солнца щеками и носами. Тут таких было целых два отряда. Все они были с севера и очень походили на братьев и сестёр. Было много ребят с Поволжья и Кавказа, больше всего приехало из Пермского края и

Норильска. От последних разило табаком, и Влас удивился: когда они успели покурить, если последние несколько суток были в пути под надзором сопровождающих?

Сам он мог позволить себе курить только после отбоя за территорией лагеря, спрятав подальше бейджик и лагерную жилетку, а эти ребята, казалось, даже не пытались скрыть своих привычек.

Так в этот милый мир детства с голубыми домиками и светлячками по вечерам побросали свои сумки девки вида «от тринадцати до тридцати» и широкоплечие ребята с девственным пушком над губой. Некоторые – худые, прыщавые и агрессивные, другие – крупные, увесистые, но непременно тоже резконастроенные. «Гормоны, что тут поделать? – думал Влас. – Ничего, зато будет интересно смотреть, как они в футбол мясят».

Так и получилось. Даже нет, получилось – не то слово. В первые же дни собралось не только несколько команд по футболу, баскетболу и волейболу, но и несколько желающих поиграть в женский гандбол. И играли эти дети с такой отдачей, так неистово и отчаянно, что даже на тренировочные матчи собиралась небольшая группка болельщиков, срывавших детские нежные голоса выкриками вроде: «Завацкий, тащи!», но приходивших на трибуны снова и снова.

И всё бы было хорошо, весело и вообще безоблачно, если бы эти ребята не принимали промахи в спорте близко к сердцу. Иной раз Власу приходилось разнимать драки после матчей. Пришлось с этими детинами разговаривать о том, что азарт азартом, но бить друг друга из-за игры у лагере не принято. Не то чтобы это сильно помогало, но Влас искал другие способы. А вожатым приходилось ещё сложнее: они проводили сутки напролёт с этими оболтусами.

Вообще у этих детей не почиталось за честь подчиняться элементарным правилам: за курением и распитием спиртного их застукивали, за соитием в туалете – тоже. Один раз даже инспектора пришлось вызвать: спустя неделю после начала смены один из работников столовой застал детей из старшего отряда таскающими среди ночи металлолом с хоздвора. Позже выяснилось, что ребята с его помощью хотели расправиться с физруком за то, что тот якобы подсудил в баскетбольном матче. Когда эта новость дошла до самого Власа, он не на шутку разозлился. Нет, не переживал он за себя, скорее был рассержен на то, что ребята так легкомысленно выбрали реально жестокий способ отомстить, за который они просто-напросто могли потом поплатиться своей свободой. А всё из-за чего? Из-за какой-то фигни. Из-за матча!

Перманентное желание Власа драться и вообще как-ли-

бо колыхать воздух своей чрезмерной энергией преобразовалось в желание воздействовать на людей кратким, но сильным словом. Поэтому в тот же день он собрал на футбольном поле всех, кто считал себя хоть немного причастным к спортивной жизни лагеря, и объявил:

– Ближайшие три дня матчей не будет. Ни тренировочных, никаких. Ни дай Бог хоть кого-нибудь до четверга на спортплощадке увижу – ещё неделю играть не будете, – вещал Влас с трибуны. – А если вы ещё впредь вздумаете насильем проблемы решать – до конца смены без спорта останетесь. Чтобы впредь думали о последствиях, прежде чем что-то делать.

Удивительно, но слова его подействовали.

«Хорошо хоть Варе с малышами повезло», – думал Влас. Даже будучи занятой детьми с подъёма до отбоя она уличала минутки, в которых они с Власом могли общаться, а иногда даже остаться наедине.

Средний возраст её отряда был девять-одиннадцать лет. И самым главным плюсом было то, что они ещё не научились курить и трахаться.

Они всё время норовили рассыпаться по территории лагеря, как бусинки с порванной нитки, поэтому их нужно было чем-то занимать: то играми, то рисованием декораций, то репетициями сценок, то песнями под гитару... Варя с ними рядом выглядела как мама-утка с двадцатью четырьмя утятами. Из-за недобора вожатых в этой смене ей не дали напарника, но пообещали дополнительный выходной. Правда, она и одна неплохо справлялась: даже когда приходилось разнимать драки по мелочам, снимать детей с деревьев и балконов и искать сбежавших за территорию. В разговорах с Власом Варя убеждала себя, что такие проблемы есть в каждом отряде, ведь это особенные дети. Многие из них бывали в сложных жизненных ситуациях, которые не всем взрослым под силу перенести. Так, например, десятилетний Сева получил ожог четверти тела в пожаре. Иногда по ночам его мучили фантомные боли, и Варя часами убаюкивала его. Ещё в их отряде была девочка с особой формой эпилепсии, и во время припадков её нужно было держать за руки и ноги, чтобы она себе не навредила.

Детдомовские, приёмные, дети с приступами агрессии или просто тормозящие, примороженные суровым климатом Норильска, требующие повторения одной и той же фразы по десять раз – Варя всё равно любила их всех.

Педагогический состав оказался хороший: все как на подбор простые, приятные и очень лёгкие на подъём, если дело касалось вылазок за территорию после конца рабочего дня. Режим вожатого позволял спать максимум шесть часов в сутки. Большинство спало ещё меньше из-за дежурств или (а чаще «и») ночных посиделок на пляже. Как у этих людей оставались силы на такой отчаянный образ жизни и главное – почему они шли на всё это добровольно? Из-за общения, конечно. Не обо всём можно было рассказать на планёрке.

– У меня в отряде есть ребёнок, – рассказывала вожатая Вероника, – у которого в начале смены украли розовый кошелёчек из биссера с божьей коровкой. Это был подарок её мамы, так что девочка очень расстроилась. Искали, спрашивали других детей – всё без толку. Так бедная девочка теперь ходит каждое утро по тем местам, где могла потерять кошелёчек. По одному и тому же маршруту, представляете? Ребёнок с паранойей. Ни мои беседы, ни психологи не помогают. Чуть ли не за руку приходится водить везде, иначе – сразу уходит искать.

– Да ладно, она хотя бы ничего плохого не делает. У нас вот есть одно недолюбленное чудо 2007 года рождения, которое драться будет, если его ничем не занять, – заговорила

Варя. – Вот сажаю его в морской бой играть с детьми, но он теперь иногда и из-за неудачного хода чуть ли не убить готов.

Влас в свою очередь пошутил, что всяк ребёнок хорош, если он не лезет на дерево. Кстати, снимать детей с балконов и крыш тоже было его обязанностью. У Власа хорошо получалось делать грозное лицо, чтобы другие не пытались это повторить...

Постепенно организм привык к сну по четыре-пять часов в день, и справляться с привычными вожатскими задачами сквозь пелену недосыпа стало легче, а компания, с которой Влас и Варя пили по ночам на пляже, стала относительно постоянной.

Ребята были в основном с юга: кто из Краснодара, кто из Ростова, кто из Новороссийска... Все они тоже впервые работали вожатыми, а одной девчонке при том всём ещё и старший отряд достался, чем она невероятно гордилась. Рассказывая о забавных выходках своих детей, Алёна приковывала всеобщее внимание, и Варя, как и все, охотно поддавалась обаянию смуглой ухоженной девушки с хорошо покрашенными гладкими волосами. Большим плюсом к презентабельной внешности Алёны были её вкусы в музыке. Они совпа-

дали с Варинными почти один в один:

– Dereche Mode?

– нравятся.

– King of Leon?

– С тринадцати лет слушаю.

– Sleep Party People?

– Ого, а их ты откуда знаешь?

... и кино:

– Все боготворят Безрукова и Хабенского, но ведь есть ещё бешеный талант в России – Александр Яценко.

– Чёрт, ты что, мысли мои читаешь?

... и даже в литературе:

– А Джейн Остен случайно не любишь?

– В смысле не люблю? Обожаю. ...хоть Алёна и училась

не в гуманитарном вузе.

Но зря Варя так обрадовалась первому впечатлению. Пока все восхищались тому, как энергично Алёна поддерживает любой разговор, Варя начала замечать, что-то неживое в ней.

Не нравится ей вся эта музыка на самом деле. И Джейн Остен тоже. А кино для Алёны так и не страсть вовсе: всё из желания быть «не как все». Варя сначала решила, что просто она хочет привлечь к себе побольше внимания из-за какой-нибудь недолюбленности в детстве, и не стала её судить за это, а даже состраданием прониклась, но потом Алёна начала выкидывать в разговорах и вовсе странные вещи, к которым Варя уже не смогла отнестись так мягко.

Со временем запасы рассказов о детях истощились, а пополнялись они не так скоро, как чтобы заполнять все алёнины вещания, и она начала говорить о жизни в целом, но делала это так радикально и осуждающе, что Варю волей-неволей брал какой-то испанский стыд. Почему ругает она абстрактных людей, а попадает так близко к больному? Варя не знала, но всё ещё пыталась свалить всё на свою природную чувствительность. К тому же она дорожила маленькой компанией, выкатывающей на берег моря после планёрок в расслабленную ночь под жидкий лунный свет. Там было много других хороших девочек и мальчиков из педсостава, с которыми

ми Варя старалась общаться больше, чтобы абстрагироваться от Алёны.

И всё же то, что они изо дня в день оказывались рядом, копило в Варе раздражение. В любой, даже локальный разговор, возникший в компании, рано или поздно вливалась Алёна, и тогда все участвовали в беседе, кроме Вари: она чувствовала себя вытесненной и молчала. А Алёна будто бы и разницы не почувствовала оттого, что кто-то не включён в обсуждение. И Влас, и другие вожатые будто бы не замечали того, как поверхностны её выводы о бытии. Чем была её жизнь до лагеря? Не иначе как рутинной. Но тогда откуда она взяла право рассуждать о том, чего никогда не знала? Со своим скудным жизненным опытом она херила отношения в присутствии влюблённых, большие города – при москвичихах и петербуржцах. Один раз ни с того ни с сего заявила, что английский юмор понимают только интеллектуалы.

– Ну вот не может он быть глупым, если понимает... – вещала она.

И тут Варино терпение лопнуло:

– Это что ещё за оригинальное мерило ума? – не постеснялась перебить она.

– В смысле? – прервалась Алёна.

– Ну вот предположим, человек в другой среде рос. Другие книжки читал, и в школе учил немецкий. И что, он сразу плох?

И тут куда-то делась вся алёнина коммуникабельность. Диана и Ника, сидевшие рядом с ней, тоже замолчали и обратили внимание на Варю, из-за чего последняя смутилась, порозовела, но отступить было поздно, и она продолжила:

– Кто сказал, что все обязаны понимать друг друга, чей-то дурацкий юмор?...

А Алёна, будто почувствовав стеснение Вари перед обращёнными на неё взглядами и нарочито громко прервала её слова на середине:

– Да тут только дурак не понять может...

– Может ещё порассуждаешь на тему того, кто такой дурак? У тебя же богатый опыт в вешании ярлыков, – перебила её Варя в ответ уже более твёрдо и уверенно. «Не клади палец в рот, сука, я ведь и кусаться умею», – думала она, готовясь парировать следующие слова.

Но Алёна не ответила. Видимо, Варино непонимание работало и в обратную сторону.

Только тут стало заметно, что вся компания хранила молчание и уже несколько минут наблюдала за ними двумя. Шумело только море. Собрав волосы в хвост и туго перевязав резинкой, Варя поднялась, размяла затёкшие ноги:

– А теперь мне пора к детям.

И зашагала к калитке.

– Варь, подожди, – догнал её Влас. – Ты чего так набуянила? Алёна же вроде неплохая девка.

– Неискренний, хитрящий человек не может быть хорошим.

– Да что она такого сделала?

– Все эти её фишечки должны браться от чуткого прислушивания к самому себе, а не от хреновых попыток понять что-то необычное и стать вроде как «модной». Этот спектр необычных увлечений она использует как ступеньку, становясь на которую, вроде как можно смотреть на всех свысока.

Влас остановился, и остановил Варю за руку.

– Стоп, да у тебя же ПМС²⁹.

– Это тут не при чём. Давно пора было сказать, что она дура.

Влас так до конца и не понял, что произошло у Вари с Алёной или у Алёны с Варей, но, может, это и не было так важно, потому что совсем скоро проблема затерялась в суете подготовок к мероприятиям и конкурсам и бесконечных походов на море. Порой даже в душ сходить времени не было, и приходилось ждать аж конца планёрки, чтобы добраться до заветной чистой воды. Так что пьянки собирали всё реже, похмелье мучило ребят по утрам всё чаще, а к середине смены большинство совсем забросило ночные вылазки.

—

К работе физрука Влас быстро привык, и начальница смены, заметив первые признаки этого, поручила ему подменять вожатых, ушедших на выходной. В дни, когда никому

²⁹ Предменструальный синдром – сложный циклический симптомокомплекс, характеризующийся психоэмоциональными, вегетососудистыми и обменно-эндокринными нарушениями, которые негативно сказываются на привычном для женщины образе жизни.

не нужна была помощь, Влас, справившись с основной частью спортивной работы, примыкал к отряду Вари. Это были лучшие дни смены. Дети у его девушки были забавные. Только лишь на первый взгляд они были слишком маленькими: общие темы для шуток находились достаточно быстро. Они катали свою вожатую на надувном круге вдоль буйков на мели, рисовали лучшие в лагере декорации к сценкам и очень любили песню про батарейку. «О-ой-ой-аи-ой батарейка-а» – завывали они, потом Варя гасила свечу. Дети на этом моменте поднимались с полянки, отряхиваясь, брались за руки и змейкой следовали в корпус чистить зубы и укладываться спать. Когда в последнем окошке гас свет, Влас и Варя шли к воде, на опустевший берег или в рощицу за лагерьем. Ворс мягких июльских травинок был ложем более приятным, чем железные кровати ввожатской, где к тому же всегда кто-нибудь был. Правда, в конце смены (не спрашивайте, как) у них всё же случился секс в домике. В мужской комнате на тот момент все ушли пить водку на набережной, и спал один только спасатель Родя, которого и танком не разбудишь, но и Влас, и Варя старались быть тихими.

Но большую часть времени Варя и Влас виделись на ночных дежурствах. Арина Сергеевна часто поручала Власу так называемый «контроль бодрости», который, по сути, заканчивался на том, что спящих на посту вожатых Влас обдавал водой из ведра, одолженного у уборщицы.

Варе, конечно, таких наград не доставалось. Да и не всегда она спала. Чаще тихонько слушала аудиокниги, не рискуя читать в совсем тусклом свете ламп холла. И тогда приходил Влас. И они говорили. Чтобы не уснуть и потому что за пару часов всего успевали соскучиться.

«Собираемся мы, значит, с моря уходить, а рядом – Маша тоже своих строит. Один ребёнок собирается медленнее других – так она его чуть ли не пинает, кричит, злится. Ну скажи мне, где у этой женщины совесть? Разве это педагогично? А если он потом вырастет и так же будет с людьми? Смотрю на это и всё больше хочется своих детей укрыть от такого дикого отношения, дать им любви побольше, чтоб они знали, что не в жестокости сила...», – жаловалась Варя.

Влас её понимал. Ему самому не нравились некоторые поступки вожатых. Ругань за обедом, когда дети сидят за соседним столом и всё слышат, язвительные фразочки не поделивших что-то девок в присутствии их отрядов... Для многих это был первый опыт такой работы, и в переломный момент смены солидарность и даже самые прочные основы командной работы могли дать трещину, и Влас это чувствовал на себе. Иногда. Но никогда не позволял себе сорваться.

Долгие дни в лагере переворачивали всё с ног на голову.

Хорошие с первого взгляда вожатые оказывались педагогами-дилетантами, а дети, которые сначала вели себя как исчадия ада, открывали свои хорошие стороны. Так, например, самая драчливая девочка в Варином отряде – десятилетняя Люда, имевшая явные проблемы с социализацией, как оказалось, разбирается в истории. Как-то раз, жуя булку на лестнице, Варя услышала её разговор по телефону перед отбоем:

– ...слушай, мам, а как ты была пионеркой, если в год распада Советского Союза тебе, получается, было только восемь лет?...

У Вари булка пошла не в то горло, она закашлялась и не услышала продолжения разговора, но этого было достаточно, чтобы её удивить. Ребёнку десять годиков, а она уже знает и интересуется. Да ещё и не самой лёгкой для анализа частью истории. Влас к этой истории отнёсся с недоверием, но Варя от этого только больше загордилась тем, что среди её детей есть такие невероятные. Да они все в чём-то невероятные, если так подумать.

– Представь себе такую картину: Геля, вожатая двенадцат-

того отряда, ушла детей купать. Вместе с моими, потому как я со своим горлом сегодня не рискнула заходить в холодную воду. Вот и осталась на берегу с девочкой из отряда, которая в море не захотела. Спрашивает у меня, какое сегодня число. Отвечаю, мол, двадцать седьмое июля. И тут это восьмилетнее дитя выдаёт: «Эх-х, отец через месяц выйдет». Я чуть не упала.

Люди в цыплячьих жилетках расходились, сбегая по ступенькам из штаба, по вожатским домикам. Мимо них двоих, сидевших на джинсовке Власа, постеленной под порогом.

– Варь, ну ты же сама знаешь, почему. Это государствен- ный лагерь. Да, мы были не очень готовы к такому, но это факт. Простых детей сюда не отправляют.

– Да только на меня их горе чуть ли не слёзы наводит... – она помолчала и добавила: – Зато они творческие. Собираются в холле, разворачивают ватман и творят всякий сюрреализм с машинками, кошками и бабочками. Некоторые даже на море берут краски с собой, разрисовывают камушки.

– А потом ими кидаются? – усмехнулся Влас.

– Ох, больная тема была, но сейчас они отучились. Теперь просто окунают их в море и любуются цветными узорами на

воде.

– По сколько им?

– Восемь-десять в среднем.

– Какие мечтатели растут. Подстать вожатым. А кто их этому научил?

Варя раскраснелась, заулыбалась, натянула воротничок футболки на нос:

– А ты как думаешь, кто?

– Ты ж моя умница, – испытывая гордость за оригинальные методы воспитания, придуманные его девушкой, Влас обнял её.

И чем дольше шла смена, тем больше он понимал, что больше всего среди всех фейерверков и танцев здесь самое лучшее – это то, как раскрывает свои таланты его девушка.

А ещё смех.

Смех детей – открытый, безудержный. Над чем-то простым и, возможно, даже глуповатым, но такой искренний.

Смех над удачно выпущенной локальной шуткой, которую понимают только внутри отряда. Тихий, сдерживаемый смешок двух-трёх вожатых на планёрке. Только они знают секрет.

А ещё энтузиазм, с которым товарищи по работе вытягивают тебя из сложностей.

В этом лагере на самом деле было много хорошего.

—

Август

Вернувшись со свечки, Варя открыла ключом корпус,пустила детей и велела им готовиться ко сну. Сама же пошла в туалет и закрыла кран с водой. Кто-то уже третий раз выкручивает их на полную, пока детей нет в корпусе. Варя считала это чьей-то глупой шуткой, но дети думали иначе. Проверяя, все ли улеглись спать, она нашла на пороге мальчишеской комнаты открытый чемодан, в который была высыпана горка сухих сосновых игл. По бокам от чемодана к дверному проёму поднимались белые гирлянды из туалетной бумаги.

– Ну и что это за народное искусство? – поинтересовалась вожатая.

– Капкан для ловли приведений, – ответил ей Захар, до носа укрытый одеялом.

Варя не смогла сдержать смех. Шестеро мальчишек захотали вместе с ней.

– У вас есть пять минут до отбоя, чтобы это убрать.

– Но приведение... – решил было возразить Артём с соседней кровати.

– Я сегодня дежурю здесь всю ночь. Не бойтесь. Поймаю сразу, если увижу, – улыбнулась Варя и щёлкнула выключателем.

Несмотря на новый заезд свеженьких, ещё не уставших вожатых, в последний день уходящей смены заставили дежурить всех поголовно. Для Вари это была уже третья бессонная ночь подряд. Все, даже резервные силы её покинули и сознание держалось на ниточке пакетированного чая, который она пила, не переставая. То и дело сползая по дивану, Варя снова поднималась, пробовала читать Стриндберга, но сосредоточиться было сложно. Поэтому она обрадовалась, когда со ступенек лестницы с ней заговорил новый вожатый, появление которого, она, видимо, не заметила от той же усталости. Заслышав его вопрос, Варя подпрыгнула

от неожиданности:

– Что, скучаешь?

Варе не была приятна эта странная формулировка, но вроде как это не было слишком похоже на подкат, да и разговор помог бы ей не уснуть на дежурстве, так что Варя ответила:

– Да нет, всего-то пытаюсь поддерживать иллюзию относительной бодрости.

Парнишка сошёл по лестнице ближе к дивану Вари, держа огромную суповую кружку в одной руке и какую-то коробочку в другой. Он был небольшого роста, в какой-то цветастой индийской накидке, кудрявый и с щетиной того же тёмного-русого цвета, что и отросшая часть волос Вари.

– Так значит можно тут тебя поразвлекать рассказами?

– Только негромко, а то детей разбудишь, – Варя зевнула на последнем слове, встряхнула головой и добавила себе чая. Кудрявый вожатый поставил на стол деревянную коробочку и открыл её. Внутри были какие-то травы.

– Добавить? – спросил он.

– А что это?

– Шалфей, мелисса, розмарин...

– Чай с розмарином? Интересно, давай попробую.

Парень кинул щепотку в кипток, травинки закружились по чайной глади, некоторые начали оседать на дно.

– Ну, слушай.

Три года назад я работал в летнем лагере под Анапой. Уложив свой отряд спать за пару минут до отбоя, я ходил между комнатами, нащёлкивая пальцами какой-то музыкальный ритм. Со мной поравнялась шагом девочка, тоже щёлкая пальцами, только быстрее. Я ускорил темп, она тоже. Мы оба остановились посреди коридора и из-за всех сил напряглись, чтобы перещёлкать друг друга. В итоге почти сравнялись, но у меня получалось чуть скорее, девочка сдалась, всплеснула руками и рассмеялась со словами: «Зато на ударных круче играю».

Я такому вызову удивился, ведь с барабанами дружу с пяти лет, и тут же возразил:

– А вот и неправда!

Потом ещё и выяснилось, что мы с этим птенцом выбрали в жизни одинаковые профессии и слушаем одну и ту же музыку.

Не люблю уточнять, будем звать её Птенцом, хорошо.

– Звучит как начало истории о нарушении восемнадцатого пункта единых педагогических требований³⁰, – усмехнулась Варя, кивнув.

– Нет-нет-нет, ты что. Это было совсем другое общение.

Вообще у Птенца был свой отряд и свои вожатые, но почему-то ей с первых дней смены хотелось находить в моём плотном рабочем графике крохотные окошки и занимать их собой. Она нечасто так делала, но через три недели, к отъезду Птенца, я успел пожалеть о том, что мы с ней больше не увидимся.

Чтоб ты понимала, что это был за ребёнок, в конце смены я дал ей свой паспорт посмотреть, а она, увидев, что у нас всего два года разница, сказала:

³⁰ Этот пункт призывает к отказу от любых любовных связей во время смены с участниками лагеря.

– Ну и зачем ты это мне показал? Ничего ведь не изменилось, сенсей³¹.

Так вот, проводил я детей домой, Птенец уехал за четыре с половиной тысячи километров от меня и поступил на первый курс ветеринарного дела. Периодически просил у меня разного рода учебную литературу, иногда делился музыкой. А потом очутился на каникулах в Москве и пропал.

Я верил в сознательность этого ребёнка и почти не переживал о том, что если Птенья попала в трудную ситуацию, она не только из неё выберется, но ещё и всех вокруг из трясины вытащит.

Тем летом я много работал, чуть ли не из кожи вон вылез, чтобы накопить на поездку в Питер. А пересадка была где? Конечно, в Москве.

И не поверишь, каково было после пятичасового перелёта, уже во Внуково, получить сообщение о том, что Птенец всё ещё в этом городе, только вышел из больницы, поправлял психическое здоровье всё это время. Правда, я не знал,

³¹ Сенсей (яп. ## – букв. «рожденный раньше») в Японии – вежливое обращение к учителю, врачу, писателю, начальнику, политику и другому значительному лицу.

что с ним могло быть не так, она ведь никогда не говорила об этом, да и потом – лишь с иронией и вскользь. Сорок минут на маршрутке, час на метро, пятнадцать – пешком, и вот он передо мной живой мираж: повзрослевший на год Птенец, с отросшими волосами и большими синяками под глазами, искренне рад видеть меня.

Мы гуляли почти вплоть до моего вылета в Питер, и уже впоследствии оказалось, что эта встреча была для Птенца спасительной тропой возвращения к нормальной жизни. Действительно, с того момента у неё всё пошло в гору: вернулась к учёбе, начала писать роман о студенческой жизни, даже в какой-то момент поехала с родителями за границу... А у меня после самой лучшей поездки в Питер всё покати-лось к чертям. Началось с того, что распались лучшие в моей жизни отношения. Так глупо и плохо. Так плохо, что даже хорошо. Дальше я углублялся и углублялся в причины своей боли. Даже свеженписанный роман Птенца усугублял. Кто что в нём увидел, а я – напоминание о той же боли. И всё вокруг способствовало, всё вело к одному, но сосед по комнате в общежитии трижды помешал этому, и я остался жить дальше.

Но жизнь студенческая не терпела долгого горя. Через пару дней после третьей попытки меня вместе с командой вуза отправили на научные дебаты в Воронеж. Так расстояние

между мной и городом, где жил Птенец, сократилось до пятидесяти километров, но я даже не надеялся на встречу, ведь как раз в то время, она путешествовала за границей с родителями. Но она приехала. С самолёта – на первую пару, с ней – на попутку. Мы снова пересеклись всего лишь на день. Это был поворотный момент, в который я захотел зацепиться за жизнь и выбраться из той топи, в которую сам же зарывался до сих пор. Когда я как-то совсем невзначай пошутил о том, что жизнь моя теперь ничего не стоит и что терять её не жалко, она расплакалась. Так, будто я только что попытался умереть у неё на руках. Прямо посреди улицы, забыв обо всём кроме моей трагичной потери любви к жизни, она тяжело и долго рыдала. Помню, я тогда очень удивился тому, что могу быть так ценен для кого-то.

Вот как всё изменилось за пару месяцев: в августе я помогал Птенцу реабилитироваться и мало-помалу возвращаться в социум, а теперь, в ноябре, она вытягивает меня из похожих проблем.

В тот день рухнула стена субординации. Птенец больше не был моим самым осознанным ребёнком, а я перестал быть её вожатым. Мы стали настоящими, крепко связанными половиной километража России друзьями.

Через полгода мы, оба уже относительно здоровые, пили

«Ягермайстер» у Финского залива в Петербурге. Ещё позже – гуляли в переулках около Старого Арбата и по Подмосковным лесам. Жизнь не оставила мне сомнений в том, что как бы далеко от меня ни оказался Птенец, мы обязательно встретимся.

Внешний мир, наверное, счёл, что мы оба ходим по слишком тонкому льду: у Птенца то и дело спрашивали, вместе ли мы, но для нас обоих было очевидно, что с отношениями эта ментальная связь ничего общего не имела. Когда я отращивал бороду, Птенья подстригала её мне. Да, на это дело у неё глаз был намётан. А я ей однажды даже волосы покрасил. Белая, она была похожа на норвежку, и мне на секунду захотелось так же, чтобы стать окончательно её старшим братом... Глупые, безрассудные мысли иногда лезут в головы тех, кто обязан быть серьёзными. Но Птенцу я больше не вожатый. Я Птене – друг, с которым она к полуночи едет в центр Питера за пельменями, а потом, словно совсем дурная, перебегает через Невский в неположенном, чтоб успеть в метро до закрытия...

Вожатый замер. Во взгляде его что-то застыло, что-то болезненное, надрывное, но это продлилось не дольше секунды.

– Можно я закончу на хорошем? Мы переехали в один город. Та-дам. Зе энд. Конец.

Варин сон как рукой сняло. Конечно, ей было интересно, что случилось с этой девочкой. Но влезать в, как видно, свежую рану, не хотелось. Личные границы её нового знакомого, похоже, были обнесены забором с колючей проволокой.

Она ещё раз оглядела нового вожатого: из-под цветастой накидки торчала форменная вожатская футболка, на правой руке – тату на полруки с инопланетянином...

– Как зовут-то тебя? – только додумалась спросить Варя.

– Зови Шер.

– Настоящая экзотика, а не имя.

– Нет, всего лишь сокращение от Шерлока, – усмехнулся вожатый.

Настоящее имя его выпытывать оказалось бесполезно.

– Ладно, Шер, так ты не новичок?

– Не-а, однажды детей в поход водил. Ну и два лета подряд в лагере под Геленджиком.

– А сам ты откуда?

– Из Сибири, – усмехнулся Шерлок, кудри на его голове при этом дрогнули.

– К чему такая скрытность?

– Скрытность? Я тебе только что вообще-то историю своей жизни рассказал.

– Историю без конца.

– А разве был ещё конец? – удивился Шерлок. – Я здесь в ожидании, когда мне дадут отряд мальков, чтобы самому слепить всё то, за что они потом назовут это лето лучшим.

Варя сфокусировала поплывшее от усталости зрение, пару раз моргнула и посмотрела на своего таинственного собеседника:

– Думаю, ты будешь хорошим напарником.

Шерлок улыбнулся, на одной его щеке появилась озорная ямка:

– Спасибо. А когда распределение?

– Завтра вроде.

Со второго этажа послышался стук, будто что-то упало, и тихий детский смешок.

– Та-ак, – оживился Шерлок, – мне пора. Ещё увидимся, Варя.

Варя впала в ступор на секунду. Её новый коллега уже поднимался по лестнице, когда она окликнула его:

– А я разве представлялась?

– Нет, – улыбнулся он, не остановившись.

– Тогда откуда...

– А тебе всё скажи, да Расскажи, – усмехнулся Шерлок и, тряхнув пружинами-кудрями, исчез в лестничном проёме.

«Прибыло инопланетян в нашем полку», – подумала Варя. Она так и не поняла, какой человек этот Шерлок, но, по крайней мере, она была благодарна ему за то, что он смог отогнать сонливость хотя бы на время. И всё же в половине четвёртого утра, когда густоту чёрного неба начало размы-

вать первыми, едва заметными признаками рассвета, Варя передвинула скамью, стоявшую у стены, чтобы она оказалась поперёк коридора, положила подушку под голову и свёрнутую футболку под поясницу и уснула.

В пересменке лагерь опустел. В течение четырёх дней дети разъехались по вокзалам, рассыпались по своим городам и деревням, и Влас невольно начал скучать по вечным движениям на спортивной площадке. Даже говнюков из шестого отряда не хватало. Варя наконец-то нашла время выспаться. Все вожатые чуть посвежели к началу грядущей недели. Власу на смену приехал новый физрук – девчонка Вика Корсак, баскетболистка с высоким длинным хвостом русых волос, тощими икрами и самой большой стопой, какую только Власу доводилось видеть у представительниц слабого пола – аж сорок первый размер. Тем же вечером на планёрке Арина запоздало сообщила во всеуслышание новость, о которой он догадался ещё утром: Власу дадут отряд.

Здравствуй, возжик дядя Влас.

Целых полтора часа говорили о том, что на четвёртую смену приедет гораздо больше старших ребят, чем раньше, и

что при этом всё в педагогическом составе недобор кадров. Озвучили напарников и раздали списки детей в отрядах. Варю поставили с каким-то новичком, а Власа назвали одного.

– Ну ты сам понимаешь ситуацию, – прокомментировала Ирина Евгеньевна и вручила ему листок. – Ребята, которых мы считаем сильными, могут потянуть и не самых простых деток. Зато представь, какой опыт.

Сначала эта задача показалась Власу вполне выполнимой. Жаль было только того, что Варя снова не с ним: на неё ещё и начинающего повесили. Хотя может это и к лучшему. Будет кому подменить после ночных дежурств, чтобы и она отсыпалась нормально, и дети без надзора не бегали.

По окончании планёрки Влас сразу воспользовался преимуществами Вариного нового положения и забрал её на ночной пляж. Безлюдный берег искрился тишиной, остывшая водная гладь бликовала, кусочек луны был единственным источником света. Они постелили у моря толстовку Власа и сели, сняли с себя кроссовки и носки, окунули уставшие ноги в воду. Разрывая стопами дно и касаясь икрами мокрого песка, Варя залюбовалась умиротворённой темнотой, в которой терялся глаз, если б не редкие серпики лунной дорожки.

– Влас, а каким ты был ребёнком?

Тот помолчал с минуту, тоже наслаждаясь обстановкой, и ответил:

– Не знаю. Драчливым, наверное.

Варя тихо усмехнулась, не отрывая взгляда от водной глади.

– Мои нынешние вот тоже драчливые. И если б не напарник, они бы уже давно весь посёлок перестреляли.

– Ну хорошо хоть Третью Мировую они не развяжут. А у нового напарника этого девчонка-то есть?

– Понятия не имею, – пожала плечами Варя. – Он вообще достаточно скрытный.

– Да? А по мне так наоборот излишне дружелюбный. Для всех он такое солнышко, что масло масляное. Тьфу, – плюнул в темноту, открутил крышку от бутылки с водой и сделал пару крупных глотков.

– Зря ты пыхтишь, Шер так только детей развлекает. Со мной он совсем по-другому общается.

У Власа аж вода не в то горло пошла. Одним громким «Пф-ф-фу-у-у-у» он запустил длинную гирлянду кашля, а Варя принялась хлопать его по спине:

– Дурачок, он ко всем коллегам одинаково... И нечего ревновать.

Всё затихло. Варя прилегла на колени Власа, подложив ладони пирожком под голову.

– Знаешь, несмотря на все сложности, я уже почти не помню, какой была жизнь до этих бешенных семидневок с дай Бог одним выходным на две-три недели.

Влас кивнул и подумал о том, что его эта ответственность тоже сильно изменила. Друзья из Тюмени не занимали мысли. Киев казался вообще прошлой жизнью. Курить не хотелось.

– Да. Здесь чаще весело, чем тяжело.

И всё же всему был свой предел. Третий день наблюдая то, как Шерлок трётся рядом с Варей, Влас всё хуже спал и всё больше думал о том, что он находится сейчас не на своём ме-

сте. На четвёртый день переживаний Влас не выдержал и пошёл с этой проблемой в штаб. Там сидели Ирина Евгеньевна и культ-организатор Вася, вырезающий какие-то карточки из цветного картона. Не обращая внимание на последнего, Влас максимально кратко и прямо изложил всё, что хотел.

– Ирина Евгеньевна,...

– Да, Влас, – перебила она таким замученным голосом, будто к ней за этот день подошло уже человек десять вожатых с самыми глупыми в мире вопросами. Но нет, Влас пришёл не потому, что ему делать нечего, а потому, что накипело.

– Вы очень зря поставили Шерлока на десятый отряд.

Начальница смены подняла глаза от бумаг.

– Думаешь, он плохой вожатый?

– Нет, плохой напарник.

Она вздохнула, отложила стопку документов в сторону.

– Влас, ревность в детском лагере совершенно не к месту. Люди сюда приезжают работать с детьми, а не романы заво-

дить.

– Насчёт него я бы не утверждал.

Эту фразу он еле выцедил без ругательств.

– Влас, каких действий ты ждёшь от меня как от начальника смены? Одна Варя с этим отрядом не справится, а любой новый напарник для детей будет гораздо меньшим авторитетом, чем Шерлок. Он нашёл подход даже к сложным кадрам, и если сейчас его заменить кем-то, снова начнутся драки с выкидыванием людей из окон, понимаешь?

Влас понимал, что Ирина права, но смириться не мог:

– И потому вы легализуете прилюдные подкаты к моей девушке?

Ирина неодобрительно сморщилась от такой прямолинейности.

– Влас, на планёрках ещё в прошлой смене обсуждалось то, что разногласия внутри педсостава не должны быть выставлены на обозрение детей, иначе они непременно повлияют на лагерную жизнь. Так вот, вспомни, пожалуйста, что ты говоришь фактически со своим работодателем, и начни

подбирать слова поаккуратнее. Скрепя волю и сжав кулаки, Влас глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, и на выдохе изрёк нечто вроде последней попытки:

– Вы точно не хотите, чтобы я взял на себя работу Шерлока?

По взгляду Ирины было видно, что обстоятельства её доконали.

– Иди к своему отряду. Ты им нужнее.

– Не нужнее ли им опытный боец?

– Влас, я своего решения не изменю. А ты продолжишь кривляться – домой в два счёта поедешь.

Влас размашистым шагом вышел из штаба, стукнув напоследок кулаком по стене у дверного косяка. Под напором адекватных аргументов она просто закатила глаза, мол, надоел своими вопросами от важных дел отвлекать. «Ебланский городской, как же это тупо!» – колом стояло в голове у него. Эта мысль не умещалась в голове, мешала, кололась, но Влас сделал над собой усилие и пошёл к своему корпусу собирать детей на море.

Итак, получив свой долгожданный отряд из двадцати двух самарских деток старшего возраста, Влас остался разочарован. Слишком много надежд было возложено на то, что они с Варей хотя бы в этой смене будут напарниками, а тут раз – ей дали новичка, а Влас со своими один до конца смены. С досадой глядя на то, как Шерлок и Варя устраивают детям на полянке у соседнего корпуса упражнения на знакомство и сплочение, Влас понимал: у него не получится так же развлекать свой отряд всю смену. А начать хорошо и сдуться впоследствии он не хотел. И тогда пришла идея, что предложить им взамен игр:

– Представьте себе, что вам выпал шанс создать собственную демократическую коммуну в тоталитарном государстве, – говорил Влас на первой свечке. – Условия всего два: вы участвуете во всех общелагерных мероприятиях и вовремя приходите в столовую и к отбою. Нарушите одно из двух – будете жить три недели по расписанию, как все другие отряды.

В кругу воцарилась тишина. Дети, видимо, не ожидали такой свободы.

– Таких привелегий нет у остальных пятисот человек в смене. Так что цените и не глупите, чтобы мне за вас не влетало.

В кругу спешно закивали головами.

– Отлично. А теперь неплохо было бы послушать, как прошёл ваш первый день...

—

– Еду на танке! – кричал Шер, а отряд вторил ему громогласным хором уже почти не детских голосов. – Вижу корову!

– ВИЖУ КОРОВУ!!

Варя шла в самом конце, наблюдая за тем, чтоб никто не отбился и видела, как на последнем слове Вася Гришин, парень в майке-безрукавке, выскочил из строя и напоказ перед отрядом ткнул пальцем в Таню. Та, недолго думая, кинула его через бордюр на газон и начала бить:

– Ты кого тут коровой назвал, мудро?!!

Шерлок почти моментально среагировал и вместе с Варей и другими ребятами бросился разнимать драку. Таню и Васю достаточно быстро удалось оттащить друг от друга на безопасное расстояние. Вожатые уже успели заново построить отряд, когда Варя заметила перелезающего через забор Никиту:

– Орлов!! – заорала она во всё горло, но он уже спрыгнул и оказался по ту сторону каменной ограды.

Шерлок и его напарница переглянулись: снова одному из них придётся вести отряд на море в одиночку, а другому – идти ловить сбежавшего ребёнка.

Староста скомандовал отряду встать ровнее. Видимо, он посочувствовал вожатым. Но Варя расстроена не была. Не впервой же. Это работа с детьми. Это жизнь.

Не досадствовать, а действовать. Букв общих много, достаточно переставить.

—

Влас стоял со своими детьми у медпункта и ждал, когда все желающие пожалуются на свои болячки врачам, когда

услышал громогласное «УОЛЕНЯДОМБОЛЬШОЙ» от второго отряда. Девчонки, едва заслышав их, зашептались и, когда строй проходил мимо них, на три счёта в один голос крикнули: «Привет, Шерлок!» Тот обернулся и помахал рукой в ответ под девичьи хихиканья. Власу этот вожатый не нравился не столько потому, что половина девочек в лагере волоклась за Вариним напарником. Скорее его настораживало то, что они ни разу не посмотрели друг другу в глаза – как-то ни разу не смотрел на него Шерлок ни в столовой, ни в штабе на планёрках, нигде. «А раз взгляд уводит, значит, есть, что скрывать», – думал Влас.

Варя шла замыкающей в строю. Поравнявшись с медпунктом, Влас прикоснулся к вытянутой ладошке своей рукой, поймал её необычайно счастливую улыбку, и ещё долго смотрел вслед. За месяц работы вожатой кожа Вари стала лёгкого бронзового цвета, икры немного округлились, а запястья перестали быть болезненно худыми. Влас заметил, что из под вымывшейся краски для волос снова начал проглядывать зелёный, который Варя так старательно старалась вывести, и усмехнулся. Никакая она не Чернуха. Теперь будет Зеленуха.

Напарники редко попадали вместе на планёрки: чаще одного оставляли дежурить после отбоя в корпусе, но иногда всё же случалось Шерлоку и Варе сидеть вместе и выслушивать длинные речи Арины и Ирины о проблемах насущных. Но всё же была одна причина, по которой Варя такие планёрки нравилась: Арина Сергеевна становилась чуточку веселее. Она чаще шутила, меньше ругала, говорила экспрессивнее, чем обычно. Однажды Варя даже заметила причину таких изменений: старшая вожатая иногда мельком поглядывала на Шерлока. Почему-то все, в том числе и сам Шер, делали вид, что не замечают происходящего, и в один день на тихом часу Варя решила спросить напарника о том, есть ли что-то между ним и Ариной. Шерлок заулыбался в ответ:

– А тебе всё скажи да Расскажи.

Варя ткнула его кулаком в плечо:

– Ох ты ж мужчина-загадка!

На самом деле ей было радостно оттого, что даже сквозь скрытность и безынициативность Шерлока в отношении девушек, кто-то смог разглядеть в нём славного малого. Больших трудов иной раз Варя стоило не подшучивать о связи её напарника с начальством, но при детях личные темы были табуированы, потому что как раз ими мальчишки из отряда

интересовались больше всего.

Первые две недели они донимали напарников вопросами о том, вместе ли они, и только Варе удалось убедить их в том, что они знакомы немногим больше, чем большинство работников лагеря – полторы недели, как детей заинтересовал ещё один личный вопрос. Самый старший карапуз в отряде – Кирилл Муравьёв четырнадцати годиков от роду, прошерстил все соцсети, но так и не выяснил, сколько лет Варе и Шерлоку, и теперь в любой непонятной ситуации забавлял весь отряд просьбами показать документы под самыми нелепыми предложениями в духе «спорим, что если мы обыграем пацанов из первого в футбол, то вы оба дадите нам паспорта посмотреть?»

Шер всегда отшучивался о том, что ему где-то между пятью и сорока пятью и что работает он личным фотографом президента, а для напарницы он придумал идеальное алиби, которое в тайне поведал Захару и Мише в обмен на то, чтобы те рассказали о тайнике, в который второй отряд прячет «Блэйзер» и другое пойло, купленное за территорией лагеря. В этой версии Варе было 34, и в эти годы она успела попробовать лучшие вакансии в мире: дрессировщик дельфинов, директор батутного парка, тренер по дартсу, даже помощником главного винодела в Абхазии, мол, была, но в девяностые дело обанкротилось, и теперь она – врач скорой

помощи. Сама же Варя, узнав о ситуации, в первую очередь удивилась тому, где эти дети умудрились достать «Блэйзер» в две тысячи девятнадцатом году.

Попытки Власа построить демократию в отряде закончились, когда Арина Сергеевна поймала четверых его детей курящими за корпусом. Тогда Влас нехотя начал вводить в жизнь отряда какую-то занятость. Сначала спортивные игры, какие знал. Потом и другие: что-то в интернете нашёл, что-то у товарищей по мужской вожатской подспросил.

Сам по себе Влас был далеко не лидером, но пытался адаптироваться дело вожатого под свой склад личности: раз не нравилось прыгать клоуном перед уже почти взрослыми детьми, Влас нашёл им развлечение, требующее минимум вмешательства: психологические упражнения. Всего-то собрал всех в одном месте, закинул удочку-ситуацию – и сиди себе слушай, как они со всей серьёзностью размышляют о том, как решить вымышленную проблему.

Кстати, на фоне остальных отрядов Власу достались достаточно тихие, спокойные дети. «Всё потому что не из Перми и не из Норильска», – думал он, посмеиваясь про себя. Единственного ребёнка, который поначалу вёл себя вразрез

с правилами лагеря, носился по коридорам на тихом часу и кидался едой в столовой, Влас сделал командиром отряда. Дай в руки маленькому человеку власть, и он отнесётся к ней ответственно: у парня и правда поубавилось желания нарушать порядки, а его гиперактивность оказалась направлена на организацию отрядных дел. Построить ребят на завтрак, раздать роли на репетиции, поставить и разучить танец – в этом Рома Палкин действительно оказался хорош. Как раз при подготовке к одному из мероприятий выяснилось, что он ещё и балльными танцами занимался в начальной школе, так что Влас не переставал удивляться тому, как бывает обманчиво первое впечатление от общения некоторыми с детьми.

22:58. Штаб постепенно наполнялся людьми.

– Все в сборе? – спросила Арина чуть громче шума усталых голосов на фоне, бросила короткий взгляд на Шерлока и улыбнулась. – Тогда начинаем.

Итак, друзья-товарищи, могу поздравить вас с тем, что смена полностью вышла из-под контроля. Дети после десятой объяснительной всё равно курят на хоздворе. От млад-

ших отрядов за километр несёт потом, будто вожатые их вообще не купают, а у старших в мусорках уборщицы уже не раз находили использованные презервативы.

Шер посмотрел на Варю, Варя посмотрела на Шера. Только вчера он отобрал в мужском туалете у Вадима и Юли парочку гусарских резинок. – ...если с первыми двумя случаями вы знаете, как бороться, то что делать с последним – не совсем очевидно. Так вот, уточню: ни в коем случае не отбирайте у детей средства контрацепции.

Варя и Шерлок снова переглянулись, максимально коротко, и чуть не засмеялись в голос оба. – ...разговаривайте, запрещайте, что угодно, только дети не должны становиться родителями, а они в 13-15 лет ещё не понимают, каковы риски. И вообще не выпускайте детей из вида, они многое могут натворить...

Влас тоже сидел рядом и слушал. Ему не нравилось, что об этом повторяют каждую планёрку, и ничего не меняется: кто-то из вожатых всё равно наступает на грабли, а старшая вожатая из раза в раз говорит об одном и том же, забирая у остальных законное время сна... – ...Сёму Василевского сегодня снова поймали, перелезающего через забор с двумя пакетами, полными шаурмы. Сколько можно?... «Ничему жизнь не учит», – подумал вожатый, вспоминая о том, как

хорошо было в прошлой смене, когда дети, за которых он отвечал, всего лишь дрались. И всё же силы и воля – странные ресурсы, возобновляющиеся буквально из ниоткуда. Потому и Влас, и Варя, и Шерлок, и, наверное, весь педсостав были в полной уверенности: они переживут эту смену, и отправят детей домой счастливыми.

—

Варя бегала по коридору, распахивая двери комнат и призывая всех выходить на прогон. Многие из отряда ещё не успели ополоснуться после вечернего похода на море и нехотя, ругаясь, шли строиться возле корпуса.

– Да ёб твою мать, снова голову помыть не дали, – буркнул в полголоса Никита, спускаясь по лестнице.

– Ничего страшного не случится, если ты примешь душ через пятнадцать минут, – ответила проходившая мимо Варя. – А ещё с тебя двадцать слов на букву «ё».

– Всегда ж было десять, – возмутился тот.

– Не возникай, тебя уже не первый раз на мате ловят.

Никита закатил глаза, вздохнул и начал повторять уже по-

что заученную последовательность:

– Ёжик, ёршик, ёкнуть, ёмкость, ёлка, ёрзать, ё-мое...

– Ладно, дуй вниз, всё равно нет столько слов на эту букву.

Проверяя, все ли вышли из корпуса, Варя застала в одной комнате заплаканную девочку, что-то печатающую в телефоне. Увидев вожатую, Оля встала с кровати, заторопилась:

– Извините, я сейчас, я быстро...

– Стой. То есть садись. Расскажи, что случилось.

Оля посмотрела на Варю недоверчивым взглядом, мол, не поймёте вы, тётя, проблем юного девичьего сердца. Но само сердце, видимо решило иначе, и тут Олю прорвало:

– «Мы слишком разные», слишком разные блин! Что, люди должны родиться близнецами, чтобы быть вместе? Что-то не складывается в голове: я лелеяла эту разность, считала её особенностью. Что мне вообще делать, если нет людей, больше похожих на меня, чем тот, который только что продинамил меня так, что хватило бы на десятерых брошенных и обиженных?

Варя не нашлась, что сказать и, заверив паузу тяжелым вздохом как печатью, обняла Олю.

– Девочка моя, всё будет хорошо.

– Нет, не будет.

– Будет. Ты всё переживёшь, только вопрос в том, как. Можешь продолжить убиваться, а можешь полностью погрузиться в развлечения, которые целых сорок человек вожатых вам тут придумывают. В конечном итоге всё равно тебе станет легче.

Оля ещё немного похныкала в Варину жилетку.

– Я теперь чувствую себя инопланетянином. Последним оставшимся во Вселенной. Плавающим в вакууме среди холодных звёзд. В полном одиночестве.

– Ты переживёшь, вопрос только в том, как. Но помни: сама себя из уныния не вытащишь – никто не вытащит.

Девочка, не отрывая головы от Вариного плеча, кивнула.

– Ну что? Заканчиваем жалеть желе и идём на прогон?

– Идём.

– Вспомни что-то хорошее из детства и подробно опиши.

В голове Власа от этих слов возник вакуум.

– Не знаю. Как-то ничего на ум не приходит. Хотя постояте... – и в голове закрутились зимняя картинка, выловленная из недр памяти где-то между семью и девятью годами жизни: – Мы с отцом ездили в горы. Он учил меня кататься на лыжах. Ну, значит, поднялись на пик. Было туманно. Сплошное серое небо резали лезвия горных вершин. Кое-где проглядывались островки лесов. Серо-чёрные шпильки, зубчатые ветки, стоящие неподвижно или выгнутые по направлению ветра... И тут внезапно, всего на несколько секунд висевший над долиной туман куда-то исчез, обнажив иссиня-белые линии – следы от лыж, испещрявшие поверхность гор от нежно-белой каймы до основания, стали видны малейшие неровности на поярчавшем склоне. Будто я прокачал зрение в несколько раз. Представляете?

– Представляю, – с мечтательным видом Арина легла щекой на стол.

И тут Влас с удивлением поймал себя на том, что не так уж и тяжело ему здесь.

– Что за магия такая?

– А я говорила: работает. Проверено многими поколениями вожатых.

– Спасибо Вам. Правда легче стало.

Арина поднялась из-за стола, и хлопнула по спине:

– Давай, топай к своему отряду и не раскисай больше.

—

В самый разгар смены вклинился дождливый день. Утром отменили зарядку, и на завтрак все добирались перебежками из корпусов в столовку, пытаясь проложить как можно больший участок пути под кронами сосен. Дети и вожатые кутались в одежду с длинными рукавами и закрытую обувь. Было непривычно видеть всех такими одетыми, не в майках и шортах.

Вечернее мероприятие отменили из-за ливня, так что Шерлок и Варя развлекали сегодня свой отряд в холле кор-

пуса. Они играли почти весь день, с короткими передышками на обед и полдник. Варя впервые видела, как Шерлок работал на полную мощь, и недоумевала: как ему удаётся держать внимание детей так долго? Да, дети взрослые, более сосредоточенные, и упражнения чередовались активные с более спокойными, что создавало какую-то динамику, но это была лишь капля в море того огромного запала, который Варя и Шерлок выплеснули в этот день. Они по-настоящему вошли во вкус, и каждый в отряде почувствовал это. Двадцать девять человек стали единым механизмом, собиравшимся в шеренгу по цвету глаз и теплоте рук без слов, строившимся в разные геометрические фигуры молча. Они видели смысл в каждой мелочи, которую получалось сделать вместе, и это делало их счастливыми, а Варя и Шерлок гордились тем, что создали целую империю сплочённых творческих детей, претендовавших теперь на звание лучшего отряда.

Вечером Шер вытащил гитару, и все уселись на полу холла в круг. Пели разные песни: и про перевал, и Гречку, Битлов, Коржа, Би-2, Цоя... Даже когда вожатый убрал гитару и объявил, что теперь у детей почти два часа свободного времени, несколько девочек осталось сидеть и петь Алёну Швец. Кто-то просто общался. Кто-то даже пустил слезу. Эмоций было так много, что можно было и не говорить о них.

Варя помогла напарнику зачехлить гитару.

– Давно меня в душе не было, – усмехнулся Шерлок. – Последишь за детьми пятнадцать минут?

– Конечно.

– Хотя, думаю, мы их сегодня достаточно разогрели и вымотали, чтобы им сейчас было лень творить глупости.

– Да не то слово, – Варя преисполнилась самых чистых положительных эмоций и сейчас была готова благодарить всех за всё: Спасибо тебе за это.

– Мне? Ты чего, это ж наша обоюдная заслуга.

– Я бы без тебя на порядок хуже справилась.

– А я без тебя... Глаза Шерлока искрились. Хотелось Варю обнять, но в неловкости они так и стояли и смотрели друг на друга ещё несколько секунд, улыбаясь, преданными щенячьими глазами, пока кто-то из девочек не завизжал в коридоре под всплеск воды.

– Боже. Они что, водой надумали обливаться в корпусе? – вздрогнула Варя, и выбежала к детям, громким голосом перебивая им всё веселье: – Так, кто тут по водным процеду-

рам соскучился?!

Наверное, самым запоминающимся событием этой смены для детей был «Кинофестиваль» – вечер, в который дети делали сценки из известных фильмов. Было очень много юмора и креативных решений, доведённых чуть ли не до абсурда, но это лишь плюс к первому. И дети, и вожатые хохотали до слёз, Влас в том числе. Он диву давался, как некоторые отряды покрасили и склеили чуть ли не целые картонно-бумажно-пакетные города, как, оказывается, умеет петь главный хулиган смены – пятнадцатилетний Гриша по кличке Жигало. Он от души хлопал отряду, поставившему русскую народную версию «Острых козырьков»³². Главный приз – огромный ящик конфет в тот день взяли ребята, отыгравшие «Детей шпионов или отцов пижонов». Влас поддался атмосфере всеобщего ликования, смеялся от души, поздравлял победителей и активнее всех помогал детям и вожатым убирать декорации. И когда в корпус принесли последнюю партию картонных деревьев, Влас и спасатель Вова, оставшиеся позади всех, закрыли дверь на ключ и направились на танцплощадку, где уже начиналась дискотека. Между диджейской будкой и жилыми домиками Влас почувствовал

³² Исторический криминальный сериал, основанный на реальных событиях, про преступную группировку, базирующуюся в Бирмингеме, Англия, в конце 1800-х и начале 1900-х годов.

странный запах, доносившийся из мужского туалета.

«Да ну нафиг. Марихуана в детском лагере?» – подумал он, ещё раз напряг нюх и всё равно не поверил себе. Но тут его сомнения в собственном обонянии опроверг Вова, шедший рядом:

– Мне кажется или травой воняет?

Оба на секунду замерли и медленно, на тишайших цыпочках направились на запах. Влас заглянул за перегородку и увидел, как трое старших ребят и девчонка из его отряда передают по кругу самокрутку.

«Конфет им мало, чёрт подери», – подумал Влас, а вслух сказал:

– Да, они там курят. Пошли.

Пафосно, как «люди в чёрном», они вывернули из-за угла. Совсем как в фильме сверкнула вспышка камеры с воинового телефона.

«Опытный чувак, – подумал Влас. – Сразу взял и зафиксировал».

Все четверо нарушителя резко изменились в выражениях лиц. Мальчик, в руке которого оказалась единственная и главная улика, попытался уничтожить её, но Влас успеть поймать его за руку.

К сожалению, проблемы ожидали не только провинившихся детей, но и вожатых, которые «недосмотрели». Так и причастная к тому случаю девка была из отряда Власа. Ему досталось по самое «не хочу». В этот же день состоялась самая длинная планёрка за всю его жизнь.

В тот вечер Влас вышел из штаба очень злым: оргсостав полтора часа без пауз и перерывов как в кофемолке перетирал уставшие нервы вожатых за инцидент с травой. После планёрки он стремительным шагом направился к корпусу, и даже головы не повернул на оклик Вари. Та решила, что Влас не услышал, догнала его:

– Влас, что с тобой? Сам же понимаешь, что твоей вины тут нет ни капли.

Тишина. Нет ответа.

– Ты же знаешь Ирину. Эти все поучения были только для того, чтобы другие вожатые не расслаблялись. Но ты не из тех, кто работает в полсилы, значит, к тебе это мало отно-

сится.

Влас, не сбавив шага, посмотрел на Варю ошалело, мол, «мать, ты сама не слышала, сколько раз там моё имя упомянули»? и, дойдя как раз в тот самый момент до корпус, так резко закрыл дверь, что Варя на секунду испугалась, как бы она не слетела с петель и не сшибла саму девушку с порога.

Дыхание перехватило, и ещё на несколько секунд Варя замерла на крыльце перед дребезжащей от удара дверью. Она посмотрела вниз. Даже в рябющем свете еле живого фонаря на ступеньках и порожке были видны ошмётки синей краски, отлетевшей от косяка. И тут неожиданно, невольно, сквозь великие сопротивления разума прорезалась в голове Вари мысль, которая испугала её саму: мысль о том, что её напарник не такой псих, как её парень.

Настроение было замечательное: ещё бы, никаких дежурств сегодня, никаких пьянок. Только часик планёрки – и долгожданный почти полноценный сон. Варя пришла в штаб довольная, оглядела собравшихся вожатых, не нашла среди них Власа и села рядом с напарником.

– Ты тоже сегодня спишь нормально? – усмехнулась Варя,

толкнув Шерлока в плечо.

– А то. Сам рад. По графику на нашем этаже сейчас Настя Борисова.

– Это какая из двух? На пятом отряде вроде обеих вожатых Настями зовут... Варя не договорила: в штаб зашли члены оргсостава, и планёрка началась. Варя слушала, слушала, да и заскучала: шёл разбор ошибок других вожатых. Говорила в основном Ирина Евгеньевна, а старшая вожатая просто сидела рядом молча. Варя смотрела в лица своих коллег: некоторым из них не было ещё и восемнадцати, но они уже вели за собой целые отряды из детей, которые по факту были того же года рождения. Варя смотрела на Арину: интересно, а ей сколько лет? И почему она такая грустная сегодня? Тут Варя заметила, что она ни разу за вечер не взглянула на Шерлока.

«У вас с Ариной что-то случилось?» – напечатала она в заметках на телефоне и легонько толкнула Шерлока локтём. Тот посмотрел на экран, улыбнулся и взял в руки Варин телефон. Он долго что-то печатал в ответ, отвернувшись от напарницы. Во всяком случае, ей показалось, что долго. Спустя пару минут он отдал ей телефон, с всего-то одной напечатанной фразой в заметках:

«А тебе всё скажи, да Расскажи».

—
— Еду на танке!

— ЕДУ НА ТАНКЕ!!

— Вижу корову!

— ВИЖУ КОРО-ОВУ!!!

Уже никто из Вариного отряда не стеснялся этой кричалки, а наоборот: семнадцатилетние лбы со всей мощью горла-нили, заставляя идущих к морю отдыхающих оглядываться. Шерлок орал громче всех, с размахом жестикулировал, да так экспрессивно и заразительно, будто вёл свой отряд не на пляж, а в бой. Дети тоже почувствовали заряд хорошего утра и раззадорились: каждый с удовольствием подхватывал право запевать, переходившее от одного к другому по очереди.

Варя после дежурства чувствовала себя и в половину не такой активной, как остальные, потому была вдвойне благо-

дарна и напарнику за то, что спасал её, и детям за отдачу. На настроении сказывалась невозможность чаще видеться с Власом, но Варя всё убеждала себя в том, что это просто последствие этапности отношений, и всё скоро пройдёт.

Пла-ла-ла-ла-

ла-ла-ла

ла-ла-ла (мелодия из какого-то советского фильма³³)

Пла-нёр-ка грёбаная.

Иногда Власу казалось, что в оргсостав лагеря набрали неудавшихся ораторов и стэндаперов – они всё говорили, говорили и говорили. Уже время полночь, а они с таким кайфом вещают на публику, отчитывают, мотивируют, и сна – ни в одном глазу.

Выйдя из штаба, Влас чувствовал себя придавленным проблемами лагеря. Всё это напоминало плохую попытку игры в Sims³⁴: половина вожатых просто провалила эту смену,

³³ Песня вокально-инструментального ансамбля «Песняры» – Косил Ясь конюшину (1971)

³⁴ Компьютерная игра в жанре симулятора жизни.

а оргсостав вроде и хотел как-то повлиять, но отчасти уже смирился с тем, что дети выбились из-под контроля.

Влас и Варя остановились молча на лестнице, глядя друг а друга: такая усталость читалась в Варином взгляде, таким утомлённым ощущал себя Влас после долгого дня и полуторачасовой планёрки, что на слова сил не осталось. Они просто стояли молча обнявшись.

Мимо прошёл напарник Вари. На секунду они с Власом пересеклись взглядами, но Шерлок быстро отвёл глаза, не сбавляя шага. Он направлялся к вожатскому домику, как и все, но что-то в нём всё-таки казалось Власу подозрительным.

– Странный какой-то у тебя напарник, – заметил Влас.

– Почему же? – удивилась Варя. – По мне так наоборот он очень уравновешенный, всегда помогает, если нужно и никогда обязанности не перекладывает.

– Да я не об этом. Он на нас с тобой как-то не очень добро посмотрел.

– В каком смысле?

– Обычно люди улыбаются, когда нас видят вместе ну или всё равно иначе реагируют. А он просто отвернулся и дальше пошёл.

– Ну может он не хотел отвлекать нас своим появлением. Засмутился, всё такое.

Пауза.

– Всё равно он мне не нравится.

– Дурачок, – Варя легконько ткнула его кулаком в предплечье, не прекращая обнимать.

Удивительно, какая отдушина – эти объятия. А с такой работой и особенно.

—

В бесконечной суматохе подготовки к ежедневным мероприятиям никто и не заметил, как количество дней смены перевалило через середину, а потом и вовсе осталось меньше недели до первого поезда в Норильск. По детским воспоминаниям Влас знал, что сейчас оно пойдёт на убыль быстрее, как заканчивается последний кусок вкусного домашнего пи-

рога: и дивишься тому, как быстро доел, пусть и собирался подольше растянуть лакомое удовольствие, и хочется ещё.

Потихоньку ко всем обитателям лагеря подкрадывались скучания по тому, что ещё не ушло. И если Варя уже отпустила один отряд в прошлой смене, то для Власа это был совершенно новый опыт. Впервые у него были свои дети. Глупенькие, смышлённые, спокойные, отчаянные – разные, но все полюбившиеся. Влас не мог насытиться последними днями: давал им разные игры, вводил новые кричалки – потому что детям нравилось, а он хотел сделать для них лучшее на прощание.

Всё менялось.

Всё становилось другим.

И даже не особо разговорчивые дети открывались теперь с иной стороны.

Погожим утром сидя на берегу моря, казавшегося после вчерашнего ливня чрезвычайно тихим, Влас удивлялся тому, что самый непоседливый отряд и правда охватила сентиментальность. Уже никто не пытался убежать с пляжа за шаурмой и сигаретами. Ранее враждовавшие потихоньку подсаживались друг к другу и начинали разговаривать. Ленивое

лето пекло их спины. Ларьки с мороженым и кукурузой были закрыты – воскресная тишина грела уставший слух.

Влас ронял голову каждые пятнадцать секунд: ещё ни разу у него не было трёх ночных дежурств подряд. Боясь лечь на прибрежную гальку и окончательно провалиться в сон на рабочем месте, он решил провести с детьми игру. Но им было так же лениво, как и ему самому, по правде говоря, так что предложение попрыгать с мячиком по пляжу не было принято отрядом. Тогда Влас решил поговорить с девчонкой, заговравшей ближе всех к нему. Это была маленькая щуплая Наташка, которая во всех сценках играла роль маленького дитя. У Наташки были крашенные в чёрный волосы, которые отрасли за время отдыха, и на корнях стал виден её натуральный цвет – светло-рыжий. Честно говоря, Влас не знал, зачем девчонки всё время выбирают цвета пострашнее и всё время пытаются как-то менять свой внешний вид: то брови, то губы, то ногти... А эта ещё и сердце какое-то странное подчёркнутое на ноге набила. Влас, кстати, не видел его раньше, потому и решил спросить:

– Что за татуировка у тебя такая?

Наташа повернула голову к нему, неловко улыбнувшись, а её подруга Аня, отдыхавшая рядом, засмеялась и приподняла панаму с лица, чтобы посмотреть на водителя.

– Сама сделала прошлой зимой, – нехотя ответила девочка.

– Она что-то значит?

Аня ещё раз усмехнулась.

– Ну-у.. значила. Я вообще её вместе с парнем сделала, а потом мы расстались, и имя парня пришлось закрасить.

Влас присмотрелся к чёрточке под красным контуром сердца и увидел неровность – там раньше были буквы.

– ...а потом Анька сделала такую же.

Подруга Наташи в голос захохотала и снова закрыла лицом панамкой.

– Как? Тоже на ноге?

Аня привстала и подняла левую руку. Сбоку, на рёбрах, перетянутое узкой полоской купальника, красовалось точь-в-точь такое же маленькое сердечко. И даже зачеркнутая надпись – один в один.

– Не ну а чё она будет смотреть на татуху и думать о каком-то дебиле? Пусть лучше обо мне вспоминает, – прокомментировала Аня. – Я от неё никуда не денусь. С пелёнок дружим же.

Влас усмехнулся и снисходительно улыбнулся девочкам. Им ведь всего лишь по четырнадцать. «Глупышки, – думал он, – но какие милые и дружные». Он был рад научиться понимать таких людей.

Ещё он был рад тому, что ему, с виду суровому и угрюмому, доверили эту историю без страха осуждения.

Он был рад танцевать на дискотеках в кругу своего отряда, пусть и под дурацкие песни модных нынче Темниковой и Бузовой.

Он был рад соприкоснуться с тем, с чем будет работать всю жизнь, и понять, что не прогадал.

Он был рад провести здесь половину своего первого самостоятельного лета.

В последние дни смены смешалось всё: и скопившаяся усталость, и так скоро возникшая привязанность к детям, и желание последний раз зажечь после планёрки с педагогической командой. Дети обнимались, плакали, дарили друг другу браслетики, рисовали на футболках... Вожатые же ходили чуть ли не пошатываясь от эйфории. На глазах всё превращалось в воспоминания, и это пьянило, да настолько, что в день закрытия смены Влас повёл троих старших пловцов-детдомовцев нырять с волнореза. Он знал, что они впервые видели море в этом году.

Девчонка из младшего отряда подарила Власу сентиментальную гуашевую картинку, которую назвала «физрюк», а оргсостав устроил на последней планёрке «Хогвартс и сыворотку правды» – так назывался вечер, в который каждый вожатый мог рассказать всем один секрет, касающийся лагеря, безнаказанно, даже если при этом был нарушен педагогический устав. Сначала все отнеслись к такой идее исповеди настороженно, но когда методистка Ольга Валерьевна, самый старший человек в руководстве, встала и на весь штаб притворно и комично заявила:

– Я! Обожаю! Детей! И ненавижу! Ведомости!

Все рассмеялись. После этих слов ряды вожатых зашепта-

ли, оживились, со всех сторон посыпались признания:

– А я спал на дежурствах!

– А мы нечаянно закрыли в корпусе ребёнка перед дискотекой.

– А мы с напарником делили тихий час пополам. Следили за детьми по очереди и по очереди спали.

– А я своим детям в качестве прощального подарка за «Кубок самых танцующих» на дискотеке купила огромный арбуз, – рассказывала толстая вожатая с добрым лицом (кажется, Кристина), когда очередь дошла до неё. – Так вот, сидят они в закрытой комнате, кушают втихаря, а капитан отряда спрашивает: «А Вы ещё один арбуз купите, если мы на последней дискотеке возьмём ещё одну награду»?

Весь штаб захохотал.

Влас с этой вожатой мало пересекались, но была у Кристины одна черта, которой аплодисментов стоя было бы мало: когда над ней шутили, громче всех смеялась она сама. Когда взрывы всеобщего хохота утихли, она сунула плюшевого ёжика, ходившего по кругу вместе с правом голоса, в руки Шерлока. Тот слегка вздрогнул, будто это вывело его

из раздумий и сначала сказал, что ему нечего поведать миру, и он свои обязанности выполнял примитивнейшим образом, но коллектив запротестовал:

– Боже правый, и это говорит человек, который попросил членов оргсостава не разглашать своё имя, – заулюлюкала Арина. – Давай уже, колись.

Шер улыбнулся смущённо в пол и, видимо, польстившись такому вниманию, после недолгих уговоров согласился. Он дождался тишины и заговорил.

– Хорошо-хорошо, расскажу, только начало может показаться совсем отвлечённым, но вы обещайте дослушать до конца, ладно? – дождавшись, когда стихнет одобрительный возглас вожатых, он продолжил: – Все, кто хоть раз со мной общался, знают, что я люблю наблюдать. Эта история началась ещё до лагеря, и как-то судьбоносно перекочевала сюда. Я наблюдал за комнатой, в которой всегда танцевали. Иногда ещё пили, по будням учили, изредка – ссорились... Сначала это было непроизвольно. Я просто выходил курить на балкон, и это окно в доме напротив на пару этажей ниже бросалось в глаза. Там не было занавесок и всегда горел свет. Там общались, разливали пиво на ковёр, ругались и танцевали как черти. Мне нравилось смотреть на то, чего не было у меня самого, я делал это часто, и скоро начал узнавать по-

стоянных участников этих тусовок в лицо. На улице, в трамвае, в университете... Особенно часто я видел одну девушку. Вероятнее всего, она жила в той квартире. Я украдкой любовался её походкой по пути на пары, её руками, когда она складывала овощи в пакет на рынке, её бесноватыми пьяными танцами в вечернем окне. Да, они не отличались ни пластикой, ни женственностью, но прежде я никогда не видел, чтобы человек, танцуя, так открыто, без стеснения являл миру себя настоящего.

Как-то раз, сидя позади в автобусе, я заметил прядь её волос, ниспадавшую на спинку кресла. Я хотел дотронуться, но не осмелился.

В штабе послышался свист, и все засмеялись. Шерлок, широко улыбаясь, повысил голос:

– Вы только не подумайте, что я маньяк. Трогать я её точно не собирался.

– Ага, волосы тоже, – усмехнулся спасатель Ваня.

– Не язви, умник.

– А то что, накажешь?

– Ещё как.

Штаб взорвался хохотом.

– Ладно, ребят, хорош шутить. Человек тут очень сокровенной тайной делится, – громко сказала Лида, вожатая с длинными худыми ногами из Краснодара.

Все мало-помалу успокоились и снова создали тишину.

—... Дабы не разрушить это прекрасное таинство, скрашивавшее мою повседневность, я нарочно не знакомился с ней, – продолжал Шерлок, — даже когда предоставлялась возможность. Но иногда я оставлял ей маленькое послание: слово «привет», переведённое шифром в шесть цифр на кодовом замке велосипеда, на котором она...

Мгновенно вспыхнувший багровой яростью Влас в бешенстве сорвался с места. Ему даже показалось, что он услышал свист рассекающего воздух кулака, прежде чем он врезался в челюсть Шерлока.

Прежде чем мужская часть педсостава смогла разнять дерущихся, Влас успел повалить Вариного напарника и нанести ещё четыре удара по лицу. А он и не сопротивлялся почти. Уши заложило от давления. Только когда его оттащи-

ли в сторону спасатели и Арина, он заметил, что Варя кричит. С тем, что он и раньше слышал, как она повышает голос, теперь в выражении Вариного лица читался настоящий ужас. Шерлока Влас не видел: вокруг него столпились вожакие. «И чего он там валяется, дурень? – думал Влас. – Пара ударов же всего была... Ох, чёрт». Шерлок поднялся на ноги, и Влас только сейчас узрел, что стало Вариным напарником. От носа к подбородку растекалось размазанное кулаком Власа пятно крови, правая часть лица отекала и посинела, глаз – хорошо, если просто опух, а не заплыл... Власу самому сделалось жутко. Не верилось, что это всё он сделал за пару секунд. Шер окончательно пришёл в себя и принялся успокаивать всполошившийся педагогический состав и чуть не зарывавшую над его гематомами Арину Сергеевну.

– Ребят, я в норме, не нужно врача звать.

– Но ты весь в подтёках.

– Синяки у меня и без больших воздействий появляются из-за проблем с сосудами. Да успокойтесь же вы, мне правда помощь не нужна...

Влас поймал грозный взгляд старшей вожатой, приближавшейся к нему. От былого расстройства не осталось и следа: теперь её, настроенную крайне по-боевому, просто рас-

пирало от возмущения:

– Твою ж мать, Борзенко, – тихо, но от этого не менее экспрессивно выругалась Арина Сергеевна. – Ему в таком виде ещё два дня с детьми работать.

Влас ничего не ответил, а старшая вожатая явно ждала объяснений.

– Это пойдёт в личное дело. У тебя будут проблемы с поиском работы на всю оставшуюся жизнь.

Да, этого Власу не хотелось бы, но он по-прежнему молчал.

– Сам-то хоть понимаешь, что натворил?

– Понимаю, – сказал Влас после непродолжительной паузы.

– Значит, разгребай теперь всё это сам. Восемнадцать лет, не дитя уже.

Кажется, это был первый раз в жизни Власа, когда его поставили перед фактом: придётся ответить за свои кулаки. Вот тебе и летняя практика, чёрт.

Вот тебе и взрослая жизнь.

Но рефлексия не успела захватить мысли Власа: в штаб вбежал рыжий мальчик из шестого отряда и наполовину беззубым ртом закричал:

– Пожа-а-ар!!

Всеобщее напряжение вспыхнуло с новой силой, и все сорок человек педсостава хлынули на улицу. После всего, что было сегодня, такая новость казалась гнусной шуткой.

С порога корпуса огня никто не увидел, но мальчик выбежал вперёд и заорал:

– В четвёртом корпусе!!

Толпа ринулась в сторону морской тропинки в дальний угол территории лагеря. На глазах у Власа вожатая одного из младших отрядов набегу потеряла вьетнамку, но даже не остановилась – пролетела как пуля по сухим сосновым иголкам, лишь вскрикнув негромко в начале.

Вот за деревьями показался поднимающийся столб дыма. Влас попытался вспомнить, что за отряд обитал в том кор-

пуге, но усталые мысли так и не собрались вместе. Он из последних сил поднажал и выбежал вперёд.

Вот и тот злосчастный. Вот и дети, успевшие выбежать. Слава Богу, не младшие.

– Звоните пожарным! – крикнул им кто-то за спиной Власа.

Из окна второго этажа, сопровождаемое девичьим визгом, вылетело на улицу горящее одеяло. Шерлок, с заплывшим глазом и кроващим носом, вырвался из толпы и оттолкнул ребёнка в пижамных шортах, стоявшего под тем окном. Что было дальше – Влас не видел. Не было времени глазеть. Он вбежал в коридор и, крича о том, чтоб все бежали на улицу, не собирая вещей, стал оглядываться в поисках огнетушителя. Тут рядом откуда ни возьмись вырос спасатель Вова с большим красным баллоном:

– Где горит?! – крикнул он.

– Не знаю. Точно не на первом, – ответил наспех Влас. Ноги уже несли его через лестничную клетку наверх.

– Выходите все, быстро!! – кричал он в каждую комнату, распахивая все двери, встречавшиеся на его пути. Глаза сле-

зились, щёки жгло. Источник огня оказался в предпоследней комнате. Влас, не сдерживая себя в ругательствах, выгнал оттуда девку, судорожно искавшую что-то в шкафу и ещё двух человек из туалета. Около пожарной лестницы столкнулся с Ириной Евгеньевной.

– Там всё пусто, – она кивнула на другую часть коридора.

Из-за её спины выбежали Ваня и Вова с огнетушителями.

– Не лезьте туда, огня уже много.

Но те прошмыгнули мимо, не услышав его слов.

Другие вожатые вывели детей с первого этажа, а Влас, со слезящимися от дыма глазами, ещё раз всё проверил, выбрался на улицу и упал от усталости.

– Эй, всё в порядке? – услышал он.

– Я – да, – не поднимая головы ответил Влас. – Пожарников вызвали?

– Конечно.

Он выдохнул. Шум множества взволнованных голосов то

и время перекрывали призывы Арины Сергеевны расходиться к своим отрядам. Слышались попытки вожатых пересчитать детей, спасшихся из горящего корпуса.

– Все?

– Да, двадцать шесть. Все.

Влас насладился последними секундами отдыха на ещё тёплой после жаркого дня земле, встал, отряхнулся и пошёл прочь.

И ночное дежурство сегодня. Как назло.

Уже не боясь быть облитым холодной водой, он перегородил скамейкой выход из корпуса, вытащил из шкафа с кацелярией пыльную подушку, накрылся курткой и провалился в сон.

Казалось, прошло меньше минут, когда его разбудил Шерлок, стоявший над скамейкой в дверном проёме.

– Поговорить надо.

Наверное, тогда Влас протрезвел от той всепоглощающей ярости, что не держала его последние несколько часов. И не оставила бы, если б не усталость. Свистом тормозящих колёс пожарной машины звучали мысли: «Отчего я приревновал Варю, если знал, как она предана мне? Почему одного интереса Шерлока к моей девушке оказалось достаточно для того, чтобы в чём-то обвинить её саму? И почему я только теперь понимаю абсурд всего, что произошло?» Живот и часть груди до сих пор чувствовали жар горящего здания, толчок и крепкую хватку рук морских спасателей, вытягивающих Власа из драки. «Что ж, обезвредили так обезвредили. Как психа какого-то заломили вчетвером. Хотя, наверное, я и есть псих, раз смог упрекнуть свою девушку в том, что она кому-то нечаянно понравилась». Да и разве могла быть та симпатия взаимной?

Влас попробовал подняться со скамьи, но все кости гудели. Судя по всему, это отразилось на его выражении лица, потому как Шерлок спешно заверил его, что вставать не обязательно. Но Влас всё равно сделал усилие, встал и протянул руку Шеру. Тот пожал её.

– Не покушайся более на чужое.

– И не думал. Я от Вари не взаимности искал, и вполне

мог бы ограничиться редким товарищеским общением.

– Если ты мазохист и сам хочешь до скончания веков сидеть во френдзоне³⁵, то хотя бы не мучай Варину совесть. Ей ведь тоже не особо приятно отравлять невзаимностью жизнь хорошего парня.

Шерлок молчал. Выражение его лица дало понять, что он думал об этом и раньше, и сейчас едва ли возразит.

Они вышли из коридора через пожарный выход, поднялись наверх, и на лестничной площадке третьего этажа, смотря пустым взглядом в редеющую черноту августовской ночи, Влас впервые нарушил устав и закурил на территории лагеря. Шерлок разделил этот грех с ним.

– И велик Варин больше не трогай, – сказал Влас, прежде чем они оба разошлись по постам дежурства. Ночь предстояла самая долгая за смену. Последняя.

—

—

Если Влас был рад вздремнуть на дежурстве напоследок,

³⁵ Френдзона (от англ. friend zone «зона дружбы») – ситуация, в которой один человек влюблён в другого, но тот воспринимает влюблённого только как друга.

то Варя наоборот не могла сомкнуть глаз. А потом ещё и Шерлок пришёл дежурить на соседний этаж, и ожидание объяснения повисло в воздухе, не давая покоя. Варя поймала себя на мысли о том, что это первое дежурство, на котором она не клюёт носом. Где-то наверху зашумели. Варя поднялась, заглянула в комнату, со всей грозностью приказала спать и отобрала у Никиты зубную пасту. Снова выйдя в коридор, она обнаружила, что Шера там нет, и за детьми никто не следит. Выждав пару минут и по отсутствию шорохов убедившись в том, что все дети спят, Варя собралась было искать напарника, но он оказался на общем балконе того же этажа.

«Вот как ты меня на разговор вызываешь?» – подумала Варя и, отодвинув порисованную фломастерами занавеску, прошла к нему.

Молча облокотившись на перила, они разводили взгляды, не зная, с чего начать. Самая долгая ночь в смене была сметена с неба первыми лучами зари. Такого привычного – и Шерлок, и Варя ведь сто раз видели его на ночных дежурствах, на попойках на пляже и выходных – будто ничего и не произошло. На секунду они всё же смогли посмотреть друг на друга и после продолжительной паузы Варя колко вымолвила:

– Ну теперь понятно, почему Шерлок.

Оба посмеялись, и снова возникла вязкая, тягучая тишина. Варе было неловко, и она решила, что прервать её неоформленным потоком сознания будет лучше, чем продолжать молчать:

– Шер, это же просто преступление: подружиться с девочкой, стать важным человеком в её не очень-то интересной и насыщенной такими классными людьми жизни, а потом просто взять и превратить это в козырь в попытке сделать её своей, – Шерлок попытался перебить её каким-то несогласным возгласом, но она продолжила: – Просто манипуляция какая-то. Ты же понимаешь, что единственный честный выход из сложившейся ситуации, который мне подсказывает сейчас совесть – прервать наше общение, дабы не дать твоей симпатии стать болезненной манией, и с Власом тоже перестать общаться...

И тут Шерлоку всё же удалось её перебить:

– Как так? Ладно со мной, а с Власом за что?

Варины глаза округлились так, будто он подверг сомнению что-то само собой очевидное.

– Дурак, ты своё лицо видел? Я больше не хочу, чтобы при мне били людей. Иначе ничто не исключит того, что он может ударить близкого мне человека, а может и саму меня...

– Варь, это всё поправимо. Вы сможете поговорить, – попытался изменить ситуацию Шер.

– Сможем или нет – часть себя на помойку не выкинешь.

Шерлок замолчал. Все его доводы теперь казались ему жалкими, но, кажется, он всё же смог найти слова, которые могли подействовать:

– Ты не можешь знать всё, что у него внутри. Это повод, но не причина, чтобы рвать такую крепкую связь. Может только с твоей помощью он и сможет измениться. Вообще все эти мысли о расставании скорее оттого, что ты устала после дикой ночи. Хочешь пойти поспать?

– А ты?

– А я тут останусь, подежурю.

Варя взглянула на часы:

– Полтора часа сна едва ли что-то изменят. Да и вряд ли

у меня получится после такого стресса.

– Да уж. Хорошо хоть никто не пострадал.

– Никто, говоришь? – Варя снова оглядела левую половину лица Шерлока, на которую пришлось больше ударов, и они снова захохотали:

– И смех, и грех.

– Надеюсь, это не так больно, как выглядит, – Варя поджала губы.

– Не беспокойся. На мне всё как на собаке заживает.

С этими словами Шер молча вышел с балкона, скрывшись за белой занавеской. Через пару минут вернулся с двумя кружками кофе и снова заговорил:

– Ты действительно думаешь, что я хотел от тебя, барышни-русальшни, грозы девичьей вожатской, отношений? Первое время – может и да, но потом я познакомился с тобой очно и понял, что мои наблюдения издали – школьная пародия на «Амели»³⁶.

³⁶ Французская романтическая комедия 2001 года режиссёра Жан-Пьера Жёне.

Всё неминуемо закончилось бы. За пределами лагерей всегда другая жизнь. Люди, даже пообещав не забывать, поддаются повседневности и наше вечное лето увядает. И в том случае, если б у меня не хватило смелости открыться тебе при всех, я оставил бы в покое и твой велик, и вас с Власом. Всё, что мне было нужно – отдать эту историю тебе со всеми остаточными переживаниями и забрать себе только белый лист, с которым я пойду дальше. Не больше. Так я буду честен по отношению к тебе, к себе, к Арине – она наконец-то перестанет загоняться и накручивать...

– Шер, вот зачем ты её отодвинул? Хорошая же девушка, ну! И ничего, что из начальства, – засмеялась Варя.

– Эх, Варя-Варя. Если б можно было оценить плюсы-минусы и влюбиться как по щучьему велению... И снова пауза. Не такая тяжелая как раньше – заполненная осмыслением произошедшего.

– Шер.

– А?

– Ты хотя бы теперь скажешь, как тебя на самом деле зовут?

– Не скажу.

– Да брось, интересно же!

– Разве это так важно?

– Да! Я всю смену думаю о том, какое такое имя у тебя необычное, раз ты его так тщательно скрываешь.

– Совсем наоборот. Оно простое.

– Ну какое?

– Александр Багров, – выпалил он так быстро, что по прошествии мига молчания на лице его стали заметны колебания. Но секунда – и складки мимики разгладились.

– Почти как Бодров³⁷, – Варя постаралась сдержать усмешку, но получилось из рук вон плохо.

– Не представляешь, сколько раз за свои восемнадцать лет я это слышал.

³⁷ Бодров Сергей Сергеевич – советский и российский киноактёр, кинорежиссёр, сценарист и телеведущий. Кандидат искусствоведения. Исполнитель главных ролей в фильмах «Кавказский пленник», «Брат», «Стрингер», «Восток-Запад», «Брат 2».

– Хороший же фильм.

– Нет, – улыбнувшись, отрезал Шерлок.

– А мне нравится.

– Да ну тебя! – воскликнул он. – И вообще, ты в курсе, что уже через полчаса последний подъём для нашей смены? Нужно сделать его особенным.

– Давай, тащи картон. Соорудим им третьего робо-вожато-го, чтоб не грустили, уезжая.

– А потом капитану отряда его подарим.

– Саш, вот что бы я делала без такого напарника, как ты?

– Скучала бы. И не зови меня по имени.

– Хорошо, при детях не буду.

– Чертовка, – засмеялся Шерлок. – И зачем я тебе только рассказал?

—

Последняя зарядка в смене. Оголтелые лица немногочисленных проснувшихся вожатых с впалыми глазами и синими кругами под ними. Бодрая отбивка, под которую мастер по спорту выходила на площадку и начинала показывать давно выученные всеми движения, уже резала ухо, а вожатский танец, после которого все обычно шли на завтрак, педагогический состав станцевал так, что их потуги выйти из прострации и вложить последние силы в развлечение детей выглядели комично.

Отряд Власа жил далеко от сгоревшего корпуса, у них последнее утро выглядело так как и всегда: хитрые перешёптывания о том, кто к кому заглядывал в комнату ночью и немного грусти по поводу окончания смены. Влас замечал, что они стали мягче. Уже не было желания бунтовать, отрываться напоследок – кажется, они сделали всё, что хотели, пока их вожатые пытались тушить пожар. Ну хоть спасибо, что тихо и без последствий.

После зарядки в общую беседу педсостава пришло сообщение от Ирины: «Борзенко, зайди в штаб». Да уж. Можно было ожидать, что даже после успешной эвакуации детей из горящего летящих корпуса его прегрешение на планерке не будет забыто.

Уже приготовившись получить основательных люлей и записаться в личном деле, Влас пошёл к начальнице смены. Она сидела в штабе одна и, увидев, его, жестом попросила приотворить дверь.

Будто ожидая от него объяснений вчерашней драки, она подозвала Власа к себе, кивнула головой и замолчала, глядя на вожатого осуждающе. Влас пожал плечами: каюсь, мол. Что ещё подытожить?

Пауза затянулась. Когда стало ясно, что Влас не намерен ничего говорить, Ирина вздохнула и сказала строго:

– Я всё понимаю, но чем ты теперь лучше детей, которые на тебя металлолом собирали в прошлой смене?

«Тем, что не собирался бить со спины, но да ладно, и вправду глупо было бы сказать это вслух». И Влас промолчал, а начальница смены продолжила:

– Ты полтора месяца чуть ли не каждый день разнимал драки, а потом сам вступил в неё, да ещё и с коллегой. Этого было бы достаточно, чтобы уволить тебя.

Влас был готов. Пусть. Жаль, детей проводить не полу-

чится, но он заслужил. За всё надо отвечать.

– Но сегодня последний день смены, а ещё ты с пожаром помог. Это не иступляет твоей вины, но если пообещаешь не возобновлять конфликт в стенах лагеря, можешь остаться. Мгновение остановилось, так напрягавший на планёрках шум часов затих. «Неужели действительно простили?» – думал Влас. Он и не предполагал такого развития событий. Ему было радостно и одновременно жаль оттого, что он не может подобрать верные слова благодарности, когда Ирина чуть смягчилась в лице и сказала:

– Ну всё, беги, а то завтрак пропустишь.

Влас ничего не сгенерировал, кроме неловкого «спасибо». В дверях штаба он повернулся, ещё раз сказал повторил своё «спасибо». Ирина кивнула, и с прежним деловым видом подравняла стопку бумаг о шершавую поверхность длинного старого стола.

Провожая детей, Влас расчувствовался и неожиданно для себя выдал своему отряду целую прощальную речь. Слова находились налету, а главная мысль, как стрела, неслась, летела, и, кажется, всё же достигла сердец и умов любивших-

ся Власу двадцати двух самарских деток:

– Все хотят ломать систему. Но никто не думает о том, в каком месте и в какую сторону. Вы, ребята, которые тра- тят себя на курение в туалетах и побегі за шаурмой, способ- ны на большее и лучшее. Просто посмотрите вокруг. В боль- шинстве своём люди ведут себя так, будто они в своей соб- ственной жизни очевидцы, и от них ничего не зависит. А вы все, молодые и умные, способны на своём примере показать, что жить можно по-другому. Вы могли бы перевернуть горы, чтобы они стояли на вершинах, подножием вверх, запустить время в слоумо в обратном направлении, сдать все школь- ные экзамены в один день и просто на секунду выпрыгнуть из атмосферы, потрогать эту лампочку-луну и вернуться об- ратно. Я верю, что только от наших усилий зависит мир, ко- торый мы каждый день, просыпаясь, видим.

Возраст свой детям он так и не рассказал с расчётом на то, что может попасть в следующем году на практику в этот же лагерь, и проводил свой отряд до вокзала, помог занести сумки в вагон, в последний раз спел с ними лагерную песню про перевал, ещё раз с умилением посмотрел на то, как де- ти плачут, обнимаются и обещают вернуться, и с нежностью и наступающей тоской проводил взглядом поезд «Анапа— Томск».

Через два дня после отъезда последних детей собрались домой и вожатые. Кажется, в тот день девчонки из педсостава выплакали годовой запас воды в Африке. Плакали и Ирина Сергеевна, и Ирина Евгеньевна, и Варя тоже. Особо бурно она прощалась с соседками по вожатской, шутки которых не понимал никто, кроме самих них. Подарки на память, сожаление о том, что кто-то из них видится последний раз в жизни, перечисление общих воспоминаний и прощальные слова девочек, полные меланхолии, на секунду прервал голос:

– Варь, – негромко окликнул Шерлок, как всегда незаметно оказавшийся за спиной и, дождавшись, когда напарница повернётся к нему, добавил: – Помнишь историю про Птенца?

– Конечно, – ответила Варя.

Свежий синяк Шерлока снова бросился ей в глаза, и стало стыдно оттого, что Влас поднял руку на человека, способного на столь чистые чувства.

– Я её выдумал.

Нельзя сказать, что Варю задел факт обмана, но всё же ситуация привела её в явное замешательство:

– Но зачем?

– Самому сложно понять. Наверное, мне бы хотелось, чтоб у меня был такой друг.

Всю одухотворённость момента перебила рука Власа, властным движением сгребавшая Варю в сторону от Шерлока. И тут дамбу прорвало:

– Прекрати! – крикнула Варя и от досады за испорченное прощание со всей силы оттолкнула руку Власа и повернулась к нему. Тот, молча и недоумевая от такой агрессии, глядел на неё.

– Я не просила быть моим секьюрити, – с весомым раздражением, почти не понизив голос, выругалась Варя и зашагала в сторону калитки.

Влас достал из кучи чемоданов её большой походный рюкзак, чтобы помочь донести до автобуса, но Варя выдернула его прямо из Власовых рук со словами:

– И дворецкий мне тоже не нужен.

И понесла рюкзак сама.

Единственный на памяти Власа раз, когда он застал Варю злящейся, выглядел совсем иначе. Не так, как сейчас. «Её реакция была несоразмерна тому, что я сделал, – думал он. – Если только она ничего от меня не скрывает. Тьфу, да что за подозрительность? Наверное, всё это действительно от работы с детьми. Варя честная. Иначе это была бы не Варя. Но с другой-то стороны, работая вожатой, она всё время должна была быть стойкой. А за пределами лагеря ей всего лишь восемнадцать. Она не обязана быть мудрой.

Влас смотрел в окно вагона на закат. Уже угасающий. И вспоминал:

– И что гугл рассказал тебе о метро в Стокгольме?

– Да ну, ты действительно думаешь, что я тревел-блоги и путеводители читаю?

– А как ещё?

– Просто фото смотрю.

– Не прикольнее ли искать разную интересную инфу о странах?

– Иногда и я этим занимаюсь, но по мне так гораздо приятнее находить любопытные детали на снимках и составлять

в воображении свою собственную картину особенностей города. А потом впечатляться этим.

– Во как загнула. И что, по-твоему, в Стокгольме особенного?

Варя опустила взгляд так же нежно, как она делала это всегда, а потом, рассказывая, и вовсе прониклась созданной картиной и закрыла глаза.

– Вестибюли метро там похожи на галереи современных искусств. Поезда будто случайно попали туда. Подсвеченные яркими цветами пещеристые своды, на каменных стенах грубыми линиями высечены рисунки – почти как древние, наскальные. Есть даже одна станция с детскими каляками-маляками. Мне кажется, что каждый, кто попадает в Стокгольм, становится ребёнком, наевшись мороженого и лакрицы из лавок со сладостями, натканных на каждом углу, нагнадевшись на витрины с ёлочными игрушками, нагулявшись по крохотным переулкам с высокими печальными окнами в серой оправе и коралловыми и горчичными фасадами...

– Варь, я даже таких цветов не знаю, – расхохотался Влас, а она ему в ответ сквозь смех еле-еле смогла выдать:

– Ах, жёлтый и красный.

А сейчас их плацкартный вагон разрезает жёлтые ряды пшеницы, на границе поля горит красный закат. Узкая полоса света алой молнией делила на две части строгий профиль Вари, занявшей себя чтением Густава Майринка на верхней полке. Родное лицо. Ради него и всего, что было за этот год, стоит идти, просить прощения безо всякой вины и чувствовать, как треснет лёд глупой обиды, расплавленный её огромным сердцем.

Влас вспомнил, как они с Варей на таком же шумном поезде ехали в лагерь в наивной надежде увидеть море, не зная ещё, как это путешествие их закалит. В ту минуту его, словно жареный петух, клюнула по мозгам внезапная мысль о том, как прекрасно всё происходящее и уже случившееся. Вечеринки среди недели у Хриса. Победы над учёбой и заносчивыми преподавателями, перелом унылых будней. Новый год, в который ему приснилась Варя. Проснулся, а она рядом. Уикенд в Питере, сотни ночей на балконе, которые Влас выкурил все вместе одной сигаретой, а сейчас ему вот уже две недели было не до курения. Удивительно, но даже не хотелось. Кстати, была ещё одна хорошая летняя ночь – достаточно тёплая для того, чтобы они с Красом, Лепсом и Хрисом напились портвейна и уснули под футбольными воротами. Даже к детям некоторым Влас привязался.

Мог ли он раньше, год, например, назад, представить себе, что всё будет так?

В голове поселилась твёрдая уверенность в том, что дальше всё будет так же классно. И пусть сейчас в другом конце вагона сидит Варя, решившая, видимо, отодвинуть Власа надолго и подальше, он всё равно пообещал самому себе: он добьётся, он найдёт к ней ключ заново.

Влас знал, что всё это временно, что ей нужно отдохнуть от его общества и немного соскучиться. Он решил оставить её в покое на день-два и восполнить недосып, сложившийся за полтора месяца пребывания в лагере. Прямо на закате Влас лёг спать.

Вечер. Снова осень. Варя, хлопая дверью, вылетает из квартиры. Злая на Власа за то, что он спровоцировал ссору, на себя за то, что повелась и только подлила масла в и без того бушующий огонь, на обстоятельства за то, что они, как детали пазла, сложившись, завершили картину тотального пиздеца. Влас находится в тех же чувствах, но, несмотря на это, что-то внутри потянуло его догнать её. Выхватив из

шкафа то самое пальто, которое подарила ему Варя на Новый год (Господи, как это было давно), он быстрым шагом покинул квартиру. Спустился, вышел из подъезда на улицу, и увидел, как она лежит на пустой дороге, прямо на разделительной полосе в позе морской звезды, раскинув конечности в направлении разных сторон света.

– Ты чё делаешь вообще? – заорал Влас через всю улицу.

– Может меня собьёт кто-нибудь получше тебя, придурок!
—выкрикнула та в ответ.

– Совсем крыша поехала?!

Мимо пронёсся одинокий ситроен, вильнув в сторону. Варя попыталась пересилить звуки гудка, смешавшиеся с громогласной руганью, доносившейся из окна автомобиля, фразой:

– Да пошёл ты!

Её взгляд снова упёрся в Власа:

– И ты!

– Поднимайся, дура... – зло и испуганно окликает её тот.

Он не успел договорить, буквально из ниоткуда появился гудящий камаз, и Варя исчезла под ним...

Под глухой хруст позвоночника Влас проснулся, и от резкой попытки подняться с шумом свалился на пол.

Темнота, глубокая ночь. Поезд мчит, лоя окнами лишь редкие огоньки фонарей. Влас двигается наощупь в сторону тридцать второго места – туда, где лежит Варя.

Нашёл. Спит крепко. Он провёл рукой по спине, накрытой тонкой простынёй, вдоль позвонков: как же хорошо, что они вместе, они целы.

Влас аккуратно прилёг на край матраса, прижавшись к Варе, повторил её контуры своими, более грубыми. Вплёлся пальцами в тонкую паучью руку, а она еле заметно их сжала. Кажется, они никогда не признавались друг другу в любви вслух. Они просто всепоглощающе любили.

«А девушка за тем столиком красива», – думал Христов, сидя в гордом одиночестве в полупустом баре. Завтра должны вернуться Влас с Варей, после них – Крас и самым

последним, за день до начала учёбы – Лепс. И сейчас, как всегда бывало в преддверии нового учебного года, у Димы начиналась предосенняя сублимация, именуемая остальными как летняя печалька.

Он думал о том, как всё изменилось за этот год. Так бывает: становишься тем, кем совсем не собирался. В принципе быть человеком-ветром ему нравилось, и даже сейчас, когда мозг заполнило великое множество сокровенных мыслей, задняя извилина Хриса была занята брюнеткой за столиком у окна.

«Ничего такая, – думал он. – Но вот ресницы были лишними. И носогубка³⁸ тоже скорее всего не своя».

Да, без внимания к прекрасному полу, ажурной рамочкой украшавшему его последний год, Христофоров был бы не Хрисом, не Христофом, не просто Димой и вообще вряд ли – собой.

«А началось всё с чего? – думал он.

Началось всё (не поверите) с девчонки.

³⁸ разг. «носогубые складки» – анатомическое образование лица в виде двух продольных линий, соединяющих крылья носа и уголки губ.

Я всегда нравился представительницам слабого пола, не специально. Когда вёл себя как debil – нравился ещё сильнее. А они мне – как-то не слишком. Егор, нынешний сосед Власа в общежитии даже однажды пошутил насчёт моей ориентации. Так я впервые подрался в школе. Но в пятнадцать всё изменилось.

Мы с той девочкой виделись на уроках сольфеджио в музыкальной школе, и вообще первое время Хрис не позволял себе роскошь – заговорить с ней. «Чуть позже, осознав своё преимущество перед девчонкой-первогодкой, я, учась последний год по классу фортепиано, предложил ей помощь в освоении нелёгких аспектов нотной грамоты. Она едва научилась соединять партии левой и правой рукой, когда я начал отчётливее понимать природу своей симпатии:

Она была воплощением женственности, хотя сама ничего для этого не делала и никогда не выделялась – это раз. Она много улыбалась, а её смех, попадая в какую-то нужную ноту, будто бы резонировал – это два. И вообще голос у неё был приятный. И три: когда её ровесницы беспардонно громко сплетничали в перерывах, она не поддерживала тему и только иногда прикрывала рот рукой, смеясь. Ещё тогда, в пятнадцать, попав на иглу её очарования, я ещё долго не мог с неё слезть. И до сих пор не уверен, что мне удалось.

Мы снимали бы вместе маленькую студию с видом на набережную, пили бы вермут по выходным. Миновали бы ЕГЭ, студенчество и магистратуру, переехали бы вместе в Москву и летали бы в Европу каждое лето, если бы не хлопнуло дверью оглушительное для меня известие. В свои пятнадцать девочка вела двойную жизнь. Не хочу вдаваться в то, как я это узнал, но на тот момент привязанность была достаточной для того, чтобы я негласно стал её лучшим другом и постоянным любовником.

Она оказалась нимфоманкой. Горячей и больной, сменившей всех психиатров в округе, тщательно скрывавшей своё пристрастие от всех, кто не мог разделить с ней ложе. Она скрупулёзно контролировала все детали поведения, чтобы не выдать себя. Какого пятнадцатилетнего юнца жизнь готовила к такому? Когда я полностью оценил масштаб жести, которую она называла жизнью, и понял, что она не шутит, было уже очень поздно. То, что происходило в течение следующих почти двух лет, было похоже на пламя: завораживающе красивое, играющее бликами, оно то согревало, то обжигало. Оставались уродливые рубцы, но тогда я уже не помнил, какой была жизнь без этой девушки. И не хотел даже представлять. А какое место в её жизни занимал я? Удивительно, но не последнее. Я сам удивлялся тому, что она мне верила. Через четыре месяца нашего близкого общения она призналась, что ни с одним парнем до меня не спала два-

жды. Думала, что это какое-то проклятие – секс у неё случался ровно раз в месяц и каждый раз с новым человеком. Был даже альбомчик, в котором она акварелью рисовала маленькие портреты каждого. Ноябрь был кудрявым и светлоглазым, август – с густой щетиной, а апрель, как оказалось, учился в моей школе и был всего лишь на год старше. Тем самым знаком доверия, о котором я говорил, было то, что она подарила мне этот альбомчик со словами: «Я хочу, чтобы ты разрушил эту цепочку».

Я покосился на портреты, подписанные последними четырьмя месяцами.

События следующего полугода бросали меня, обожженного, в прорубь, под лёд, и пару раз я едва успевал глотнуть воздуха в конце.

Она привязалась ко мне.

Дальше началась большая путаница, в ходе которой единственное, что я понял наверняка: нимфомания – это реальная болезнь, хуже раздвоения личности и всех психозов. Пытаясь выяснить, откуда ноги растут, я узнал о своей пассивности больше, чем готов был. Начиная со скрытого комплекса вины и соперничества с матерью, заканчивая ранним случайным лишением девственности: всё подкрепляло в ней ма-

нию. И тогда, признаюсь, я не выдержал постоянных мыслей о её соитии с другими парнями: насочинял отмазки ради симпатию к девушке с летней подработкой и предложил расстаться. Я не хотел этого делать, но понимал, что иначе ситуация может необратимо сказаться на мне самом: всё чаще грезилось о здоровых чувствах, не мешанных с недомолвками и постоянным страхом правды, и я не раз пугался того, что мне не представлялось возможным испытать их к кому-либо из окружавших меня девушек. А с ней это казалось невозможным. Теперь я страшился своей любви, я хотел её избежать, она снова и снова будто назло мне вылезала, как прыщик на самом видном месте.

Мы поменялись местами: зависимым стал я. В среднем раз в месяц все мои попытки обрести новую симпатию заканчивались ещё одной ночью с прежней. И так снова длилось почти год. Прошёл последний звонок, сдан был последний госэкзамен. И она сказала мне, что уезжает в Москву. Поступила, умница.

Меня разрывало от радости скорби, когда я помогал её семье тащить чемоданы на вокзал. Но всё оставалось внутри: внешне я старался не эмоционировать. А она радовалась, Пташка. Летела в новую жизнь.

И тут остановилась среди зала ожидания:

– Смотри, пианино!

Почему оно было на вокзале? Не знаю. Наверное, очередная развлекаловка в рамках юбилея области.

– Сыграй мне что-нибудь на прощанье, – попросила она.

«На прощанье.

На прощанье.

На прощанье.

На прощанье.

На прощанье,» – циклично зазвучало в моей голове. Я давно не играл и, казалось, не помнил ни ноты. Не знаю, что меня заставило сесть инструмент. Первый аккорд своей силой осадил всю милую болтовню Пташки с сестричкой по дороге из дома, и она умолкла. Звуки под тяжёлыми пальцами зашевелились, поползли в неторопливом арпеджио. Откуда я помню эту мелодию? Почему нахожу в ней всё больше новых звуков? Добавляя и добавляя ноты, я почти упустил изначальный облик произведения. Пальцы забегали быстрее, люди с бокового зрения начали исчезать, пропала и Она,

Остались только клавиши.

Всё, что было со мной за эти два года.

Все моменты эйфории и отчаяния.

Все сомнения.

Всю-все-вся-всё через купол кисти и фаланги вливалось в самую сердцевину инструмента и разрушалось там, внутри, звуком. И чем больше я импровизировал, тем ярнее ощущал, что всё грустное и злое покидает меня.

Вместе с ней.

Я остановился. Огляделся. Вокруг собралась приличная толпа зевак. Кое-кто даже захлопал. Из знакомых лиц – только пташкина младшая сестра.

– Поезд отходит через семь минут, – говорит совсем детским голоском она, поправляя длинную растрепавшуюся косу. И вот мы уже бежим к платформе, подрезав все очереди на металлоискателях. Несёмся к девятому вагону, залетаем внутрь, чуть не сбив с ног проводницу. Проводница ругается, кричит, что поезд отходит через две минуты, а я чуть ли не в ногах у любимой, судорожно зацеловываю лицо, пыта-

юсь запомнить на ощупь щёки, волосы и плечи, почти плачу оттого, что Оля, Олечка, Оливия уезжает с секунды на секунду.

А она говорит. Она постоянно что-то говорит, но я уже не слушаю, потому что знаю: она только прячется за словами.

Увесистая проводница тащит меня за рукав джинсовки, поезд трогается, и я, урвав последний солёный от пташкиных слёз поцелуй, бросаюсь к выходу, не видя ничего вокруг, и выпрыгиваю из тронувшегося поезда. Едва отдышавшись, я замечаю в стороне семью Оли, смотрящих на меня как на дикого. Что ж, наверное, так я и выглядел.

Где-то ещё месяц мне через день снилось, как я отталкиваю проводницу, рву стоп-кран, целую Оливию ещё пару минут, а потом охрана тащит меня под руки к выходу из вокзала.

Я до сих пор иногда думаю о том, почему я тогда сел играть на пианино и упустил возможность побыть с ней чуть дольше. Тяжёлый момент прощания? Я до сих пор не знаю, была ли это любовь или всего лишь моя одержимость и заикленность на её болезни. Одно ясно точно: после этого общения девушки нравятся мне будто лишь наполовину. А где остальное? Не знаю. Лучше бы было у меня, но, боюсь, оно

до сих пор у той, которая, как недавно выяснилось, отчислилась из Москвы и вернулась обратно в Тюмень.

Не дай Боже увидеть её

и не дай упустить.

Дай разобраться в себе и влюбиться в какую-нибудь простую девушку. Не в такую яркую, не в такую токсичную.

Чёрт. Катенька растёт похожей на неё. Но, к счастью, только внешне, так что сердце у меня к ней ёкает не так часто – только когда она поворачивает голову в профиль и улыбается, становится почти как сестра.

Но я верю, у Катеньки другое будущее.

А какое у меня? Не знаю, но предчувствую, что хорошее. И пусть друзья не знают о моём прошлом, я точно уверен: если случится дерьмо, они помогут выбраться и оклеиматься.

Два дня подождать, потерпеть – соберёмся вместе снова. И тоска отойдёт на второй план.

Прибыв домой, Варя предложила Власу закопать убитые после смены кроссовки в дальнем углу городского парка в знак примирения. В похороны палёных вэнсов и безымянных тапок из «Спортмастера» вмешался полицейский. Подумал, что ребята закладку ищут. Сначала Варю это насмешило, но потом она по классике своих убеждений огорчилась: мол, одни торчки вокруг. Но как в такую хорошую погоду можно долго печалиться? Последние дни лета, нужно выжать из них всё тепло. Некогда грустить.

– По мороженому? – предложил Влас.

– В другой раз. Я на мели.

– Брось. Сегодня я могу угостить.

В Варе заиграла феминистская жилка:

– Вот ещё я бедных студентов не объедала.

– Варь, хоть раз в жизни дай поухаживать за тобой. Ты какое будешь?

– Шоколадный пломбир.

—

Уже второй день Влас ходил в прострации. Оказывается, за полтора месяца можно совсем забыть, каково это: жить вне лагеря. Ничего не происходило, ничего не снилось, общение с Варей впервые с момента знакомства просто затихло. Сигареты закончились давно, и не было желания их покупать. Даже пива не хотелось. Влас долго думал, что можно сделать с этим состоянием, и в итоге впервые за долгое время вышел на пробежку.

Восемь часов утра. Приятно чувствовать, как прохладный влажный воздух, доносимый ветром откуда-то из хвойного леса, гладит тебя по лицу, волосам, шее, голым рукам, треплет футболку.

– Бро, ты в порядке?

С бегущим поравнялся Валера Красников.

– Да вроде, а что случилось?

– Хорошо, если ничего. А то вид у тебя какой-то потерянный.

Влас прокрутил в голове последние события. Было бы странно, если бы скандал с Шерлоком, пожар и чуть не слу-

чившееся расставание с Варей не выбили бы его из колеи.

– Всё в порядке, Крас. Спасибо, что спросил.

– Ну ты имей ввиду, что если возникнут какие-то проблемы, мы с ребятами за тебя в любое дело впряжёмся.

И тут Власу будто лёгкие кислородом под давлением раздуло: он вдохнул и не мог выдохнуть. Небо стало чище в своей синеве, а на глаза начала наворачиваться горечь, которую Влас еле сдержал.

Вот он – спасительный удар по щеке, лифт из прострации на землю. Пробудившийся Влас полными благодарностью глазами посмотрел на Валеру. Тот спросил:

– Мы же в день рождения твой собираемся?

Влас кивнул. Красников ещё с полминуты молча бежал рядом, но на углу школы, за которой был стадион, попрощался и свернул, как обычно.

– Мне туда, – сказал Валера. – Влас, дружище, ты не закрывайся в себе. Даже если просто скучно будет – звони, пиши, – вытащим.

И он исчез из вида за углом.

Влас в тот день добежал до самой лесополосы на окраине города, синхронизируя сердцебиение с каждым касанием кроссовок оземь. Дома и деревья вокруг пульсировали в такт, будто бы тоже бежали, но в противоположном направлении. Каждый камешек на дороге вибрировал под ногами, Влас чувствовал год и город, что оставил позади. Впереди его ожидает второй курс – что-то совершенно новое.

Но с самыми лучшими старыми людьми.

Когда Влас увидел своих друзей вновь, спустя два месяца, он понял, что скучал. Сентиментальное слово, но другого, более близкого, он не нашёл. Где-то с полминуты все молчали и улыбались, как придурковатые. Вспоминали, каково это – видеть друг друга. Они не просто светились, кожа их лиц дышала всем тем, что было пережито летом. Так сильно и ярко. Так искренне. Кажется, от переизбытка чувств они потеряли все слова, какие хотели сказать. От этого было ещё радостнее, нелепее и смешнее. Все соскучились по всем. Но тут кто-то что-то выпалил, и пошло, поехало, понеслось.

Они не могли наговориться. Слова посыпались на головы.

Мари махала руками и без конца восклицала, Лепс и Хрис традиционно чуть ли не валяли друг друга по полу, дурачились. Вернулся обгоревший Красников в тельняшке. Он стоял, облокотившись на дальнюю стену, разговаривая с маленькой Катей, у которой, кстати, была новая причёска. Даже пиво не было времени открывать.

Варя пришла в чёрной водолазке и джинсах, плотно сидевших на талии. Они её не обтягивали. Неплохо подчеркивали изгиб бёдер, но это не выглядело вульгарно. Просто все привыкли видеть Варю в более свободной, порой даже мешковатой одежде, а тут она подобрала нечто совсем другое, но не изменяющее её вкусам. Ничего себе.

«Неплохо так она меняется», – подумал Влас. Последние недели в лагере ему было некогда бриться, а когда появилось время заглянуть в зеркало – оказалось, что щетина у него начала расти ровнее и гуще, чем раньше. И что она ему в целом идёт. Так и оставил. Варя говорит, стал похож на... кхм, ладно, не будем об этом.

Влас не помнил, сколько прошло времени, сколько восклицаний озарило комнату, прежде чем он поймал себя на мысли о том, что уже чувствует новые веяния наступающего второго курса. Ему больше не восемнадцать. Самый сок впереди. Но то, что произошло с ним за этот год, останется

и будет греть сибирской зимой, когда отключат отопление.

Благодарности

Артёму Гужеченко, Владимиру Варову, Арману Мурадяну, Максиму Голенкову, Владиславе Никитиной и Богдану Колмычеку за помощь в редакции.

Никите Фесенко и Эльдару Якубову за техническую часть и бесконечно приятную готовность помочь во всём, в чём можно.

И Иванне Сурменевай. Просто потому что она попросила. У меня лучшая в мире сестра восемнадцати годиков от роду, какую только можно вообразить.

Извинения

Конечно, перед моим школьным преподавателем русского Л.П. Корочинской. Людмила Петровна, простите за мат и всё, что могло показаться Вам хамством. Знаю, не такому языку вы меня учили. Но разве честно было бы по отношению к читателю в угоду приличиям приукрасить реальный портрет нашего поколения? Вот так я не церемонюсь со своей аудиторией. Оттого она и немногочисленна.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа (фотография), сделанная автором данной

книги. Все права защищены.